

СМЕНА

№ 18 (140) СЕНТЯБРЬ 1985

ISSN 0131-5555

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ
ОТЧЕТ «СМЕНИ».

800 ЛЕТ
«СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».

СУДЬБА И ПЕСНИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО.

ПОЖДА БЕРЕГУЩИ

Евгений ПАВЛОВ

Восславим женщину-мать! Если бы имел я дар художника, то образ матери, вечный и всегда современный, написал бы именно с этой милой, скромной женщины. У нее одна, уже взрослая дочь, но через руки и сердце Марины Гургеновны Контаревой, главного врача московского Дома ребенка № 12, прошло по меньшей мере две тысячи ребячьих жизней.

С виду это утонувшее в зелени приземистое здание на улице Гарибальди ничем не отличается от обычного детсада. Того, например, куда я воюю своего сынишку. Все привычно, если бы не эти обжигающие душу слова — «Дом ребенка». Сто детей, едва появившихся на свет и уже оставшихся без родителей — вот кто живет в этом доме.

Мы пришли сюда в «тихий час». Малыши мирно посапывали в своих кроватках, самые маленькие крепко спали в колясках прямо на веранде, на свежем воздухе, а ребята постарше уже уехали на дачу.

В тесноватом кабинетике главного врача зазвонил телефон. Марина Гургеновна сняла трубку — в глазах тревога. Звонили с дачи — заболел Андрюша З.

— К вам выезжает машина — стараясь сохранить спокойствие, говорит Контарева. — Дайте ему жаропонижающее — Извинившись, она оставила нас одних, а сама пошла отдавать спешные распоряжения.

Вот уже 23 года, изо дня в день, утром и вечером, Марина Гургеновна в таких беспокойных и бесконечных хлопотах. Пожалуй, лишь с нелегким трудом матери-героини, родившей и воспитавшей десять, а то и более детей, сравнится ее работа. Только малышей, а значит, и забот у главврача Дома ребенка в десять раз больше. Впрочем, кто может и каким способом измерить материнские хлопоты и переживания?

Почетом и уважением окружено у нас в стране материнство. Почти 388 тысяч женщин носят гордое звание «Мать-героиня». Да, именно героизм, героизм повседневности, совершает каждая многодетная мать. И смешно спрашивать, какой ребенок ей дороже. Ведь каждое дитя — это ее плоть и кровь, «кровинушка», как говорили в старину.

Но есть, к сожалению, — это Контаревой слишком хорошо известно — и кукушки в человеческом облике, которых не только матерью, но и женщиной-то называть не хочется.

— Как только такая земля носит! — с горечью говорит Марина Гургеновна. — Почитайте, что пишут они, когда отказываются от собственных детей, — сердце разрывается!

«Вторично прошу передать мою дочь на государственное обеспечение, — с внутренним содроганием читаю написанное от руки заявление. — Правовые последствия передачи дочери на усыновление (так и написано — на усыновление) мне разъяснены. Претензий к органам здравоохранения, опеки и попечительства, усыновителям предъявлять не буду. Заявление написала добровольно». А чуть ниже — сведения о себе: «Рост 167 см, волосы русые, глаза зеленые, 19 лет, образование среднеспециальное...»

Написано явно под чью-то диктовку. Может, не ведает, что творит, эта двадцатилетняя «русалка» с зелеными глазами? Может, через год-два локти будет кусать?.. Но вот подобные заявления от тех, кто родил в 24, 36, 40 лет. Значит, дело тут не в возрасте.

Мы спросили Марину Гургеновну: «Кто же бросает своих детей?» Главврач назвала цифры. Беспристрастная (беспристрастная ли?) статистика Дома ребенка показывает: больше половины воспитанников — это дети так называемых «одиночек». Нет, не матерей-одиночек — от материнства они отреклись собственноручно, — а тех одиночек, порхающих по жизни женщин, которые надеются найти свое призванное личное счастье путем отказа от материнских уз. Ссылаются на строгую родню, низкую зарплату, плануют на свою горькую участь, но разве стоят их слезы хотя бы одной слезинки безвинного, обездоленного младенца?..

Сирот, то есть детей, у кого родители умерли или погибли, в Доме ребенка можно пересчитать по пальцам. Куда больше тут тех ребятшек, от которых отказались и мать, и отец, тех, чьи горе-родители лишены родительских прав.

О первых, «отказниках» и говорить-то не стоит, ну, а во втором случае позиция Контаревой ясная и твердая: если ребенку плохо в семье (а такое, как это ни протривоестственно, бывает), то надо немедленно, без проволочек брать малыша на государственное попечение.

Двадцать с лишним лет назад выпускница Первого Московского мединститута и не думала, что будет работать в Доме ребенка. Контарева пришла тогда сюда с одной целью — поработать лето на даче. Однако, к счастью для всех, вышло

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

иначе, она, сама молодая мама, близко к сердцу приняла беду чужих детей и осталась с ними.

— Главная наша забота, — говорит Марина Гургеновна, — растить здоровых и развитых ребят. В штате у нас около 20 медиков, в том числе 6 логопедов. Такие специалисты нужны не только для медицинских, но главным образом для педагогических целей. Ведь у детей в домах ребенка имеются определенные задержки в психоречевом развитии. В хорошей семье малыши постоянно с мамой и папой, постоянно тренирует речевой аппарат, а тут, как мы ни стараемся, тесного контакта достигнуть трудно.

Больше всего заботит и тревожит всех без исключения работников Дома ребенка будущее, завтрашний день малышей. Ведь здесь дети воспитываются лишь до определенного возраста. А что дальше?.. Если не одумаются родители, не возьмут под свою опеку хорошие люди, то приходится переводить четырехлетнюю кроху в детский дом.

Потому-то и раздаются колоколам в уютных квартирах телефонный звонок. Воспитатели, патронажная сестра, главврач пытаются пробудить в людях, отказавшихся от своего дитя, родительские чувства, совесть. Иные бросают

трубку, грозят жалобами. Но, к счастью, не все. «Как я могла жить без дочки!» — в запоздалом прозрении восклицает молодая мать. И тогда приходит на имя главного врача вот такое письмо.

«Пишет Вам мама бывшей воспитанницы Тани. Теперь она благодарит Вас Тая Н. Мы с мужем часто с благодарностью вспоминаем Вас, ведь это Вы сделали нашу семью счастливой. Мы обязательно навестим Вас, а пока посылаем Танюшкины фотокарточки. Дочка давно разговаривает, читает стихи. Мы придем, и она Вам почитает. До свидания. Семья Н.»

На фотографии — улыбающаяся девонка с большой куклой в руках. И подумалось: ради счастья таких вот малышей, ради счастья родителей и работает врач Контарева.

Недавно Марине Гургеновне Контаревой и Валентине Константиновне Куприяновой присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

ОН В ВАМ, Е ДЕТСТВО!

Валентина Константиновна приходит в детский дом ранним утром, до подъема. Боясь спугнуть чуткий ребячий сон, обходит спальные комнаты, вглядывается в прилунвавшие к подушкам лица. Какие сны снятся сейчас ее мальчишкам и девчонкам?..

Их без малого четыре сотни, таких разных, таких трудных без всяких кавычек детей. И каждый дорог ей как собственный ребенок.

Валентина Константиновна придирчиво осматривает спальни: все ли в порядке? Еще каких-нибудь 15—20 минут — и подъем. Начинается новый день, полный забот и тревог. Какой это по счету день у нее, директора детского дома? Впрочем, до дней ли тут, если только в этом Новочеркасском детдоме № 2 она, Валентина Константиновна Куприянова, работает вот уже 19 лет. А еще раньше — десять лет в детдоме № 8: Ну а если заглядывать дальше, лет на 30 назад, то и тогда она, школьная учительница, была связана с воспитанника-

ми детского дома. Короче, вся трудовая жизнь Валентины Константиновны — это нелегкое дело воспитания ребят, лишенных родительской опеки.

Да только ли трудовая?.. Ведь сама она выросла в Азовском детдоме — в 1943 году погиб отец, а еще раньше, до войны, умерла мать. «Сиротки» — называли их в те далекие годы взрослые, протягивая ломтик хлеба или кусочек сахара. Но разве сравнить их, детей военного лихолетья, с нынешними детдомовцами? Как бы ни было тогда голодно и холодно, они не озлобились, не теряли веры в добро. Ведь их личная беда была неотделима от всенародного горя, которое принесли в наш дом фашистские захватчики.

А теперь?.. В детский дом попадают ребяташки, у подавляющего большинства которых есть родители, хотя назвать их родителями язык не поворачивается. Эти дети, как солдатские осколки, носят в себе незаживающую боль, какую причинили им самые близкие по крови люди. Не дети, а порох. Одно неосторожное движение, одно не-

осторожное слово — и взрыв! А то и хуже — еще больше замыкаются, отдаляются от всех, копя в себе разжигающую горечь невысказанных обид.

В общении с такими ребятами нужны полная откровенность, взаимное доверие. Завоевать это доверие ох как непросто. Здесь одних лишь педагогических знаний мало, требуется любовь, огромная, неиссякающая любовь к детям.

«Подъем!» И ожил, зашумел, закопшился весь дом. Зарядка, завтрак — все как положено. Ребята уйдут в школу, а у директора забот не убавится: ждут неотложные хозяйственные дела, кадровые вопросы, хорошо бы и с шефами встретиться... Время летит незаметно.

Самые младшие ребяташки из детдома № 2 ходят в первый класс. А самые первые воспитанники Куприяновой — уже бабушки и дедушки, у которых свои внуки учатся в школе.

Летит время. Разлетаются по стране и бывшие детдомовцы. Но многие остаются в Новочеркасске — учатся в ПТУ, техникумах, институте. Работают на

предприятиях, в том числе и на известном электровозостроительном заводе, коллектив которого шефствует над детдомом. Здесь они получают общежитие, а женатые и замужние — квартиры «малосемейки». Словом, встают на ноги, обретают самостоятельность.

Но случись какие-то осложнения или беда — первым делом идут в свой дом, к Валентине Константиновне. И просто так посидеть, потолковать по-семейному, как в былые годы, частенько заглядывают.

Нет, в знаменитости из детского дома № 2 пока никто не вышел. Зато в люди вышли сотни воспитанников. И это главное!

— Счастье?.. — улыбаясь, переспрашивает Валентина Константиновна. — Вот это и есть мое счастье. Когда наши дети вырастают хорошими людьми, честно, добросовестно трудятся...

Вся жизнь, как и каждый день Валентины Константиновны Куприяновой, наполнена неустанной, высокой пробы работой.

Начинается новый день...

Фото
Александра
ПОТАПОВА

«Смена» сердечно поздравляет вас, дорогие наши труженицы, с наградой. Желаем вам здоровья, счастья, успехов в вашем непорочном, поистине благородном деле!

ЧТО ИМ

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ

В Старом Осколе, где сооружается крупнейший в Европе электрометаллургический комбинат, строительство жилья идет микрорайонами — своеобразными островами в густом хвойном бору. Здесь с автокрановщиком Владимиром Бабкеевым одно за другим и случились два ЧП.

Как-то прораб дал команду выдерживать автокраном сосны и ели, которые якобы мешают строителям. Бабкеев взбунтовался: «Не буду выдирать!» Закусил удила и прораб — кинулся к телефону жаловаться на строптивного машиниста автокрана. Дело дошло не только до начальства управления механизации №43, но и до руководителей производственного объединения «Электрометаллургстрой». Обстановка накалилась до предела. Собравшись у автокрана Бабкеева, начальство приняло «соломоново» решение: «Там, где в этом нет прямой необходимости, деревья не трогать». Сейчас в Новом городе много хвойных деревьев, спасенных Бабкеевым. В сочетании с оригинальной планировкой и многочисленными цветниками они делают жилой массив еще более интересным и привлекательным.

В другой раз дело было так. Возле дома, где живет Бабкеев, стоят три дубка. Однажды по направлению к ним загрохотал бульдозер. Бабкеев заглушил автокран, бросился наперерез и встал перед ножом бульдозера. Высунулся из кабины бульдозерист:

— Ты чего?

— А ты чего? Не видишь, деревья перед тобой?

— А у меня приказ: сделать планировку территории!

— Не будет этого! Плохой тебе дали приказ. Но ты-то — человек или робот?

Бережь нужно то, что у нас есть! Собрались жильцы, стали рядом с Бабкеевым. Бульдозерист пошумел, почертыхался, развернулся и уехал. На этот раз кинулся к телефону Владимир: звонить в горисполком и в редакцию городской газеты. Дубки остались в целости и сохранности.

...Люди живут по-разному: весело и задорно, тихо и осторожно, бездумно и бесшабашно, широко и талантливо, зло и завистливо. Бабкеев — человек задирный, беспокойный, считающий себя в ответе за все, что происходит вокруг... — и вечно попадающий в какие-нибудь истории, — добавила его жена Людмила. — Вы только посмотрите: тридцать лет, а уже весь седой.

Был мартовский гололед. Осторожно и неторопливо катил он свой КраЗ по главной улице на стройку. Справа впереди на остановке — автобус с пассажирами. Из-за него вдруг вывернул на дорогу другой автобус. В нем тоже люди. Как избежать столкновения? Бабкеев взял круто влево. Автобус-нарушитель — тоже туда. И вдруг, развернувшись поперек дороги, остановился. Перепуганные пассажиры кинулись в разные стороны. Середина автобуса осталась пустая.

Говорят, что у летчика в бою может быть только одно решение. Если начнешь перебирать в уме варианты — ко-

нец. У Бабкеева тоже был только один вариант. Поняв, что столкновения на скользкой дороге не избежать, он ударил по тормозам и направил многотонный КраЗ прямо в середину автобуса. Трос подъемного крана разрезал тонкие стены салона до самой рамы. «Люди живы?» — только и спросил Бабкеев, когда кто-то подбежал к его кабине. И впал в шоковое состояние, услышав ответ, что никто не пострадал. Потом он безвольно поставил какую-то закорючку, когда прибыли работники автоинспекции и составили протокол. В тот вечер Владимир и пришел домой поседевшим, и мать с женой испугались, увидев его таким.

В ходе следствия выяснилось, что в аварии виноват водитель автобуса, который не только нарушил правила дорожного движения, но к тому же был крепко пьян. Пока суд да дело, права у Бабкеева забрали, машину — тоже. Полтора месяца он ходил в слесарь-ремонтниках. Потом права ему вернули. Дали и машину. Правда, не прежнюю — у нее уже был другой хозяин, а старенькую и полуразбитую. «Подзаборную», как здесь говорят. Я ездил с ним на этой машине и все никак не мог поверить, что восемь лет назад она была готова к списанию и на нее никто не хотел садиться. А вот попала в бережливые, хозяйские руки, — и еще сколько прослужит!

Наутро мы встретились с Владимиром в условленном месте и покатали в совхоз «Ленинский». По дороге он рассказал, что мощный «Электрометаллургстрой» сооружает не только металлургический комбинат, но и строит различные объекты в подшефных колхозах и совхозах. В совхозе «Ленинский», например, бригаде Ивана Дмитриевича Федоровича поручено построить одиннадцать двухквартирных жилых домов улучшенной планировки со всеми коммунальными удобствами.

Когда мы подъехали, автокрановщику здесь делать еще было нечего. Можно посидеть, покурить, поразговаривать. Но Бабкеев, поздоровавшись со строителями и представив меня бригадирю, быстро оценил обстановку и тут же исчез. Я видел, как он сначала сваривал какую-то хитроумную металлическую штуквинку, потом кидал лопатой песок в ящик; складывал кирпичи на поддоны, сгружал доски с только что подъехавшей автомашины...

— Молодец парень, — сказал бригадир. — Не может сидеть без дела. Поэтому мы всегда берем его в свою бригаду и начисляем премиальную надбавку из своего хозрасчетного фонда. Знаете, не с каждым крановщиком легко и интересно работать. Был случай — прислали к нам вместо Володи одного «субчика». Сидит, покуривает или спать завалился в кабине. Появляется работа для него — начинает условия ставить: то не так, это не эдак. Так что снова затребовали мы к себе Бабкеева...

— Послушай, — спросил я, когда мы возвращались из совхоза, — а зачем, собственно, тебе это надо: делать не свое дело? Лишние деньги приманивают?

— Деньги? — посмотрел он на меня с удивлением. — Конечно, они не лишние. Но самое главное — чего же сидеть сложа руки, если другие работают? Я в этой бригаде уже многому научился: и электросварщиком теперь могу работать, и

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 18 (1400) СЕНТЯБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
фестивальные
встречи.

Фотохуд
Анатолия БОЧНИНА
и Игоря ГАВРИЛОВА.

- 1 **ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.**
Евгений ПАВЛОВ. «ПОКЛОН ВАМ,
БЕРЕГУЩИЕ ДЕТСТВО!»
- 2 **НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.**
БЕРЕЖЛИВОСТЬ — КАТЕГОРИЯ НРАВСТВЕННАЯ.
Михаил ПЕЧЕРСКИЙ. «ЧТО ИМЕЕМ — СОХРАНИМ».
Юрий РОДИН. «НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ИТОГИ».
Петр НОВИКОВ. «КОГДА БРАК... ВЫГОДЕН?»
- 6 **ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.**
«МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ: «ПРОНИКАТЬ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ...»
- 8 **Рассказ Владислава БАХРЕВСКОГО «САНЁК».**
- 12 **«РАДУГА ФЕСТИВАЛЯ».**
Отчет «Смены» о XII Всемирном.
- 14 **Николай ПАЛЬЦЕВ. «МОЛОДЕЖЬ — НАДЕЖДА МИРА».**
- 18 **НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.**
Ксения ВАСИЛЬЕВА. «ГНЕЗДО КУКУШКИ».
- 20 **«СЛОВО ИЗНАЧАЛЬНОЕ».**
К 800-летию «Слова о полку Игореве».
- 24 **Маргарита МАКСИМОВА. «КАК ВОЗДУХ НЕВЕСОМ».**
- 25 **БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.**
Виктор ЖУК. «ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОИ ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ?»
- 26 **Повесть Сергея УСТИНОВА**
«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».
- 30 **Игорь ДЪЯКОВ. «ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: «ТЕАТР И ПЕСНЯ».**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1985 г.

ВЕСЬ — СОХРАНИМ

плотником, и бетонщиком, и столяром, и штукатуром-маляром... Разве плохо? В жизни все может пригодиться. Например, мы с женой строили загородный дачный домик — никого на помощь не звали.

На каждый случай жизни у Бабкеева свое мнение и собственная точка зрения. Бьется за них до конца, даже если дело, как говорится, «пахнет керосином». Избрали его председателем жилищной комиссии профкома. Бывало, кипели страсти, Бабкеева призывали к началу, чтобы решить вопрос с той или иной квартирой обходным путем. Владимир стоял как скала: «Каждый получит жилье только честным путем — в порядке очереди». Так оно и было. Однако когда закончились полномочия профкома, Владимира в этот общественный орган больше не рекомендовали под тем предлогом, что нельзя одних и тех же людей избирать каждый год — должно быть обновление...

Бабкеева однажды крепко раздражил «Комсомольский прожектор». Красочно, со всеми подробностями. Как нарушителя правил техники безопасности. А дело в том, что на одном из узких участков электросталеплавильного цеха надо было уложить бетонные лотки над вентиляционным тоннелем. Каждый лоток — пять с половиной тонн. «Эй, ухнем!» тут не поможет. Бригада из 35-го стройуправления сидела, чесала затылки и думала. Выход виделся только один: укладывать лотки автокраном. Правда, риск велик. Во-первых, того и гляди, тоннель под колесами многотонного автомобиля рухнет. Во-вторых, стрела крана в узком пространстве развернуться почти не может. В-третьих, согласится ли крановщик?

Бабкеев сидел в кабине, читал старый журнал: делал вид, что дело его не касается. Нерешительно и робко подошел к нему один из руководителей стройуправления:

— Владимир, может, попробуем? А?

— Бульдозер нужен, — кратко ответил Бабкеев.

И стройка моментально зашевелилась. Завезли лотки, пригнали бульдозер, который удерживал машину стальными тросами, чтобы при подъеме груза колеса крана не отрывались от бетона. Бабкеев почти на минимальном уровне стрелы поднял и уложил лотки. Быстро, аккуратно и без происшествий. А утром следующего дня нарушителя правил техники безопасности вызвал к себе главный инженер управления механизации, «намылил» ему шею и лишил месячной премиальной доплаты. Поддали жару и художники из «Комсомольского прожектора».

— Ну, и как теперь — больше не тянет рисковать?

— Что сказать? — ответил Бабкеев. — Риск — благородное дело, без него порой никак не обойдешься. На такой большой стройке нередко случаются ситуации, когда и рискнуть надо, и ответственность взять на себя, и инструкцию подалеже в стол засунуть, чтобы найти выход из трудного и сложного положения. Вот у нас на том же электросталеплавильном был случай...

На небольшом участке, буквально с «пятячок» величиной, у входа в цех надо было срочно проложить ливневую канализацию и водопровод. Дело вроде нехитрое, да беда в том, что «пятячок» уже был «прошит» электрокабелями. К

тому же вход в цех тогда был единственным, через который могли доставлять материалы и оборудование. Перекрой его — вся стройка замрет.

Ситуация требовала: начать работу в пятницу вечером, вести ее круглосуточно и закончить в понедельник к утру.

— Справитесь? — спросил у бригады начальник «Электрометаллургстроя» В. Труфанов.

— Можете не сомневаться, — вместе со всеми уверенно ответил и Владимир Бабкеев, хотя мог бы со спокойной совестью уйти со стройки домой. Тем более что для автокрана там и работы не было. Но он остался вместе со всеми ковырять землю киркой и лопатой, а то и просто выгребать ее из котлована ладонями, чтобы не повредить электропроводку. Двое суток работали почти без передышки, и в полночь с воскресенья на понедельник начальник участка доложил начальнику объединения:

— Путь в цех свободен!

Участники ударной операции в этот момент спали, примостившись кто где, как солдаты после тяжелого боя. Утром прямо на площадке начальник «Электрометаллургстроя» В. Труфанов вручал премии. Получил ее и недавний нарушитель правил техники безопасности автокрановщик Владимир Бабкеев. Труфанов улыбнулся ему, крепко пожмая мозолистую руку:

— Спасибо, молодой человек. Вы славно поработали за эти дни. Так и держать!

Такой вот человек Бабкеев. Десять лет назад по комсомольской путевке прибыл в Старый Оскол на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку. Имеет первый водительский класс. Коммунист. Пять лет назад начальнику управления механизации Д. Прасолов сказал о нем: «С твердым характером парень, я со спокойной совестью даю ему рекомендацию». Его поддержали секретарь партийной организации В. Смехнов и комитет комсомола. Как будто все складывается отлично в его биографии.

— Видишь, что получается? — спросил меня Бабкеев иронически, поразмыслив, о чем мы с ним беседовали, о чем я его спрашивал, и что записывал в свой блокнот. — Иконописный добрый молодец, да? Ведь это неправильно. У нас на стройке есть поинтереснее парни. Не только с почетными грамотами, но даже с орденами. А я самый что ни на есть обыкновенный человек с целой кучей недостатков.

Недостатки? Да еще целая куча?

— А вот тебе первый пример. Я бригадир тяжелых автокранов. Но ведь это не только четырнадцать КраЗов, но и четырнадцать живых душ. Что же получается из моего бригадирства? Вот уже несколько лет бьюсь над проблемой, чтобы машинистов автокранов включали в состав хозрасчетных подрядных строительных бригад. Тогда бы у моих ребят резко повысился интерес к конечным результатам строительства. Я и на собраниях говорил об этом, и к начальству обращался — нет, не помогает. Значит, пустил в ход не все резервы, что-то еще недоделал, кого-то недоубедил. А страдает-то дело.

Считаю, однако, что тут вина не только и не столько Бабкеева. Структура бригад, организация и оплата их труда в объединении «Электрометаллургстрой» еще не до конца продуманы. Стройка новая, а работают по старинке.

Взять КТУ. Считается, что приработок по коэффициенту трудового участия распределяет вроде бы совет бригады. Но чего стоит это распределение, если его потом рассматривают, пересматривают и подписывают не бригадир и профгруппорг, как полагается, а начальник участка, главный механик, инженер по технике безопасности и утверждает главный инженер? Игра в бригадный подряд?

Что же в этой ситуации остается на долю бригадира, коллективом которого распоряжаются все, кто имеет маломальскую власть? Служить личным примером? У Бабкеева этого не отнимешь: работник он отменный. Но ведь этого мало! У бригадира должен быть не только моральный авторитет, но и другие рычаги воздействия на коллектив.

Молодого коммуниста тревожат все эти и многие другие проблемы. Но он день-деньской занят на работе: порою просто некогда их как следует обдумать и добраться до руководства «Электрометаллургстроя», чтобы высказать свои соображения.

— А еще бы вот о чем хорошо упомянуть, — говорил мне Бабкеев. — Я и мои товарищи уже давно доказываем своему начальству, слесари-ремонтники должны целиком и полностью зависеть от работы и выработки машинистов автокранов, а не от того, сколько и каких они сделают ремонтов. Не решают и эту проблему... Дескать, нет указаний свыше и тому подобное. Понимаешь, не люблю я эту рутину: как привыкнем к чему-то одному, так и пашем, и пашем... Когда это кончится? С тем же ремонтом

хотя бы. Не слесарь от нас зависит, а мы за ним бегаем как цуцки: сделай побыстрее, пожалуйста. А он еще нос воротит: работы много, то да се. Многие откровенно даже намекают: будет бутылка — другой пойдет разговор. Надо ломать такие методы.

Проблем, которые занимают Бабкеева, как видим, более чем достаточно. Он решительно и прямо выступает на собраниях, критикует, как говорится, невзирая на лица. Выбирая время, ходит по кабинетам больших и малых начальников, доказывая свою правоту. Злитесь и нервничаете. А работу свою тем не менее любит.

— И знаешь, почему? — спросил он. — Смотри, чем отличается моя профессия от просто шофера или просто крановщика? Я тут выполняю сразу две операции, и это мне по душе. Или идешь по стройке. Смотришь: вон поднялся один здоровенный цех комбината, за ним второй, третий. Или вон, смотри, сколько вокруг домов, магазинов, детских садов. В них тоже есть доля моего труда. Это все согревает душу. И забываются всякие неприятности. Ты глянь, какая махина вырастает на голом месте!

Я понимаю гордость Бабкеева, но не забываю и о заботах этого рабочего человека. Не ради своего кармана колотится машинист автокрана и бригадир. Помочь бы ему — насколько больше было б пользы и от него самого, и от его бригады.

Надо помочь! Нельзя оставлять хорошего человека одного наедине с проблемами, которые касаются всех.

После выступлений «Смены»

«1 ПИШЕМ — 3 В УМЕ»

Госкомнефтепродукт РСФСР ознакомился со статьей «1 пишем — 3 в уме», опубликованной в журнале. Затронутые в ней проблемы имеют чрезвычайно важное значение.

Хорошо известно, что с каждым годом все труднее и дороже становится добыча нефти. В то же время потребности народного хозяйства в нефтепродуктах постоянно растут. Удовлетворение этих потребностей, как намечено в государственном плане, должно обеспечиваться в основном за счет экономии.

Надо сказать, резервы экономии горючего значительны. Осуществляются крупномасштабные мероприятия по созданию топливо-экономичной техники и технологии. Кроме того, практически на каждом предприятии, в каждом колхозе и совхозе есть возможности сэкономить большое количество нефтепродуктов за счет повышения организованности, устранения потерь и непроизводительных расходов.

Предусмотрены более строгие меры ответственности должностных лиц и широкого круга работников за нарушение установленного порядка использования автотранспорта и бесхозяйственность в расходовании нефтепродуктов. Имеется в виду и материальная ответственность работников, непосредственно занятых оформлением путевых и товаро-транспортных документов, за

приписки невыполненных работ, а также административная и уголовная ответственность за незаконный отпуск и приобретение нефтепродуктов.

Госкомнефтепродукт РСФСР принимает меры по улучшению организации обеспечения всех потребителей нефтепродуктами, сокращению их потерь.

В 1984 году работники Госнефтеинспекции провели проверки на 2,5 тысячи предприятий и организаций. В каждом случае нарушения в расходовании нефтепродуктов принимались конкретные меры по их устранению, оказывалась практическая помощь в наведении порядка. За бесхозяйственное отношение к горючему более двух тысяч должностных лиц привлечены к строгой ответственности. Оштрафованы многие любители незаконного приобретения государственного бензина для заправки личных автомашин.

Основная задача сейчас заключается в том, чтобы как можно скорее добиться устранения на каждом предприятии имеющихся недостатков в использовании транспорта и расходовании нефтепродуктов, обеспечить безусловное выполнение установленных заданий по экономии топливных ресурсов.

А. И. КРЫЛОВ,
заместитель председателя
Госкомнефтепродукта РСФСР

Идет поиск новых форм и методов трудового обучения школьников. Эксперимент в Новосибирске подтверждает: любая инициатива нуждается в деловой поддержке.

Когда в Заельцовском районе шла работа по организации этого класса, который впоследствии окрестили «заводским», неизменно, какими путями, но весть о нем мгновенно разлетелась по всем школам Новосибирска. Экспериментальный... О классе ходили поначалу самые разнообразные слухи. И что с учеников берут подписку: дескать, они сознательно идут в этот класс и после школы обязательно будут работать на заводе. И что принимают только троечников, дабы не думали о себе слишком много! И дисциплина здесь чуть ли не казарменная. Ну и, наконец, что родители этих учеников предупреждены: будут выплачивать деньги, затраченные на обучение их детей рабочим профессиям, если те не пойдут на завод. Одним словом, не класс в средней школе, а какая-то новая форма ПТУ.

На самом же деле в этот девятый «Б» 55-й школы принимали тех, кто хотел в будущем посвятить себя рабочей профессии. Это и было единственным условием. Ну, а если хочешь после школы поступать в институт — иди в любой другой девятый класс. Однако именно в силу этого условия набрать класс в одной школе из добровольцев было

довое рабочее место прямо в цехе, где его наставником становится рабочий, не имеющий ни педагогических навыков, ни времени серьезно заниматься учеником. Далее: на заводе, попадая под влияние обычных для заводской жизни остановок, непоставок деталей, простоя и тому подобного, ученик видит совсем не то, что ему рассказывали в школе.

Директор завода Борис Савельевич Галушак хорошо знал достоинства и недостатки своих цехов... Он сознательно шел на риск, полагая, что подростку лучше заранее пройти реальную школу производственной жизни. Правда, Ю.И. Никулин утверждал, что в УПК можно всем учащимся дать рабочие профессии, а метод «заводского» класса все равно стопроцентного поступления выпускников в рабочие не гарантирует. Но заводчане считали, что и без этого польза немалая: тот школьник из экспериментального класса, кто захочет работать именно на этом заводе, позднее менять профессию не станет.

— Если все выдержит, тогда с завода не уйдет. Это уже точно наш человек будет, — сказал мне один рабочий.

Что ж показал первый год эксперимента?

С классом я познакомился, когда он из девятого стал десятым «Б». Второй экспериментальный девятый класс набрали уже целиком в своей школе. Как говорится, лед тронулся... Не менее важно и то, что новая форма обучения получила одобрение у родителей.

Надрело в общем-то воспитывать инфантильных недорослей. А тут папы и

щей профессии. Знал я и о том, что одна из учениц устроилась летом на временную работу на том же самом рабочем месте, где училась ремеслу контролера ОТК. Осенью она... не явилась в школу. Вместо нее к директору Валентине Ивановне Гуськовой пришла мать — за документами. Объяснила, что дочь хочет работать на заводе. Закон о всеобщем, обязывающий девушку получить среднее образование, в данном случае победил. Можно было ожидать, что она дальше будет учиться хуже, но вышло все наоборот. Уроки трудолюбия, полученные на заводе, не прошли, видимо, даром.

Но встреча с этими повзрослевшими людьми, которых «детьми» называют скорее по привычке, преподнесла мне то, чего, признаться, не ожидал. На вопрос, что они будут делать после школы, ни я, ни классный руководитель Татьяна Владимировна Компанец не услышали однообразного ответа: мол, все дружно отправимся на завод. Все оказалось много сложнее...

Оля Саложникова и Оля Кожевникова, две подруги, две хорошие ученицы, четко определились с заводом. Многие же сомневались... Более того, несколько человек твердо решили никогда не идти на завод.

Одно только было общим в представлении всех: ребята твердо уяснили, что производственный, серьезный труд есть не благое пожелание, а необходимость для каждого. Все видели себя по окончании школы работающими — с вышшим ли образованием или без оного.

Вера Васильева и Наташа Голубева определенно сказали: любят детей, хо-

работу себе не выбирали. Кого куда судьба занесла, там и работаем. У них же появилась возможность выбирать, и это хорошо...

— Но так можно выбирать всю жизнь...

— Всю жизнь? Вряд ли будут такие возможности. Но у кого из родителей рука поднимется заставлять своих детей идти на нелюбимую работу? Мне кажется, если вы хотите найти причины нежелания школьников работать на заводе, ищите их там, в цехах...

В сопровождении Раисы Алексеевны Казариновой, отвечающей на заводе за профессиональную подготовку рабочих, хожу по цехам, где работают ученики десятого «Б». Завод, переведенный в Новосибирск в годы войны, не молод, но большая часть рабочих — молодежь.

Спрашиваю Раису Алексеевну: «Отчего настроены против завода некоторые школьники? Может, здесь неправильно используют учеников — ну, например, вместо учебы заставляют убирать цех, или наставники у них слабые?»

— Что вы, как можно? — Казаринова чуть не задыхнулась от удивления. — Даже принятого в штат ученика на уборку цеха в случае необходимости просят прийти, а не «заставляют». Школьники вообще на особом положении...

Девушек-контролеров ОТК, среди которых была и Таня Фрейберг, мы увидели уже в повседневной одежде. Оказывает, сегодня по производственным причинам работы в цехе не было, и мастер, она же наставник, отпустила их домой... Как выяснилось, ни Таня, ни ее подруги еще и не работали в цехе.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ИТОГИ

Юрий РОДИН

трудно, поэтому и собирали его по всему Заельцовскому району.

Как бы там ни было, класс был организован, начал учиться по своей программе, которая, впрочем, ничем не отличалась от других, кроме одного. Раз в неделю ученикам девятого «Б» приходилось вставать на полтора часа раньше. Ничего не поделаешь: работа на заводе начинается в 7.30 утра.

Среди сторонников новой формы трудового обучения были директор школы В.И. Гуськова и директор приборостроительного завода имени В.И. Ленина Б.С. Галушак. Но были и противники этой идеи. Высказывал свое резко отрицательное отношение к работающему на заводе классу Ю.И. Никулин, директор Заельцовского районного УПК. Он с давних пор занимался созданием учебно-производственного комбината, а теперь получалось, что УПК становится не нужен. Разумеется, не сразу, не на следующий год, но вдруг новая форма окажется более эффективной?

Необходимо отметить, что УПК у Никулина образцовый. Все рабочие места, где проходят обучение школьники, оборудованы по последнему слову техники и соответствуют лучшим отраслевым нормам. На этом и основывается главный аргумент Ю.И. Никулина: в УПК подросток учится в идеальных условиях, получает профессиональные навыки под руководством опытных мастеров-производственного обучения.

— Завод вместо этого, — говорил Никулин, — предоставляет учащемуся ря-

мамы стали замечать, что дети вроде бы ни с того ни с сего начали вникать в хозяйственные дела, интересоваться не только тем, что и сколько стоит, но и сколько и за какой труд получают отец и мать.

Некоторых такой практицизм даже испугал, пока не разобрались, в чем дело: до детей стало доходить, причем не на словах, что заработок и заработная плата — это прежде всего «заработанная плата».

Один из родителей откровенно сказал мне, что единственным способом исправить шалопайские наклонности сына было «устроить» его в экспериментальный класс.

— Ведь человеком становится... Это мать его разбаловала: чего хотел, она тут же покупала. Сейчас, когда своим хребтом понял, что такое труд — а весть у него, оказывается, есть, — перестал излишествовать. Сказал — сам зарабатывает, сам и купит...

Побывал я на классном собрании в десятом «Б», познакомился с ребятами. Нормальный класс... По учебе от других практически не отличается. Хотелось выяснить, что же дал юношам и девушкам год трудового обучения на заводе?

Я понимал, что не следует переоценивать факт «хождения» на завод один раз в неделю на неполный рабочий день. Но в то же время было известно, что несколько девушек стали, несмотря на большую загруженность в выпускном классе, дважды в неделю посещать теоретические занятия по своей буду-

тели бы стать воспитателями в детском саду, но такой специальности не учат ни в одной школе.

— А если б учили в какой-то из школ? — Даже если бы был конкурс и пришлось ездить на другой конец города, все равно пошли бы туда.

— Но тогда почему же вы не поступили в девятый «А»? Ходили бы в УПК, а не на завод.

— Какая разница? Завод ближе...

Куда менее убедительными были возражения против завода, например, у Саши Торубарова. Хочет стать музыкантом или летчиком и в то же время ни музыкой, ни спортом, близким к авиации, не занимается. К тому же еще и утверждает, что это профессии, о которых мечтал всю жизнь. Скорее всего это не более, чем «очередная» юношеская мечта.

У меня, естественно, возник вопрос: почему юношеские мечты как-то стороной обходят приборостроительный завод? Особенно остро была настроена против него Таня Фрейберг, девушка симпатичная, бойкая и, как все молодые, категоричная в выводах и заключениях.

— Я на этом заводе не буду работать никогда! Мне неинтересно там. После школы пойду учиться на парикмахера.

На следующий день я разговаривал с мамой Тани Фрейберг, очень серьезным и уважаемым специалистом в своей области. Поинтересовался:

— Как вы думаете, почему Таня, вроде бы сознательно пошедшая в этот класс, теперь категорически отвергает идею, ради которой этот класс и был создан?

— Между прочим, я не считаю, что создание такого класса было ошибкой, — ответила она. — На моих глазах Таня стала собранной, трудолюбивой. Ну, а то, что она сейчас не хочет идти на завод — значит, тут что-то «не сошлось». Я сама в этом толком не разобралась... Но вот мы, наше поколение,

Реформа школы подразумевает воспитание у школьников трудолюбия, некоторых профессиональных навыков. Говоря о раннем выявлении призвания, о раннем обучении труду, мы как-то забыли, что одними декларациями детей ничему не научишь.

Уважение к труду невозможно привить без самого умения работать, а в нашем случае школьниц никто и не пытался научить. Есть они в цехе или нет — на плане это не сказывалось. Более того: проще и удобнее, когда от них вообще можно избавиться. А ведь наставников, как рассказывали на заводе, вроде бы выбирали и готовили не для галочки в отчете...

После этого разговор с Семеном Ивановичем Мартыновым, мастером ОТК, наставником Оли Саложниковой и Оли Кожевниковой, был как глоток свежего воздуха. Уверен, что не ошибусь: каждый хотел бы иметь такого наставника, как Семен Иванович. Он давно мог спокойно уйти на пенсию. Но бездельничать Мартынов не может. И силы еще есть, и умения не занимать.

После знакомства с ним я понял, что скорее всего обе Оли хотели пойти на завод потому, что мастер открыл им радость труда и профессии. Думаю, попади к нему Таня или Саша, и они увлеклись бы рабочей профессией. Даже мне Семен Иванович успел за десять минут доказать, что профессия эта интересная, если, конечно, к ней относиться серьезно.

Может ли каждый наставник быть таким, как Мартынов? Скорее всего, не может, но и таких, как упомянутая мастер ОТК, быть, вероятно, не должно. Я не стал интересоваться фамилиями тех, от кого ученики хотели бы уйти: не проверять же их я приехал. Однако спросил у Казариновой, почему мастер ОТК вместо того, чтобы заниматься с девушками, отпустила их в разгар рабочего дня домой?

— Понимаете,— Раиса Алексеевна старалась как-то объяснить недоразумение,— это чистая случайность. Мастер прекрасно справляется со своими основными обязанностями и хорошо показала себя, когда у нее были взрослые ученики. С детьми она впервые... Ну, может быть, они ее сильно отвлекают от работы. Я даже затрудняюсь объяснить, но думаю, что это в первый и последний раз.

Случайность или нет, мне трудно судить. Но в главном, пожалуй, не ошибусь: да, на заводе одобрили эксперимент, а вот подкрепить его конкретными делами не сумели. Требовалось же не так много: подобрать настоящих наставников, загрузить школьников работой. Одобрить инициативу на словах, как видим, явно недостаточно.

Брак, рождаемый неумением или равнодушием тех, кто должен заниматься с учениками, поправить очень трудно. Только новый курс обучения у хороших наставников может помочь школьникам стать настоящими рабочими.

Так, может быть, прав в своих возражениях Ю. И. Никулин? Однозначно на этот вопрос ответить пока невозможно: не было «чистоты эксперимента». Интересная сама по себе задумка столкнулась с равнодушием тех, от кого в первую очередь зависел успех начинания.

Думается, что «оранжерейный климат» УПК и «реальности» заводской жизни— это две крайности, с которыми столкнулись школьники. Истина, наверное, лежит где-то посередине: неплохо еще в школе почувствовать настоящую заводскую атмосферу, но обязательно с хорошими, думающими наставниками.

— Как говорится, новое— это хорошо забытое старое, не так ли?— сказал директор завода Борис Савельевич Галушак.— Ведь было же такое в конце пятидесятых годов, когда учеников на несколько дней в неделю направляли работать на заводы и другие предприятия. Я, правда, знаю, что это тогда не удалось. И учащиеся заводу мало что давали, да и завод им совсем ничего не мог дать— ребят ставили на «черную» работу, а после окончания школы они завод стороной обходили.

— Как же теперь? Что нового вы сумели найти в хорошо забытом старом?

— Прежде всего мы поставили основным условием принцип добровольности. Устроить несколько рабочих мест в районном межшкольном учебно-производственном комбинате нам совсем ничего не стоило. Но мы захотели реальной отдачи. Тогда было предложено организовать в нашей подшефной школе класс, который будет работать и учиться профессии прямо в цехах нашего завода. Не думайте, что мы рассчитываем на стопроцентный успех,— директор покачал головой,— это была бы чистая маниловщина. Реально нас устроит треть, даже четверть от числа тех, кто сейчас ходит на завод...

Тем более директору было неприятно услышать о моих наблюдениях относительно наставничества в некоторых цехах. Борис Савельевич ответил, что в ближайшее время сам займется экспериментальным классом. Подрывать, пусть даже по мелочам, кадровое дело он никому не позволит. Может, в том и причина относительного неуспеха эксперимента, что главный человек на заводе узнает об этом от приезжего корреспондента?..

Постановление о школьной реформе обязывает творчески подходить к процессу трудового обучения, не связывая школу жесткими формами этой работы. Новосибирские педагоги и производственники ищут свою форму. Опыт любого начинания показывает, что успех, особенно если дело новое, нередко соседствует с ошибками и просчетами. Не избежали просчетов и здесь.

На следующем учебный год в школе № 55 будет проводиться третий набор в очередной девятый «Б». Хочется верить, что завтрашние старшечки встретят на заводе иной прием.

КОГДА БРАК... ВЫГОДЕН?

Петр НОВИКОВ.
фото автора

Статистика знает все. Ей известно, например, что средняя наша семья тратит на стирку-глажку около двухсот часов в год, не меньше— на уход за коврами, мягкой мебелью. Прибавьте к этому еще семьдесят часов на мытье полов. И все это из бюджета времени, которое принято считать свободным. А ведь есть еще расходы трудноучитываемые. Сколько драгоценных часов (кстати, не только свободных, но и рабочих) приходится терять нам, чтобы дождаться вызванного для ремонта телевизора (читай: радиоприемника, магнитофона, стиральной машины) мастера, сдать аппарат в ателье и получить его обратно!

Бытовая техника становится все сложнее. Современный телевизор, состоящий чуть ли не из двух тысяч деталей, починить может только квалифицированный специалист. И если в какой-нибудь «КВН-49» отважно лез с отверткой его владелец, усвоивший лишь основы радиотехники, то к современному цветному «Рекорду Ц-311» дилетанту уже не подступиться.

Одно из лучших в Российской Федерации башкирское республиканское производственное объединение, «Баштелерадиобьттехника», опекает миллион двести сорок тысяч цветных и черно-белых телевизоров. Прибавьте к этому миллион восьмьсот тысяч радиоприемников и магнитофонов. С помощью несложного расчета можно выяснить, что телевизор есть сегодня практически в каждой семье автономной республики. Рост числа домашних бытовых приборов— показатель, которому надо бы только радоваться, но вот другая цифра радости уже не вызывает: ежегодно диспетчеры «Баштелерадиобьттехники» регистрируют до миллиона сигналов «SOS». Не многовато ли для аппаратов, рассчитанных на долгий век службы?

И в Уфе, и в Салавате, молодом городе со староскоратынским населением, я просматривал книги жалоб, письма, заявления, в которых клиенты оценивают работу телемастеров. Мне хотелось выяснить не только суть типичных нареканий, но и те положительные сдвиги, которые, очевидно, должны были произойти в последнее время. Уже год объединение работает в условиях экономического эксперимента, проводимого ради того, чтобы улучшить обслуживание, заинтересовать мастера в качественном исполнении услуги. Мое ма-

ленькое, не претендующее на полноту социологическое исследование показало: суть жалоб осталась той же, что и до начала эксперимента,— мастер приходит гораздо позже обещанного времени, бывает груб, плохо подготовлен профессионально, затягиваются сроки ремонта, а сам он проводится некачественно. Справедливости ради отмечу, что хороших фактов тоже можно привести немало. На миллион ежегодных вызовов приходится лишь два процента повторных. Более двух третей всех заявок на ремонт, вплоть до замены цветного кинескопа, удовлетворяются теперь на дому. Растет число заказов, выполняемых по принципу «сегодня на сегодня», то есть мастер приходит к вам в тот самый день, когда вы его вызвали. Почему же тогда главный инженер объединения Виктор Николаевич Лукин говорит без энтузиазма: «Мы не любим, когда нас публично хвалят. Как бы мы ни работали сейчас, недовольные останутся. Даже маленькая положительная заметка в местной газете часто служит поводом для новых жалоб».

Цифры производственных показателей убеждают: эксперимент начат не зря. Так, может быть, стоит нам, клиентам, лишь чуточку подождать и новые экономические условия, создаваемые для службы быта, принесут свои плоды? Отрицательно качает головой Лукин. Сомневается в столь благополучной перспективе и директор Салаватского завода по ремонту радиотелевизионной аппаратуры, специалист с многолетним стажем Николай Николаевич Карягин. А мастер одной из салаватских телемастерских Николай Степаненко прямо таки взрывается: «Ну почему, скажите, я должен быть материально заинтересован в том, чтобы неисправных аппаратов было как можно больше?»

Читаю одну из записей: «Мастер должен был произвести ремонт телевизора 9 марта, но не сделал этого и 12-го. В течение четырех дней бесполезно тратила свое время, отпрашивалась с работы...» Увы, жалоба не единична.

...Ходили с мастером шестого разряда Валерием Андрияновым по уфимским квартирам. Он делал свое дело, я— свое. Друг другу не мешали.

— Тебе, наверное, и самому будет интересно узнать, что о вас люди думают,— спросил я Валерию.

— Да нет,— ответил он,— я и так знаю. Обязательно припомнят опозда-

ния на вызов. А если телевизор на абонементе, спросят, зачем, мол, платим по пятёрке в месяц, если мастер приходит на четвертый день. Клиента не интересует, почему я могу задержаться, и правильно, конечно: это, как говорится, наши заботы. Но что толку, если я приду вовремя, но без нужной детали, которую обыскался на складе...

— Вы, конечно, молодцы, пришли, как и обещано,— сказал хозяин одной из квартир, куда мы пришли по вызову.— Но вот мой телевизор на гарантии, а я уже второй раз вызываю мастера. К вам претензий нет, но почему аппараты такие плохие?

Андриянов молчал, с головой зарывшись в электронику. Это был уже пятый цветной телевизор, которому он в тот день пытался поправить здоровье. Не ремонтника это дело— ликвидировать заводской брак. Но такова специфика ремонтной службы: перед клиентом ты за всех отвечаешь.

— Получается парадокс,— говорил по поводу взаимоотношений с заводскими-изготовителями генеральный директор «Баштелерадиобьттехники» Валентин Иванович Козин.— Экономический эксперимент направлен прежде всего на улучшение форм обслуживания населения. Однако вот уже год, как мы улучшаем фактически качество ликвидации заводского брака. Семьдесят одна тысяча телевизоров поступила в розничную торговлю Башкирии в прошлом году. Значительная часть их требовала ремонта еще до выноса на прилавок...

В Министерстве бытового обслуживания населения Российской Федерации сообщили, что в целом по республике на устранение заводского брака службами ремонта тратится до тридцати процентов материальных и рабочего времени. Такова «материальная» сторона ситуации с ремонтом на сегодняшний день. И это несмотря на существование разного рода хороших инструкций. Есть, например, прекрасное распоряжение Министерства промышленности средств связи о том, что не позднее чем за полгода до выпуска новой модели обо всех ее характеристиках должна знать торговля. А за две недели до ее появления на прилавках ремонтная служба должна быть обеспечена запасными частями.

Ремонтники смеются, когда вспоминают об этом циркуляре: «Сами издали, сами и не выполняют...»

Так что ждите. Случилась поломка, забрали телевизор в мастерскую — ждите. Надо заменить деталь, кинескоп, сам аппарат — ждите. «Когда придет конец бесконечному ожиданию?» — нервничаем мы. «Своевременно или несколько позже», — доброжелательно отвечает служба быта.

Поневоле задаешься вопросом: возможна ли вообще в обозримом будущем какая-либо точность во взаимоотношениях с нами службы быта?

— Клиент отнюдь не всегда бывает прав, — утверждал в одном из интервью В. И. Слинченко, министр бытового обслуживания населения Украины. — Раз между сторонами заключен договор, односторонних обязательств просто не может быть. Без ложной скромности скажу, что наша республиканская служба быта первой в стране взяла на себя обязательство перед клиентами: за каждый просроченный день — пеня. Если оговоренные сроки нарушит клиент, пеня с него.

На Украине смело ввели правило: мастер может опоздать на вызов, но не более чем на два часа. Резонно: характер поломки загодя не установишь, стало быть, и время на ее исправление тоже.

Существует единый циркуляр для всех ремонтных служб страны: заявки на запчасти к телевизорам должны подаваться за два года вперед. А промышленность выпускает новые марки телерадиоаппаратуры, с этим графиком не согласуясь. В результате приемники новых моделей сваливаются в ателье как снег на голову и ждут затем, пока заявка на запчасти совершит свой круг... Да разве найдется такой человек, который за два года вперед точно знал бы, сколько и каких деталей потребуются заменить у телевизоров на конкретном участке конкретного мастера?

Промышленности, конечно, удобнее составлять планы выпуска продукции с перспективой в несколько лет, но где-то, а в сфере быта следует, наверно, в первую очередь иметь в виду интересы человека, который не может ждать годами нужной детали. Не должен! Отсюда и танцевать, заключая договоры со смежниками, поставщиками.

Теперь о моральной стороне наших взаимоотношений с телерамонтной службой. Как вы думаете, почему она так охотно и безбоязненно стала демонстрировать прессы свои изъяны? Попро- буй, например, в ином магазине попроси книгу жалоб... Да потому лишь, что самые серьезные недостатки на сегодня — это, грубо говоря, не ее проблемы. Добывание запчастей, исправление заводского брака — чужие проблемы, взваленные на телерамонт, как броней, защищают механиков от проникновения в их собственные заботы.

«...Прошу после третьего ремонта либо обменять телевизор, либо вернуть за него деньги. А лучше последнее, так как сейчас это уже не телевизор, а ящик с запчастями ото всех марок». Ну как объяснить человеку, что еще двенадцать лет назад Минторг и Госстандарт СССР ухитрились договориться между собой о том, что, прежде чем владетелец негодного цветного телевизора получит справку на обмен, сам аппарат должен побывать в гарантийном ремонте не три, а пять раз! Почему пять, а не четыре или семь? На этот вопрос договорившиеся стороны вряд ли ответят.

А мастеру приходится отвечать и на такие вопросы. И потому он должен уметь общаться с людьми.

...На моих глазах мастер Андриянов потушил вспыхнувший был конфликт. Приходим по вызову. Опять цветной аппарат. Оказалось, однако, что в квартире есть еще один, черно-белый, старенький. Хозяин квартиры, пожилой человек, не дожидаясь, пока Валерий закончит ремонт, нервно стал объяснять, что вот, мол, приходил недавно мастер и, даже не посмотрев толком, в чем дело, сказал, чтобы сами искали переключатель программ, тогда, быть

может, он и возьмется за ремонт. После осмотра выяснилось, что дело вовсе не в переключателе. «У меня нет сейчас необходимых деталей, — мягко сказал Андриянов. — Вы сможете меня принять завтра? В какое время?»

Растроганный дедушка провожал нас до дверей. Когда мы спускались по лестнице, Андриянов сказал:

— Обрати внимание, клиент остался доволен, хотя просьбу его мы и не выполнили. На нас обижаются чаще не столько из-за того, что не отремонтировали, а потому, что не сказали, не объяснили, когда, например, можно будет сделать то, что нельзя сделать сейчас... Умение общаться приходит с опытом. Учат ли этому в ПТУ?

Я консультировался потом в объединении. Учат! Но... эстетике. Будущий телемастер может прокомментировать загадочную улыбку Джоконды, а вот умело разрешить конфликтную ситуацию, увы, этому придется учиться самостоятельно. С неизбежным в незнакомом деле браком.

Служба быта никогда не достигнет с нами взаимопонимания, если не поймет: общение мастера с клиентом — своего рода наука. Ее, кстати, давно и успешно преподают в ряде социалистических стран. Да и наши опытные телемастера знают, как, не выходя за рамки служебных инструкций, снять напряжение во взаимоотношениях с клиентом.

Анализируя добрые отзывы на работу мастеров, можно представить себе, какой мастер нас вполне бы устроил. Этот своего рода коллективный портрет вполне мог бы послужить основой будущей учебной программы для пэтушников под условным названием, скажем, «технология общения с клиентом». Итак...

Мастер «не только профессионал, но и душевный человек», «придя в квартиру, поздоровался, разулся, не оставил после себя грязи и недоделок»; «сделал работу, которая не входит в его обязанности: подремонтировал розетку, шнур и вилку»; «несмотря на нехватку времени и множество заявок, вежлив, тактичен».

Опираясь на первые результаты экономического эксперимента — шутка ли, впервые за много лет исчезла хроническая нехватка специалистов, — в «Баштелерадиобыттехнике» мечтают о том времени, когда мастера сами, без вызова будут звонить в двери квартир на своем участке и спрашивать, все ли в порядке, не надо ли чего поправить. Но подобный сервис пока мечта несбыточная. Даже в условиях эксперимента.

— Плановые и другие вышестоящие органы, — огорчается главный инженер объединения Лукин, — относятся к нам так же, как и к предприятиям, выпускающим материальную продукцию. Грубо говоря, чем больше, тем лучше. Но мы-то «производим» не продукцию, а услугу! И получается, что чем больше ремонтов, тем лучше для нас, ремонтников. Мастер, хочет он того или нет, материально заинтересован в количестве сломанных телевизоров. А надо бы заинтересовать его в ином: сидишь без работы — значит работаешь хорошо. Все телевизоры на участке исправны — получи премию!

Я слушал и думал: как же можно было бы прижать грубых, недалеких, спустя рукава работающих мастеров, лиши мы их возможности ссылаться на нехватку запчастей и заводской брак. И как было бы тогда легко разговаривать о кровных проблемах ремонтников.

Вот почему не любят руководители ремонтной службы Башкирии хвалебных заметок в прессе. Ведь мастер из Салавата Николай Степаненко и сотни, тысячи его коллег, честных и грамотных мастеров, орудуя паяльником у себя в мастерской или спеша на вызов, ломают голову над тем, почему выполнение плана, которое у других считается трудной доблестью и несет людям радость, в их профессии заставляет желать зла клиентам?

А такие мысли очень отвлекают от главного — доброй услуги.

«Вот только что дочитал «Драчунов» и не могу не высказать восхищения. Восхищения Правдой и Мужеством. Нечто схожее переживали в те годы миллионы, но немногие оставили после себя свидетельство о пережитом».

Василь Быков

«Душа есть. Свет человечности. Истинно народная русская книга. Все ненавязчиво, естественно, с горькой улыбкой... А расставание с отцом, этот уход паренька к матери, к правде... В каждом движении души столько чистоты, поэзии нравственности... Многие, многие скажут спасибо за эту книгу...»

Олесь Гончар

«Иногда в нашей прозе языковая щедрость соседствует с ограниченностью замысла. Или наоборот, размахистость замысла рушится, ибо языковые опоры хилые. В этом романе редкое сочетание большого замысла с круто замешанным языком... Потерянный пятак молодости превратился в полновесный полтинник зрелости, я бы даже сказал, в неразменный золотой. Роман зовет к заботе обо всем живом — пусть это человек, природа или даже стрекоза...»

Евгений Евтушенко

В ЧЕ

Евгения ЗУБАРЕВА

Так получилось, что первой книгой Михаила Алексева, которую я прочитала в юности, была повесть «Вишневый омут». Она заворожала меня и заставила искать впредь все, что он писал. Так воспринималась эволюция его творчества, ее этапы: от темы войны в «Солдатах» к истории становления и развития социалистической деревни в повестях и романах, от полководца лиризма в «Вишневом омуте» к документальности «Драчунов».

Самого писателя я тогда почему-то представляла себе человеком высокого роста, с командирским голосом, с уверенными движениями. Впервые увидела его, когда на кафедре советской литературы шла защита кандидатской диссертации по его творчеству. Поразили скромность, почти застенчивость, деликатность, мягкость — вроде бы даже ему было неловко, что оказался в

Литературные уроки

центре внимания. Вдумчивый голос, задушевные интонации — таким запомнился Михаил Николаевич в тот день.

Таким восприняла его снова, хотя прошло много лет, когда позвонила ему, обдумывая эту статью. Порадовало, что, меняясь творчески, в чем-то главном он остается неизменным; не любит сенсационности, разговоров о себе. Убедилась, что это действительно так, когда прочтала проникновенную книгу С. Борзунова, с фронтовых лет знакомого с писателем, «Михаил Алексеев. Встречи. Книги. Размышления».

Борзунов вспоминает, что на просьбу рассказать автобиографию Михаил Николаевич ответил: «Только заранее предупреждаю: ничего необычного в моей биографии нет. Она такая же, как у тысяч и тысяч моих сверстников». То же чувство слитности с поколением, что у его старших современников — Н. Островского, А. Гайдара, считавших свои биографии обыкновенными, а необыкновенным — время.

Время же поистине необыкновенное. Годы детства, отрочества, юности Михаила Алексеева не только этапы биографии его поколения, но и веки в жизни страны. Родился Михаил Николаевич в селе Монастырском Саратовской области через год после Октября, когда шумели грозы гражданской войны. Детство и отрочество пришлось на период двадцатых — тридцатых годов, когда

потом уж и на землю, едва прикрытую тонким слоем синеватого снега.

— Ну, ничего, Карюха... Ничего, милая... Как-нибудь, как-нибудь...»

«Северный ветер, дувший целую неделю, уступил вдруг место западному. Скоро по небу поплыли низкие, набрякшие влагою тучи, из них полетел на землю лохматый, мягкий снег. Он крупными белыми пятнами падал на Карюху, отец глядел на нее сквозь опушенные снегом ресницы, свет дробился; и в призрачном этом свете, облепленная белым, Карюха молодела на его глазах и была странно и удивительно похожей на Майку. И опять с губ отца сорвалось несвязное:

— Ничего, милая... Мы еще того... Мы еще...»

Кажется, будто эти отрывки из одной книги, продолжение один другого. На самом же деле первый — из «Драчунов», второй — из «Карюхи». А как органична их связь — тематическая, психологическая, нравственная. Второй отрывок, пожалуй, лиричнее и не так строго реалистичен, как первый: облик Карюхи в нем приобретает значение почти символа новой жизни, обновления надежд. Тому же соответствуют изменения в природе: перемена ветра, по-весеннему крупный снег...

«Детство снабдило меня богатым жизненным материалом. На «Вишневый омут», «Карюху», «Ивушку» его хватило, на «Драчунов» осталось. Да и про запас есть», — говорит Михаил Алексеев.

Однако не только детство, не только отрочество, но и юность писателя проверялись временем трудным. Началась Великая Отечественная, и двадцатитрехлетний юноша оказался на фронте. Был политруком, секретарем комсомольского бюро полка, заместителем командира артиллерийской батареи по политической части. А начинал свою

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВА

- Ивушка неплакучая. Роман. М., «Советский писатель», 1979.
- Вишневый омут. Повесть. М., «Малыш», 1979.
- Вишневый омут. Роман. М., «Современник», 1980.
- Бессмертие. Сборник. Серия «Писатель и время», М., «Советская Россия», 1980.
- Карюха. Повесть. М., «Детская литература», 1981.
- Избранное. В 3 томах. М., Воениздат, 1981.
- Драчуны. Роман. М., «Молодая гвардия», 1982.
- Карюха. Драчуны. Диалогия. М., «Художественная литература», 1985.

Фото Николая Кочнева

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

«ПРОНИЖАТЬ ЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ»

шло нелегкое становление колхозов. Семья числилась в маломощных середняках, о чем с юмором или лирически, но всегда документально, правдиво рассказывает писатель и в «Карюхе», и в «Драчунах».

Вот как описано душевное состояние отца писателя в тяжком тридцатом году, когда волки зарезали единственную надежду семьи — юную рысачку Майку, дочь старой Карюхи:

«Отец не сразу вошел в избу: задержался возле Карюхи, уткнувшейся длинной мордой в корзину с овсяной мякиной. Заслышав хозяина, Карюха оторвалась от еды, фыркнула, сверкнула большим влажным глазом и дыкнула на подошедшего теплым парком. Отец, прижавшись щекою к ее ноздрям, сдавленно проговорил:

— Ну, что, Карюха?.. Не везет нам с тобой... Как будем жить дальше? А?.. Ну, что же ты молчишь, глупая?.. Убил нас тот злодей, сразил насмерть... Доказывай теперь... А все ты, неразумная тварь!.. Зачем увела Майку со двора?.. Ну?.. Эх ты-и-и-и!

Он говорил, а из глаз его сами собой сыпались крупные, тяжелые слезы. Они сперва падали на полу тулупчика, а

службу рядовым бойцом. Прошел Сталинград, Курскую дугу, Днепр, Украину.

В годы войны и начал формироваться писательский талант Михаила Алексеева. Сначала записи в блокнотах, потом публикации в армейской газете, а после войны — в журналах. В сердце жила, как он вспоминает, «жгучая потребность рассказать о фронтовых друзьях-товарищах, обо всем, что видано и пережито в тяжкие четыре года войны». Так возникал замысел романа «Солдаты», который печатался в армейской газете «За честь Родины», в журнале «Сибирские огни», прежде чем отдельные издания книги вышли в Воениздате и в «Молодой гвардии». Успех первого произведения не опьянил молодого автора.

Писатель с юмором вспоминает, как ополчилась на первый вариант книги Лидия Сейфуллина, когда Михаила Алексеева принимали в Союз писателей:

— «Посмотрите, люди добрые, что он делает, этот молодой человек! — шумела она, проворно листая страницы уже вышедшей первой книги моего романа.— «Уранов медленно тянул из своей головы непрочные нити обрывочных

мыслей...» Каково? Не голова у того Уранова, а какая-то, простите, вьюшка! Нет, нет, если и принимать Алексеева, то разве лишь кандидатом!..

Председательствовал на этом заседании А. А. Фадеев. Слушая Сейфуллину, от души хохотал. А потом заметил:

— Вьюшка, значит?.. Лидочка... так сказать, если заглянуть в наши с тобой первые рукописи... так сказать... мы там этих «вьюшек» отыщем еще больше. Я предлагаю принять Алексеева прямо в члены Союза. Кто за? Так сказать, принят единогласно! Лидочка, ты ведь тоже — за. Ха-ха-ха! Так сказать, осознала. Молодец!

Он начинал темой войны, поэтому

подростком, узнав о смерти А. М. Горького, воспринял эту весть как личную утрату, а отношение его к М. А. Шолохову сложилось, как он вспоминает, в ученические годы:

«Когда мне в пору ученичества попала в руки книга Шолохова, я был вне себя от радости. Саратовщина некогда граничила с областью Войска Донского. Тот же самый быт, те же обычаи. Думаю, как же Шолохов здорово все подсмотрел! Покорил правдой. И, конечно, появилось желание ему подражать. Позже я понял: все, написанное под влиянием, пригодно только для внутреннего, что ли, употребления, выходить к читателю с вещами подражательными нельзя,

казалось естественным отнести М. Алексеева к числу писателей военной когорты. Но пройдет немного времени, и появятся его произведения о русской деревне, его раздумья о прошлом, настоящем и будущем сельской России с самобытным осмыслением природы. Новый этап творчества, в котором раскрывается отношение писателя к самым актуальным вопросам современности, высветлится его нравственно-эстетическая позиция. И однажды он скажет:

«Природа — величайший новатор. Создав четыре с половиной миллиарда мыслящих существ, она ни в одном из них не повторилась, — совершенно одинаковых людей нет. И я думаю, что если литератор будет беспредельно доверять себе, своим ощущениям и решит рассказать о своем восприятии мира только ему присущим голосом, для читателя это будет свежо и неожиданно».

Эти слова М. Алексеева, пожалуй, наиболее отчетливо выражают его нравственно-эстетическую позицию. Значит ли это, что он, так ратующий за самобытное новаторство, против традиций в литературе? Что все — только из себя и в себе? Нет, эгоцентризм абсолютно чужд М. Алексееву. Еще почти

надо искать самого себя. Учиться же надо у всех крупных русских писателей».

И не случайно эпиграфом к роману «Драчуны» стали слова Л. Толстого: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случалось наблюдать в жизни».

Рассказывать — значит обращаться к другому человеку, собеседнику-читателю. Но ведь читатель не бездумно вбирает все в себя. Он думающая, оценивающая, активная сторона. И современный читатель все больше требует невыдуманных книг, все пронизательнее вглядывается в творческое, художническое обобщение того, что наблюдал писатель в реальной жизни, все выискательнее к правде как факта, так и вымысла. Творческая эволюция М. Алексеева последних лет — это путь к документальности именно такого типа, документальности художественно-публицистической. «Так уж устроен человек, что ему раньше и прежде всего хочется заглянуть в лицо другому чело-

веку, а если говорить еще точнее, в его глаза — так легче всего самым, стало быть, коротким путем проникнуть в человеческую душу — это из книги М. Алексеева «Цена ему — жизнь». Подзаголовок «Слово о хлебе» определяет и жанр ее. Именно «слово», не повесть, не очерк, хотя элементы того и другого есть в книге. И все-таки именно «слово», очерковое повествование, написанное в форме неторопливой, доверительной беседы с юным современным человеком пожившего, знающего о жизни многое.

Повесть в новеллах «Хлеб — имя существительное» и слово о хлебе «Цена ему — жизнь» стали этапом на пути писателя от «Карюхи» к «Драчунам». Как в эскизе, пробуются здесь новые интонации, звучат по-новому уже встречавшиеся ранее темы, видятся характеры, исследуется нравственная и социальная значимость понятия «хлеб» в соотношении к таким понятиям, как «земля», «мать». Временной диапазон — от дореволюционной России до семидесятых годов нашего века. Исследование времени у М. Алексеева, как и во всем его творчестве, имеет одну важную особенность: оно все обращено к будущему. Писатель, книги которого близки людям самых разных поколений, во имя будущего обращается к давнему и недавнему прошлому страны.

Он находит свои, вызывающие отклик в каждом советском человеке слова, когда говорит о Великой Октябрьской социалистической революции. В сфере социальных понятий и отношений звучат теплые интонации собеседника, объединяющие автора-рассказчика и юного читателя общностью сопереживаний: «Как литератору, мне хотелось бы живее представить себе Ильича, торопливою рукой, своим стремительным, летящим почерком набрасывающего строки декрета.

«1) Помещицья собственность на землю отменяется...»

Возможно, после этого слова поначалу была поставлена точка, но Владимир Ильич решительно прибавляет: «...Немедленно без всякого выкупа». Нетрудно представить, что творилось в душе мужика, когда он услышал такое!»

У М. Алексеева происходит слияние личного идеала писателя с общественным: без напыщенных слов, без назидания потомкам. Человек беседует с человеком, делится своими переживаниями, своим отношением к великим событиям и людям, рассказывает о себе, раскрывает свою творческую лабораторию.

«Отношение человека к земле, к природе — категория не только экономическая, но раньше всего нравственная» — эти слова М. Алексеева являются ключевыми для всего творчества писателя. Они характерны и для его гражданской позиции. Выступая на сессии Верховного Совета РСФСР, депутат М. Н. Алексеев говорил: «Разве это село, леса, луга, речушка вокруг него не формируют нашу душу? Разве не возвращают в нас гражданина и патриота и разве не больно сердцу, когда мы видим, как на наших глазах угасает, умирает речка, реченька, в которой мы некогда качались, как в материнской колыбельке?»

Землю надо беречь и от войн, и от людского равнодушия к ней. А то как бы не пришлось заносить в Красную книгу не только редких животных и редкие растения, но и самого человека.

В сознании писателя как общее зло выступают войны и людское равнодушие к природе, а понятие патриотизма объединяется с понятиями земли, материнской колыбели, с необходимостью бережного отношения ко всему живущему на планете. Человек рассматривается им как часть природы и возмечает замысел — создать несколько документальных книг, автобиографических в своей основе, утверждающих подвиг советского человека, преобразующего природу, защищающего Родину. Таков и роман «Драчуны». Автор оценивает его так: «Это подступы к главному труду моей жизни — произведению о Сталин-

градской битве. Почему подступы? Да всем моим героям в недалеком будущем предстоит пройти через войну. Мои мальчишки — защитники и опора Отечества. Роман нельзя назвать в общепотребительном смысле воспоминанием. На происходящие в нем события я смотрю не глазами мальчика Миши Алексеева. Нет. Я из дня сегодняшнего как бы отвечаю сам себе на вопрос, почему мы победили в Великой Отечественной войне. Вместе с тем это роман о детстве».

То обстоятельство, что это роман о детстве, органично связывает «Драчунов» с «Карюхой». Кстати, слово «драчун» прозвучало уже в повести, в третьей ее главе, когда М. Алексеев, описывая отношение Карюхи к каждому члену семьи, набрасывает и штрихи характеров: «В отношении моего старшего брата, Саньки, Карюха придерживалась в основном того же образа действий, что и в отношении отца. Характером и поведением Санька был весь в бату: так же горяч и нетерпелив, а драчун, пожалуй, даже больше, чем отец».

М. Алексеев как бы берет детство в ладони, бережно рассматривает его, это возрастное и историческое мгновение, следит за психологией его перехода в следующее мгновение, в отрочество в «Карюхе». Возвращается к нему, текущему, трудноуловимому, осмысливает в связи с судьбами русской деревни на рубеже двадцатых — тридцатых годов в «Драчунах». Общее время действия, общие события, общий герой — рассказчик — многое, очень многое объединяет «Драчунов» и «Карюху». А между тем это два этапа творчества писателя, и между ними годы и годы труда, с 1967 по 1981-й. И сознательный, художнически осознанный переход к документальности, которая у писателя не скатывается к фотографии факта. Документальность его современного творчества вбирает в себя наиболее характерные черты актуальности и публицистичности. Специфика его документальности и художественности в самой природе факта, документа, отобранных писателем, в личном участии в событиях. Сохраняется им факт и документ как первооснова, помогающая читателю ощутить реальность обстановки и характеров, конкретность места действия и событий. Все это одухотворено виденным и пережитым, осмыслено с точки зрения исторического опыта народа.

Когда помирились после драки и долгой враждебности Мише и Ваньке вручают в «Драчунах» подарки за сохранение колхозной пшеницы, того самого хлеба, «имени существительного», «цена которому — жизнь», рождаются такие строки:

«Не помню, кто вручал нам маленькие свертки, что говорил при этом, — помню только, что вся кровь, струившаяся по всем жилам, кинулась в лицо; сердце застучало у самого горла, затруднив дыхание; глаза осветились небывалой, неслыханной радостью, ни прежде и никогда после не испытанной мною. Счастье было огромное и полное, может быть, еще и оттого, что не обойден наградою и почестями Ванька и что произошло все это в момент, когда между нами наступил желанный мир, вернувший нам дружбу и распахнувший, как нам казалось, широкие и светлые дали. Мы не знали и не могли знать в тот ясный осенний день, что стоявший уже у порога 1933-й приготовил для нас испытания куда более тяжкие, чем те, через которые мы уже прошли».

Автор не дает обнаженной документальности, он все пропускает сквозь горнило собственного переживания и видения. Потому так неотрывно читаются его произведения, потому и ждет читатель продолжения и развития нового этапа творческой эволюции М. Алексеева — его главного романа о Сталинградской битве, веки к которому — «Карюха» и «Драчуны» — прочно покорили читательские сердца нравственной силой замысла, весомостью идей, самоубийственностью художественной манеры.

Владислав БАХРЕВСКИЙ РАССКАЗ

В

вали ее, как какого-нибудь мальчишку, Санёк. И вот ведь загадка! Ладно бы у себя в городишке, где ее отродясь в платке не выдвигали — платок-то она и теперь повязать не умела! — но и за тысячу верст, среди неведомых, век неизвестных людей она опять же получала своего Санька. Слово клейменная! И пускай было бы ей восемнадцать, а то ведь двадцать пять скоро.

В двадцать пять по нынешним скорым временам о замужестве уже не мечты, а одна только черная досада.

Глаза после сна откроются, и вот она, постылая суть — незамужняя. Нехорошо Саньку просыпалось.

Опустив голову — не натолкнуться бы на материнское сердоболние, — проскальзывала она в ванную.

Зеркало висело над умывальником, и волей-неволей встречалась она с глазами той, что смотрела на нее из зеркала.

Каждый день этот встречный взгляд хватал ее под самые крылышки растрепанной души.

Глядела из зеркала не какая-нибудь каракатица с черепашею кожей. И никакой это был не Санёк.

Просто дураки все! И Луська-телка тоже!

У Луськи жизнь катилась, как яблочко по тарелочке. По улице с ней пройтись — и смех, и грех! Всякий обязательно повернется и поглядит. Луська об заклад билась — любой обернется!

А Санька Луська жалеет. И ладно бы про себя! Так нет, советы подает. Всякий раз у нее совет наготове, как угощение.

Из-за Луськи Санёк сгинула из родного городка на года.

Устроилась Санёк проводником. Первый рейс: Москва — Ашхабад — в купированном вагоне! Санёк, ошалевшая от негаданной перемены в жизни, чувствовала себя счастливой, но было в этом ее счастье что-то жуликоватое.

«Вот ведь! — думала она. — Везут в купированном за тридевять земель, да еще и платят!» Подмести раза два в сутки пол в вагоне, растопить котел, чай по купе разнести... Великий ли труд? Дома по хозяйству и то больше намыкаешься.

В поезде дальнего следования Санёк ехала первый раз в жизни, все ее прежние путешествия — электричка до Москвы. Вот и льнула к окошку.

А там, как на прибранном столе — ни складочки, ни морщиночки, — степь. Саньку все равно радостно. Леса она видела, сколько угодно, а вот про степь только в географии читала. Тут еще верблюды стали попадаться. Маячат себе и поодиночке, и помногу, с верблюжатами. Ну, верблюд и верблюд. В зоопарке вблизи видела. А сердце все-таки очень радовалось. Сразу видно, как далеко заехала. А поезд все мчит, мчит. К новым чудесам везет.

Четыре года Санёк ездила. Видела и Тихий океан, и Черное море. Людей прошло через ее вагон — многие тысячи. Всякие люди. Поняла Санёк: работа проводника не пустячок. И езда утомляет, и с людьми непросто. У проводника на всех заботы должно хватить и не обидеться, что о ней-то позаботиться некому.

— Мы, как волшебники, должны действовать, — говорила проводница тетя Даша, — чтоб все делалось, а нас и не видно, и не слышно.

Работая на поездах, многому чему научиться можно. А главная тут наука такая — перестаешь бояться людей и самой себе цену узнаешь. Не хуже других. Очень многих не хуже.

Однако надоело Саньку в поездах трястись и такую работу делать, которой «не видно и не слышно».

СААН

Вернувшись однажды из рейса, взяла да и рассчиталась

— Устраивайся на фабрику, — сказала ей мать. — Изъездила вся.

— Вот еще! — передернула плечами Санёк. — После того, что повидала, я на твоей фабрике от скуки загнусь.

Подружки косяком шли в московские магазины. Похлопотали и за нее. Устроилась в «Детский мир».

Приняли с испытательным сроком, пришлось с три короба наговорить, что, мол, готовится к поступлению в торговый техникум, что осознает всю ответственность работы в торговле. Испытание выдержала, поставили торговать носками.

Новизна прошла скоро. Покупателя нужно было встречать улыбкой, но улыбок у Саньки хватало на один только испытательный срок.

С утра начиналось кипение этого чудовищного котла под названием «Детский мир». Когда-то Саньку казалось, что большего чуда не бывает. Ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать — вот что такое был для нее «Детский мир».

Теперь не чувствовала она себя волшебницей. Какое там волшебство?! По одному, по двое, оравой к ней то и дело подсакивали люди с зачумленными глазами и спрашивали, спрашивали: где у вас то, где у вас это, на каком этаже, когда будет, будет ли, да когда же, наконец? И все вопросы про чужие отделы.

Иногда, правда, и у нее покупали, но неохотно, с присказками...

— Синтетика! Синтетика! Где хлопчатобумажные носки? Может, все-таки есть у вас? Хоть одну пару! Ну, поглядите под прилавком. Ну, пожалуйста.

В первые дни у Саньки щеки пылали. И за это самое — «поглядите под прилавком», и за тех, кто не поставил хлопчатобумажных носков.

Снять квартиру в Москве она не могла, не такие деньги получала, чтоб квартиры снимать. А потому вся жизнь у нее была бегом. Продиралась сквозь толпу в метро, неслась через вокзальную площадь, выскакивала на платформу, еще рывок — элек-

Рисунок
Антон
КУМАНЬКОВА

ЁЖИК

тричка, пропустив ее в двери, вздыхала, вздрагивала и мчалась сквозь ночь. Санёк находила местечко и дремала. Вставать приходилось рано, дорога в один конец — полтора часа.

«Вот тебе и в Москве работаю, — думала она, стоя за своим прилавком, — в самом, в самом центре. И сама, значит, я самая-самая Москва».

— Девушка!

Она вздрогнула.

— Третий раз вам говорю: девушка!

— Я вас слушаю.

— Носки нужны.

— Смотрите. Выбирайте. Все на витрине.

— Мне хлопчатобумажные. Ноги болят.

Она наконец посмотрела на покупателя. Лет шестидесяти, сухонький, легкий, лысина загорелая, приятная.

— Здесь же детский магазин.

— Ха! — сказал покупатель весело, с хитринкой. — Я давно уже детское ношу.

Детки наши теперь — ого!

Санёк улыбнулась.

— Приходите в конце недели. Пока нет.

Он пришел в конце недели, но завоза все еще не было. Заупрямился, приходил раз, может, сто и однажды накричал:

— Дайте жалобную книгу! Это же измывательство над людьми!

Пришлось вызвать заведующую. Нервного покупателя успокоили, но Санёк получила от заведующей замечание — надо уметь ладить с людьми.

— Я за промышленность не ответчица! — вспыхнула Санёк.

— За промышленность — нет, за репутацию магазина — да!

Санёк так расстроилась, что опоздала на свою электричку. Ехала домой в самой поздней. Села во второй вагон, где людей собралось погуще.

Ее соседями оказались три девушки. Она сразу поняла: попутчицы до родного города. Девушки, разворачивая свертки, показывали друг другу обновы. Все покупки у них были добротные. Санёк включилась в разговор, похвалила покупки, но и посочувствовала:

— Уж очень все дорогое у вас! К свадьбе, что ли? Свадьбы теперь пышные гуляют, три дня гуляют — пять лет долги платят.

— Мы на свои покупаем, — сказала старшая из девушек.

— Так я вам и поверила! — засмеялась Санёк.

— На свои! — Маленькая, похожая на березку девчонка даже обиделась. — Мы в комсомольской бригаде. По двести пятьдесят зарабатываем. А Вера, — она кивнула на старшую, — по триста!

— Ого! — вырвалось у Саньки.

Ей стало досадно. Когда-то платили меньше. Да не в том дело, не в том! От матери о новых заработках не слушалась. Из разговоров девчонок она узнала, что они курские, деревенские.

Вера увидела ее досаду.

— Приходи на фабрику да поработай с наше. Не меньше заработаешь. Может, еще и побольше. Ты ведь из местных, коренная? Когда дело родовое — сноровка в крови живет. На фабрике сноровка многого стоит.

— А чего ж вы! — еще пуще разобиделась Санёк. — Коли столько отваливают, работали бы! А то деньжонок подсоберут в узелок — и ходу!

— Девочки, возможно, останутся, — сказала Вера, — а я в колхоз вернусь. У нас края-то какие! Село на горе! И туда — даль, и туда. Одного неба по сто квадратных

километров на человека. А деньги на свадьбу пойдут. У меня Ванька-то хвальбишка. Все на мотоцикле своем красуется, а я на «Жигуленке» прикачу. Своим ходом. Санёк грустно замолчала.

На следующий день носки наконец привезли, те самые, хлопчатобумажные. Разбирали их быстро, и Санёк, помня о въедливом покупателе, взяла грех на душу: отложила две пары.

Покупатель явился дня через два.

— Ну, как? — спросил он.

— А вот, пожалуйста! — просияла Санёк.

Покупатель тоже просиял, купил обе пары и пожалел, что еще нет. И вдруг, часа не прошло, бежит. Красный, мокрый, злой, словно его из парной туранули.

— Жалобную книгу!

Санёк чуть на пол не села.

— Жалобную книгу! — взвизгнул покупатель.

— Да что же не так-то я вам сделала? — взмолилась Санёк.

— А вот то! — И покупатель шмякнул на прилавок носочную пару. — Вот!

Он тыркал беленьким, как косточка, пальчиком в зияющие на пятках дыры.

— Я тут у вас надел, в примерочной. Ноги в синтетике уж больно парились. Так до дома не хватило дойти. А этих не хватило от дома до вас.

— Вязка слабая! — упавшим голосом сказала Санёк.

— Жалобную книгу! — орал покупатель. — Чтоб знали! Чтоб неповадно было ниль подсознать.

Опять дошло дело до заведующей. На этот раз Санёк даже замечания не сделала, но она в тот же день подала заявление об уходе.

...С вокзала шла пешком. Пахло, как в опустевшем доме.

— Осень, — сказала она себе и словно очулась.

На землю пришла осень. Санёк вдруг увидела, что вечер совершенно золотой. Золото было и под ногами, и в небе, в тихих крыльях безголосых птиц, и, кажется, в ней самой. В ней самой светилось что-то тихое, ясное.

Она уже давно так не ходила по своему городу. Все бегом. Утром бегом. Вечером бегом, озираясь, боясь каждого встречного.

На мосту, над рекой, остановилась. На реке было зелено. Камыши стояли так осторожно, словно в прятки играли. Может, с осенью?

Осень проплывала мимо золотыми рыбками ивовых листьев.

Мост был высокий. Его долго называли новым. Чуть в стороне, заросшая подорожниками и чертополохом, спускалась к воде старая дорога.

Санёк вспомнила, как сильно билось у нее сердце, когда она проходила этой дорогой, через реку, и потом по бульварикам между высокими домами, где всегда была тень и где звуки шагов ударялись в стены, как камешки...

Она пришла домой веселая, легкая.

— Знаешь, мама! Будь по-твоему, на фабрику иду.

Но тут заявила Люська. В джинсах и кроссовках.

— Сто лет не виделись! Как дела? — спросила Люська.

— Хочу на фабрику вернуться, — призналась Санёк.

— Очумела ты, что ли?! — изумилась Люська. — Да ни в коем случае! Больно надо молодость губить. Я все устрою. Пойдешь к нам. Семь месяцев учебы и — сама себе хозяйка, мастер.

Люська работала парикмахером в салоне.

— Я тебе, Санёк, без трепя говорю! — Люська тронула сережку с тремя ослепительными звездочками. — На нас, знаешь, какой спрос? Мой муженек не промах, а все-таки больше моего не зарабатывает.

— Не вовремя ты объявилась! — сказала мать.

— Ничего подобного! — Люська была человеком справедливым. — Если я живу, пусть и подруга живет. Сама умею и другого научу.

И Санёк на двадцать пятом году жизни снова оказалась в училищах. Странное дело. Она неплохо, не хуже других завивала, укладывала, выстригала, выщипывала, но все это делалось словно бы чужими руками. Она не чувствовала рук своих, а сердце у нее все время сжималось, словно от непоправимой потери.

Документ она получила.

Люська сияла.

— Санёк! — тискала она ее в своих объятиях. — Теперь ты человек. И тряпочек себе добудешь, какие положены по моде, и все у тебя будет! Со временем, конечно. Санёк улыбалась, но как-то очень конфузливо.

— Пошли в кафе! Я плачу! — пригласила Люська.

Заказала все самое дорогое. Санёк смотрела на нее с улыбкой. Все смелей да смелей.

— Ты чего? — спросила Люська.

— Да так.

— Ну, правда, чего? Женишка подцепила? Обязательно покажи.

— Нет, не женишка, — сказала Санёк. — Я, Люся, домой сегодня уезжаю.

— Ну, конечно. Старуху мать порадуешь.

— Я насовсем.

— Насовсем? — Люська призадумалась. — Тоже правильно. Там ты с нашей выучкой будешь первым мастером. Голову на отсечение.

— Не о том я, — сказала Санёк. — Я совсем уезжаю. В общем, пойду на фабрику.

Вилка, упавшая из Люськиной руки, звякнула на все кафе.

— Ну, ты даешь! — сказала Люська.

Она вышла из дому раньше времени и все-таки торопилась.

В проходной состроила самую постную рожицу, мол, прядильня не шоколадный цех, но во дворе терпения не хватило — пустилась бегом, по лестнице, на третий этаж. Отворила дверь, и пахло на нее теплом, хлопком, юностью.

Успокаивая дыхание, постояла возле своих машин, и машины тоже словно бы приглядывались к ней.

— Вот и я, — сказала тихо Санёк.

— Эй! Ты, что ли, меня сменяешь?

Деваха, сдобная, ленивая, глядясь в зеркальце, подкрашивала ресницы.

Санёк протянула руки к веретенам, размяла пальцы.

— Как машины работают?

— Сначала бы с человеком поздоровалась. Я, к примеру, Наталья, а ты?

— Александра! — назвала себя Санёк и смутилась. — Машины-то как?

— Чего они тебе дались? Да все так же. На первой прядильной машины давно уже без веретен. А мы все по старинке... Пошли водички попьем. Рано ты больно прилетела. Соскучилась, что ли?

Санёк было стыдно признаться, что и впрямь соскучилась. Ей хотелось заняться делом, проверить машины, заготовить впрок патроны для пряжи, но... пошла с новой подругой пить газировку.

Санёк, как старой работнице, доверили четыре машины. У нее было четыре года стажа, на фабрику пошла после восьмилетки.

Машины за отлучку наказали незамедлительно. Пока меняла ровницу на четвертой машине, на первой случилось несколько обрывов. И вот он — самый настоящий завал! Санёк сначала за голову схватилась, а потом уж за крюк, чтоб содрать испорченную пряжу. Только управилась с первой машиной — на четвертой завал! Опять на первой... Спасибо, съемщица помогла, а то хоть пропадай.

«Надо было в училищах полмесяца походить!» — выругала себя Санёк. Праздника не вышло. Работа словно испытывала ее. Обрыв следовал за обрывом. Бархлили бобинодержатели — значит, намотка некачественная.

Хотелось сбежать. Не сбежала, дотерпела смену до конца. Вызвала наладчиков. Домой шла, как с корабля. Ее пошатывало, а на сердце никакой тяжести. Она вдруг вспомнила, что обрывы устраняла играючи. Спроси у нее, как это делается, — сказать не сумеет. Делается! Само собой делается.

Кажется, даже голос у машин стал другим. Пели, и Санёк пела. Шла своим нормальным маршрутом против часовой стрелки, меняла ровницу, сметала гонялкой хлопковый пух, присучивала обрывы и пела любимую:

*Сладку ягоду рвали вместе,
Горьку ягоду я одна.*

И еще:

Степь да степь кругом...

Особенно ей нравилось это «кру-го-о-о-ом!». Из-за шума машин ее никто не слышал, и она тянула, тянула: круго-ом! И сама же смеялась.

Удивительно! Она ничего не забыла в своей работе. Даже привыкать не надо. Это бы еще ничего, но она чувствовала, что умеет теперь гораздо больше. То, что когда-то было для нее трудным, монотонным, невыносимым, стало легким, радующим, своим.

На смену она явилась за час.

— Ты чего это?! — вытаращила крашенные глазки Наталья.

— Хочу работать, а не мучиться.

— В передовики, что ли, потянуло?

— Нет, — сказала Санёк. — Нервы себе не хочу портить. Вчера и завалы были, и всякое...

Наталья исподлобья поглядела ей в глаза.

— Может, и не мне тебя учить, но запомни. Не ты наездник — машина. Она быстро с тебя охотку соьвет. Скачи не скачи — конца у работы не бывает.

Санёк молча повязывала голову косыночкой.

— Ну, чего молчишь? Скажешь, не права?

— Не знаю. Я столько лет в умных ходила, что невтерпеж дурой побыть.

— Ну, давай, давай!

Работала в тот день Санёк без песен. Наталья, конечно, права — конца работе нет. Одно дело — охотку сбить, и совсем другое — простоять — да где же простоять! — пробегать вокруг машин.

Сомнение все-таки поселилось в ней. Подглядывала за собой. И все ждала, когда надоест ей счастливая игра в догонялки с временем. Она уже через неделю попросила пятую машину, и бригадир прислал к ней хронометражистку. Картина получилась очень даже приятная. Обрыв на початке полагалось ликвидировать за двадцать секунд. Она управлялась за одиннадцать и одну десятую. Ровницу меняла вместо положенных одиннадцати за восемь. Обрыв на бобине — не за пять, а за три секунды.

Вместо одной бригадир предложил ей взять две машины.

— Попробую, — сказала она.

И — новое открытие! Ей это было совсем нетрудно. Ей это было совсем нетрудно! Ее распирало от радости.

«Как же так? — думала она. — Раньше на четырех машинах маялась, а теперь шесть, и хоть еще столько же бери! Другая, что ли, я стала? Взрослая, наверное».

Но чувствовала в себе... Санёк.

Хлопот, конечно, прибавилось. В пятой машине что-то случилось с вытяжным прибором. Их поммастер, он же и бригадир, человек добрый, сноровистый, был на больничном. Вызвала наладчиков.

Явился ухоженный, словно из Дома моделей, красавчик с «дипломатом». Халат без единого пятнышка, со строчеными карманами. Брюки в стрелку, на голове пробор. Покопался в машине минуту-другую и минут десять тер руки, поливая их одеколоном.

— Все! — сказал Санёк. — Работай!

Ремонта хватило на полтора часа. Явился другой наладчик, чумазый, как из трубы. Кривя рот, блеснул железными фиксами.

— Ну, чего тут у тебя?

— Утром чинили, а в обед уже не работает.

— И не будет работать.

— Это почему же?

— Чтоб работала, смазка нужна.

— Какая?

— Обыкновенная. — Наладчик погладил себя по горлу.

— Обойдешься! А ну, чини!

— А мне что, я починаю! — хмыкнул, покрутил головой. — Не упрямилась бы! Не ты первая, не ты последняя.

Он принялся грохать ключами, и Санёк, с ненавистью наблюдавшая за его бессовестно ленивыми руками, вдруг подскочила к нему, схватила гаечный ключ.

— Учи, мужик! — глядела прямо в глаза. — Я казарменская. В Самомазке родилась.

— Иди ты! Привязалась. — Наладчик торопливо собирал инструменты.

— Починил? — спросила она.

— Починил.

Она отдала ему ключ, брезгливо глянула на свои руки:

— Помылся бы! Здесь пряжа идет, а не ветошь для свалки.

Санёк подвинула к себе ведомость, взяла ручку на бечеве. Расписалась. Рука у нее дрожала. В графе перед ее фамилией сумма — 288 рублей 41 копейка. Да еще аванс был. Разом таких денег она никогда не получала.

— Девочки, не забудьте заплатить комсомольские взносы.

К кассе подошла высокая девушка. Волосы льняные, свои, а глаза веселые. Неторопливая. Таким спешить незачем, мир сам вокруг них кругами ходит.

— А вы, Александра Фетисовна, почему на учет до сих пор не встали?

Санёк не поняла, что обращаются к ней.

— Александра Фетисовна!

— Ах, это я? — испугалась Санёк.

— Кто же еще? — Александр у нас есть, а вот чтоб Фетисовна... — Секретарь улыбнулась.

— Я встану,— сказала Санёк.— Я завтра карточку принесу... К работе привыкала.

Секретарь подала ей руку.

— Алевтина. О тебе я слышала — молодец. Так и надо их, лентяев. Только вот чего людей сторонись?

— Я не сторонюсь,— сказала Санёк, опуская голову.— Не пригляделась еще.

— В выходной у нас выезд в Москву. Передовиков везем. Я тебя записываю.

— Какой же я передовик?

— Начинаящий, но, думаю, станешь самой Ломовой ровня.

Автобус по зеленой волне светофоров прокатил мимо Курского вокзала, мимо высотного здания Министерства сельского хозяйства, мимо больницы Склифосовского и вдруг свернул в узкий переулок. Еще раз свернул и остановился.

— Приехали,— сказала Алевтина.— Просыпайтесь, просыпайтесь! Начинаем столичную жизнь.

Поездка была рассчитана на весь день, и многие спали, чтоб поберечь силы. Санёк тоже вздремнула.

— Куда это ты нас завезла, Алевтина?— спрашивали прядильщицы, поглядывая на деревянный, похожий на терем дом.

— К художнику в гости.

— О-о!— Толстая Нюрка скривила физиономию.

— Успеешь, набегаешься по магазинам,— сказали ей женщины и окружили секретаря.— Спасибо тебе, Алевтина. В хорошие нас возишь места.

— Еще не видели, а хвалите!— возмутилась Нюрка.

— Хвалим, потому что знаем: Алевтина если уж куда привезет, так на всю жизнь запомнишь.

Санёк же исподтишка поглядывала на знаменитую Ломову. Уж очень тихая. Себя не показывает. А глазами с ней встретиться — улыбнется.

Натянули тапочки на обувь, поплыли мимо кассирши в первую комнату.

Экскурсовод рассказывала о доме, о художнике Викторе Михайловиче, о том самом, что написал «Трех богатырей». Санёк слушала рассказ, а смотрела не столько на картины, сколько на стены, на гладкие деревянные стены с сучками, похожими на родинки. Вот здесь, наверное, дети бегали, вон их портреты. Внучок Виктора Михайловича. В стрелочком кафтане... Сын, дочь...

Выходили из музея возбужденные.

— Как живая спит царевна-то!

— Чего помалкиваешь, Санёк?

«Опять Санёк!» — даже в коленках защемило.

— Чего понравилось-то?

Алевтина заглядывала ей в лицо. Черные глаза смотрели по-сестрински.

«Ну и ничего, что Санёк», — весело пронеслось в голове.

— Знаешь, Алевтина, — взяла ее под руку. — Ты, может, смеяться будешь, а мне больше всего Коцей запомнился... Он ведь знает, что страшный, и очень печалится. Плохо ему, что он Коцей. Да только ничего поделать нельзя.

— Как ты интересно сказала! — обрадовалась Алевтина. — А я-то на Коцею и не поглядела.

В театр приехали пораньше, чтоб перекусить в буфете. Пообедать не успели: обед на магазины променяли.

— Что-то в фойе аппаратуры много, — удивилась Санёк. — Видно, концерт по телевизору будут показывать.

— А чего ж не показывать? — сказала Нюрка. — Артисты выступают первый сорт.

Оказалось, что телевизионщики показывали не столько сцену, сколько зрителей. Ведущий программу усаживался рядом с каким-либо передовиком, задавал вопросы, а потом уж пели и танцевали артисты.

Санёк, робяя, держалась поближе к Алевтине. И вдруг номера через три-четыре телевизионщик уступил ей место. Алевтина уступила ему место, и только теперь Санёк увидела, что слева от нее, через кресло, сидит Ломова. Телевизионщик попросил ее рассказать о работе прядильщицы, о планах.

Санёк слушала, высунув голову, интересно: она, Санёк, совсем рядом с Ломовой, которую теперь вся страна видит.

И тут ведущий программы повернулся к ней, Санёк.

— Назовите ваше имя.

— Зачем? — удивилась Санёк.

Ведущий засмеялся.

— Чтоб наши телезрители познакомились с вами.

— Да зачем?! — еще больше удивилась Санёк. — Я и на фабрике-то всего полтора месяца.

— Как же так? Полтора месяца, а уже работаете на шести машинах! Это что, особый талант?

— Да нет! — сказала Санёк. — При чем тут талант! — И задумалась, прикусив нижнюю губу. — Вообще-то кто его знает... У нас в роду все прядильщицы. И прапрадед мой был прядильщиком. Он еще в Морозовской стачке участвовал.

— Так как же вас зовут?

— Александра Фетисовна, — недовольно буркнула Санёк.

— Ну, вот мы и познакомились. Скажите, ваша соседка Валентина Ломова работает на пятнадцати машинах. Только сверх плана она выработала с начала пятилетки 270 тонн пряжи. Объясните нашим зрителям, много это или мало?

— Это ого-го! — сказала Санёк. — За смену обыкновенная прядильщица вырабатывает сто двадцать килограммов пряжи. Если считать, что на одно платье идет четыре метра, то можно пошить двести платьев, даже с лишним.

— Действительно ого-го! — согласился ведущий. — Ну, а какие ваши планы?

— Вот по привычке к работе, возьму хоть еще десять машин. Мне на моих что-то очень уж легко работается.

— Значит, собираетесь перекрыть достижение вашей подруги?

Санёк испугалась.

— Нет, что вы! Я Валентину Васильевну ужасно уважаю!

— Но разве уважение может мешать работе еще более интенсивной, более организованной?

— Никаких рекордов я бить не собираюсь! — рассердилась Санёк. — Я проверять хочу самое себя. А если смогу — значит, хорошо. И мне, и всем. Лишние тонны пряжи, они ведь на дело пойдут.

— Замечательно вы сказали. Спасибо.

Ведущий программы объявил следующий номер, лампы погасли, вернулась на свое место Алевтина.

— Молодец! — тискала она Санёк.

Улыбаясь, и Валентина Васильевна протянула ей руку.

— Ух и смелая ты!

— Да нет, — бормотала Санёк, покрасневшая хуже вареного рака. — Я просто забыла, что нас показывают. Он ведь спрашивает!

— Санёк! Молодчина! — шептали со всех сторон свои.

— Ладно! — сказала она. — Давайте концерт смотреть. Но ничего-то не видела и не слышала, пока песню «Текстильный городок» не спела знаменитая на весь белый свет актриса.

Александра шла и шла через крутящийся белый лес бобин и веретен — шестнадцать машин!

— Мои березы! — говорила она сама себе.

Лесу не было ни конца ни края.

Возвращалась со смены она, по-старушечьи шаркая ногами. Стоило на мгновение прикрыть глаза, как тотчас являлся ее белый лес, плыл куда-то в сторону и ее тянул за собой.

— Смотри, Санёк! — предупредила мать. — Я тебя на фабрику звала, чтоб ты при настоящем деле была, на хорошей работе. Рекорды — дело натужное.

Санёк отмалчивалась.

Второй день прошел у нее еще тяжелее первого.

«Неужто слаба в коленках?» — спрашивала себя Санёк. — Как же Ломова-то? Силы в ней особой не видно. Она ведь лет на десять старше».

Дала себе срок: две недели. Две недели поработать не хуже Ломовой. Надо же хоть раз в жизни почувствовать, что такое работа.

«Может, у Ломовой какой-то секрет есть?» — думала Санёк.

Валентина Васильевна сама к ней подошла.

— После работы с ног валишься?

— Валюсь, — призналась Санёк.

— Перетерпеть надо. Это как у спортсменов. Они все терпят, пока второе дыхание не придет.

— Спасибо, — сказала Санёк.

— Ты выдержишь. Я вижу, — взяла ее за руку. — Слушай, а зарядку ты делаешь?

— Какую там зарядку!

— Ты обязательно делай зарядку. Я без зарядки не смогла бы так работать...

Опять вспомни спортсменов. Они же сколько трудятся, прежде чем на старт выйти. А мы с тобой, Саша, марафонцы. Ты не считала, сколько проходишь за смену?

— Нет.

— Километров двадцать, а то и тридцать. У нас марафон пополам с оригинальным жанром. Я за твоими руками наблюдала — не углядишь, чего они делают. Чудесные у тебя руки.

— Спасибо, — сказала Санёк.

Придя домой, она попросила мать:

— Покажи руки.

— Ты чегой-то?

— Да так, — сказала Санёк. — Ломова говорит, руки, мол, у меня... Ну, легкие, что ли!

— Легкие, — согласилась мать. — Я тоже работала без усталости. В нашем деле руки легкие должны быть, чтоб аж летали.

Но усталости не убавлялось.

«Все!» — сказала она себе. — Последний день на шестнадцати».

Смена мелькнула, и Санёк, шагая домой, вдруг так и стала. Не заметила смены! Не заметила, что у нее шестнадцать машин. Даже головой покрутила — надо же! И увидела афишу. Футбол. Начало матча в 18.00.

«Пойду!» — решила Санёк. — Для наших матч решающий. Могут в пульку выйти, а там, смотришь, и в первую лигу».

Проигрывали один мяч, забили два и пропустили два. До конца игры оставалось еще минут пятнадцать, но команда выдохлась.

Санёк сидела рядом с дядечкой, у которого на груди в два ряда висели медали.

— Характера у молодых нет, — сказал он Санёк, глянув на нее осуждающе.

— Есть характер! — рассердилась Санёк. — Есть!

Вскочила, размахивая над головой косынкой.

— Играйте! Играйте! Через «не могу»!

И по-мальчишески засвистела, сунув четыре пальца в рот.

— Да-ваа-ай! — взорвались трибуны. — Да-ваа-ай!

И команда, готовая потонуть, как старая посуда, вдруг о-гнулась, ожила.

И когда мяч затрещался-таки в сетке упрямого соперника, Санёк почувствовала, что летит. Ее подкинули в воздух раз и два.

— Да пустите же! — заорала она.

Но все глядели на нее влюбленно и хлопали, как парня, по плечам.

Пробираясь сквозь толпу со стадиона, она заметила вдруг, что не одна. На полшага позади парень. Идет и улыбается. Она обернулась.

— Ты чегой?

— Так! — сказал парень.

Санёк пожала плечами, ускорила шаги. Провожатый не отставал. Она опять обернулась, он подошел, сказал:

— Такой счастливый вечер у болельщиков, и ваша в том немалая заслуга.

— Ну да уж!

— После вашего призыва они заиграли наконец.

— Дедушку стало жалко, вот и закричала.

— Какого дедушку?

— Не знаю. Рядом со мной сидел, с медалями. Совсем скис.

На мост вышли уже при первых звездах. Санёк остановилась на реку посмотреть. Парень вдруг прочитал стихи:

— Тучи раздвигая и шатаясь,
Красным сарафаном прикрываясь,
Проступает бабий лик луны —
Август, август!
Тихо сквозь ненастье
В ясном небе вывездило счастье...
Что-то стали ночи холодны.

Санёк так и замерла. Плечи у нее охватило ознобом.

— Да, — сказала Санёк. — Вот это стихи!

Река была совсем уже темная. Лилась широко, но даже не всплескивала. Санёк повернулась в другую сторону и вспыхнула радостью:

— Месяц! Новенький!

И вдруг услышала:

— Какая же ты красивая!

И теперь не только плечи, душа в ней задрожала. Вот уж истинно августовские холода! Никто и никогда не говорил ей таких слов. Она не смела поднять глаза на своего провожатого, и все-таки подняла, посмотрела и увидела — все правда!

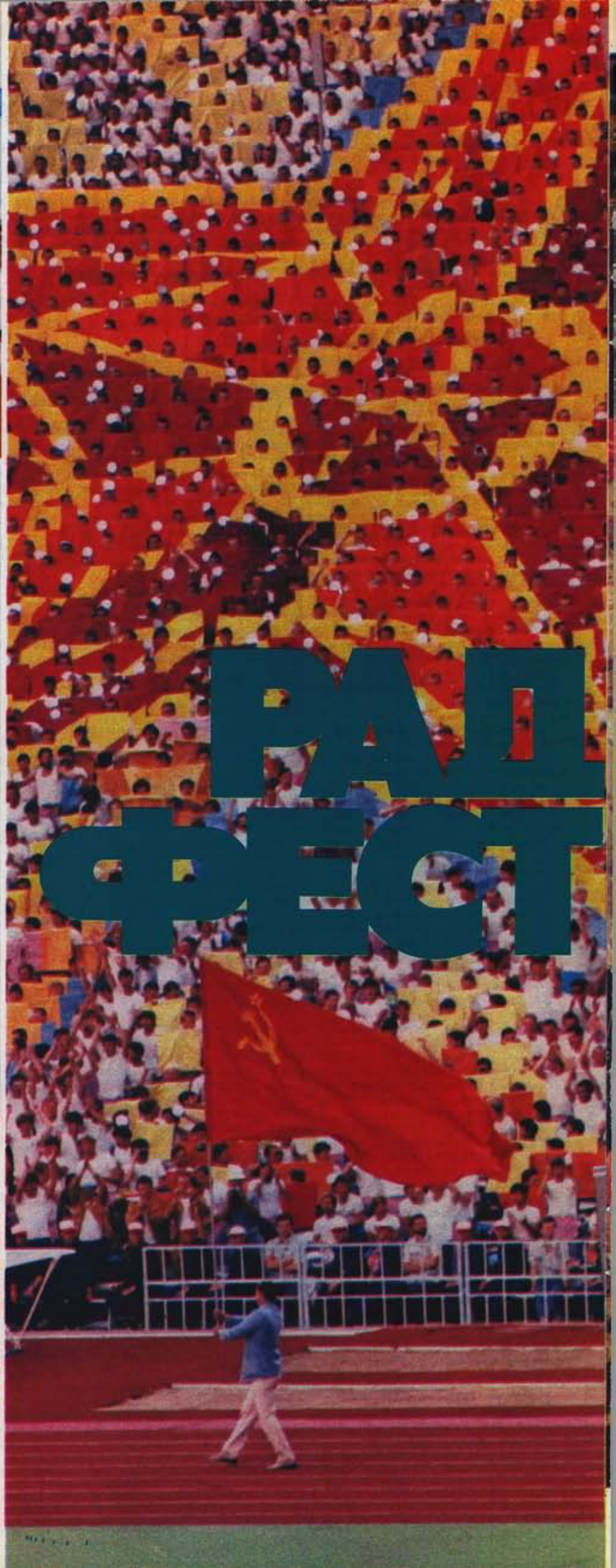
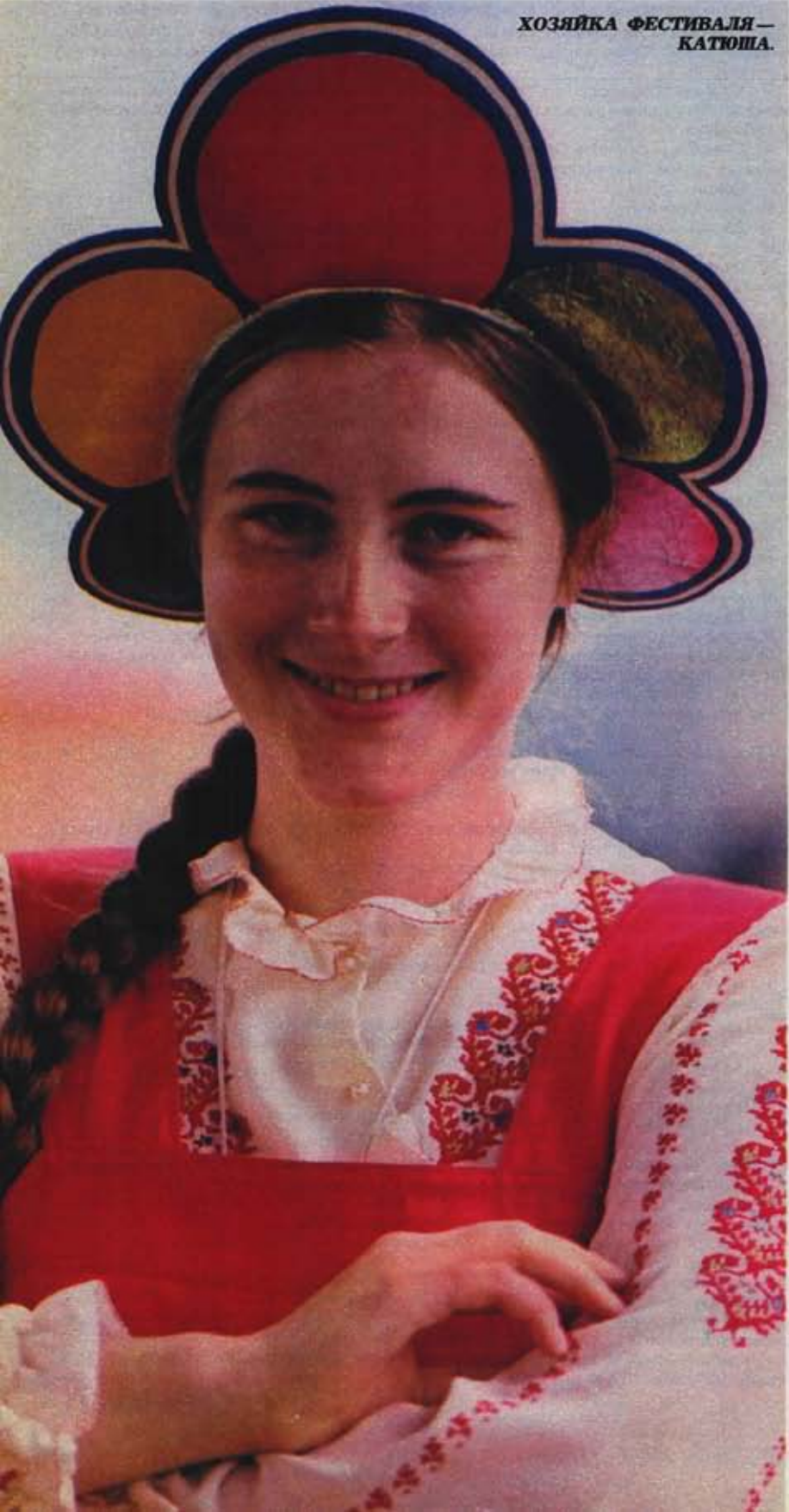
«Судьба!» — подумала Санёк и вспомнила мать: как же она была права, во всем права, но столько дней потрачено...

МОСКВА ПРИВЕТСТВУЕТ ГОСТЕЙ.

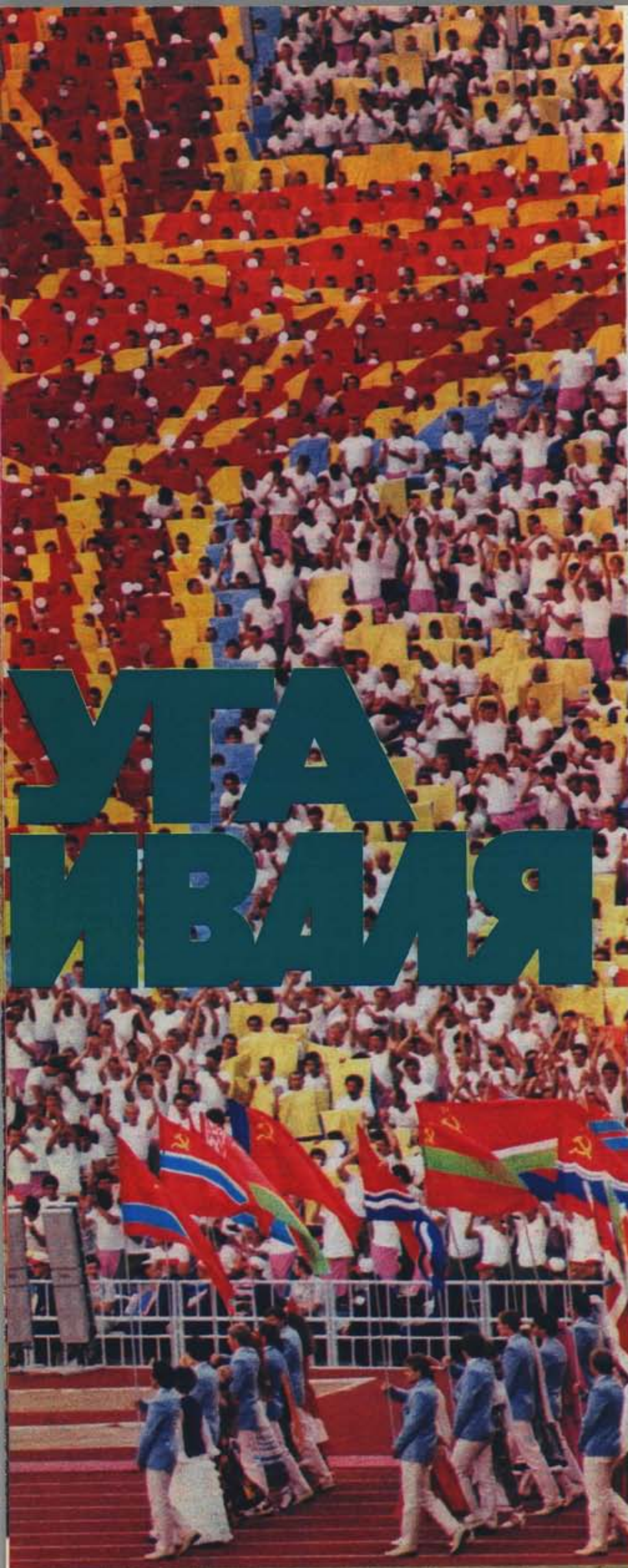

ПР-МОСКВА - ФЕСТИВАЛЬ!

ХОЗЯЙКА ФЕСТИВАЛЯ —
КАТЮША.

РАД
ФЕСТ

Генрих ГУРКОВ,
Павел ЕМЕЛИН,
Сергей ПОПОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Сколько человек участвовало в XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве?

Статистика утверждает: 20 тысяч делегатов, 24 тысячи туристов из многих стран мира, тысячи и тысячи молодых москвичей. Да, все точно, и в то же время не совсем. Благодаря телевидению, газетам, журналам участниками фестиваля стали многие и многие миллионы людей. Они познакомились с теми, кто приехал в нашу столицу, переживали вместе с ними события фестиваля — а по числу самых разнообразных мероприятий, их масштабы, глубине и яркости Всемирный форум молодежи в Москве, по оценке самих делегатов, был поистине необыкновенным. Пусть простят нас другие фестивальные столицы, но такова, видно, логика фестивалей: каждый следующий, познав опыт предыдущих, вносит что-то новое и значительное в историю молодежного движения.

Просто или сложно рассказать о прошедшем фестивале? Вроде бы просто — так много ярких впечатлений, с которыми будешь жить всегда. И очень сложно: какие из них отобрать для нашего фестивального рассказа? Полным и исчерпывающим этот рассказ, естественно, быть не может: одна только программа официальных мероприятий, включенных в повестку фестиваля, занимала сотни страниц убористого текста. А сколько было неофициальных, незапрограммированных встреч, поездок, экскурсий...

Перелистаем наши фестивальные блокноты...

В Международном пресс-центре XII Всемирного фестиваля места за столом для почетных гостей занял уникальный космический экипаж — девять человек, побывавших на орбите. Журналистам было предложено задать вопросы советским делегатам, которые отсутствовали в Москве. Отсутствовали по вполне уважительной

ПРАЗДНИК ОТКРЫТ!

«ВЕРИМ В ПОБЕДУ РАЗУМА!»

Николай ПАЛЬЦЕВ,
заведующий отделом
пропаганды и агитации
ЦК ВЛКСМ

МОЛОДЕЖЬ

Вот и стал событием истории XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Событием, огромное значение которого для молодого поколения планеты очевидно уже сегодня, сейчас, но, вероятно, в полном масштабе будет оценено лишь с течением времени. Фестивали не завершаются торжественной церемонией закрытия — они продолжают жить в умах и сердцах молодых, рождая новые инициативы, заставляя юношей и девушек различных стран глубже задуматься о своей роли и о своем месте в сложном и противоречивом мире.

Палитра человеческих судеб, политических, философских взглядов и убеждений, представленных в фестивальной Москве, необычайно широка. Однако, оценивая итоги этого беспримерного по своей представительности международного молодежного форума, нельзя не отметить главное: фестиваль, несмотря на различия мнений его участников, укрепил понимание молодым поколением важной истины: борьба за лучшее будущее, за свои права, неразрывно связана с обеспечением самого значительного и весомого из прав человека — права на жизнь.

Делегаты и гости XII Всемирного, люди разной политической ориента-

ции, с энтузиазмом и искренним одобрением восприняли слова Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева: «Мы за то, чтобы силы, энергия людей, гений человечества направлялись не на создание все новых и новых средств разрушения, а на ликвидацию голода, нищеты, болезней, на цели процветания и мирного развития».

Участники XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов могли воочию убедиться: советский народ, понесший огромные жертвы во имя победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом, полон решимости сделать все, что в его силах, для предотвращения новой войны.

Конечно же, всемирные фестивали молодежи — это великолепные, радостные праздники. Но это каждый раз и открытый, прямой, а часто и трудный разговор о проблемах, перед которыми стоят сегодня молодежь и все человечество.

Существует множество измерений, определяющих положение молодежи в той или иной общественной системе. Но одним из самых важных при этой оценке является: какие права и возможности, не декларируемые, а реально существующие, имеет молодежь в каждом конкретном обществе? Чему учат молодых в школах и университетах? К чему готовят? Как

соотносятся права и интересы юношей и девушек с основными политическими и социальными структурами государства и общества?

И другая сторона проблемы: как сама молодежь относится к обществу, в котором она живет? Принимает или отвергает она то, что происходит с нею и вокруг нее?

Мы никому не навязываем своих взглядов, убеждений. Но мы и не скрываем их. Мы гордимся тем, что сделала наша страна для развития мировой цивилизации, мы гордимся вкладом советской молодежи в грандиозные свершения нашего народа, исторический путь которого отнюдь не был безоблачным и простым.

В дни фестиваля на ВДНХ СССР была открыта комплексная выставка «Молодежь Страны Советов». Меньше всего организаторы выставки думали о парадности. Смысл выставки был совершенно иной: рассказать об опыте, утвердившемся в жизни молодежных коллективов, поразмышлять о проблемах и трудностях, пригласить к творческому диалогу.

И здесь, вероятно, будет уместно сказать о двух измерениях XII Всемирного. Они не противоречат, а дополняют друг друга. Делегаты и гости из 157 государств земного шара получили возможность предметно ознакомиться с тем, как мы живем и над чем

работаем. А наши юноши и девушки, члены советской фестивальной делегации, увезли с собой мысли и идеи, на которые была столь щедро выставка «Молодежь Страны Советов».

Фестивальный год, провозглашенный Организацией Объединенных Наций Международным годом молодежи, собрал в своем календаре события и даты, раздумья над которыми помогают молодому поколению уточнить и конкретизировать важнейшие жизненные ориентиры. Сорокалетие Победы... Десятилетие со дня подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе... Десятилетие совместного космического полета «Союз» — «Аполлон»... И значимость этих юбилейных дат — в их непреходящей весомости в дне сегодняшнем.

Задумавшись: вторая мировая война дала беспрецедентный пример боевого содружества стран и народов, которые много разделяло, но единство целей и взглядов в борьбе против чудовищного зла во имя счастья мирной жизни оказалось превыше всего... Справедливые принципы междоусудственных отношений, сформулированные в Заключительном акте Хельсинкской конференции, играют позитивную роль в развитии мировых событий. Доброе и дружеское руко-

причине: они в это время находились в космосе. Туда, «наверх», был передан вопрос «Смены». Мы попросили Владимира Джанибекова и Виктора Савиных поразмышлять о том, меняет ли что-нибудь в человеке полет в космос, и если да, то что именно?

Вот что сказал Джанибеков: «Если говорить о воздействии на организм, то жизнь это, конечно, не удлиняет... А если о другом говорить, то вот что, по моему, очень важно... Здесь, в космосе, по-иному воспринимаешь ценности, привычные для нас на Земле. Одни кажутся более важными, другие — менее важными. А главное вот что: жить надо проще. Жизнь и без того слишком сложна, чтобы ее еще больше усложнять... Наверное, любой из нас, космонавтов, разглядывая Землю из космоса, с особой остротой ощущал, что все мы ответственные за ее судьбу. В этой невероятной безмерности наша Земля, как точно сказал Юрий Гагарин, кажется такой маленькой, такой беззащитной...»

Потом говорил венгерский космонавт Берталан Фаркаш. Он очень внимательно слушал Джанибекова и, видимо, был полностью согласен с его словами. Но прибавил вот что: «Самое страшное, что можно себе представить, — это если космос станет полем сражения. Мне кажется, надо посадить в корабль и отправить на орбиту тех, кто этого не понимает. Пусть они полетают, посмотрят оттуда на все, что мы видим, и они вернутся на Землю другими людьми...»

Сопричастность со всем, что происходит на Земле... Фестивальные будни и праздники были насыщены этим ощущением. Ощущением всеобщей ответственности за то, чтобы не повторилось в более страшном, непоправимо страшном варианте пережитое человечеством сорок с лишним лет назад, в годы второй мировой...

...Солнечным воскресным утром вместе с делегатами фестиваля мы приехали на Поклонную гору. Здесь, как изве-

стно, сооружается монумент в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Совместное участие молодежи разных стран в большой трудовой акции — одна из давних традиций фестивалей. Помните, на I Всемирном делегаты восстанавливали сожженную гитлеровцами чехословацкую деревню Лидице. В Будапеште в дни II фестиваля строили стадион. На Московском форуме молодежи в 1957 году был заложен Парк Дружбы. Вот и сейчас фестиваль надел рабочую спецовку.

Идет бетонирование широких площадок-ступеней. Пять ступеней — пять лет войны. Там, где вяжут арматуру ребята из Мексики, Перу, США, Коста-Рики, — год 1944-й...

Что знают о прошлой, самой жестокой и кровопролитной войне молодые, с задором орудующие лопатами ребята? Мы спросили об этом симпатичного бордоча.

Пол Крехбил — американец из штата Теннесси, редактирует газету объединенных рабочих-мебельщиков.

— Война? — переспросил Пол. — Войну помнят в нашей семье. О ней часто вспоминает мой отец, бывший моряк. Он воевал на Тихом океане. Наши страны были союзниками в борьбе с фашизмом, и сегодня мы гораздо активнее могли бы сотрудничать в самых различных областях. Я верю, что такое время придет.

Тоня Войтик, хрупкая светловолосая девушка, приехала на фестиваль из Белоруссии. Она пионервожатая в Красношвабской средней школе Минской области.

— Мое село, — говорит Антонина, — совсем недалеко от Хатыни. О судьбе этой огненной деревни знает весь мир. А в наших местах фашисты расстреляли и замучили 682 человека — число потерь помогли установить пионеры. Как только Памятник Победы будет построен, приеду сюда со своими ребятами — пусть посмотрят, где работали делегаты XII Всемирного.

На нашем редакционном столе стоит синеватый, цвета неба, бумажный журавлик. Это подарок японки Кодамы Нобуми, служащей префектуры города Такамацу. В перерыве между дискуссиями Кодاما собирала подписи под обращением жителей городов Хиросимы и Нагасаки о скорейшем и полном запрещении ядерного оружия. Поставили свои подписи под этим документом и мы.

260 тысяч жизней, превратившихся в пепел, пар, тень, унесли две атомные бомбы, одна из которых, сброшенная на Хиросиму, словно в насмешку, звалась «Малыш». И все же из этого ада вышли живыми люди, чтобы рассказать потомкам о той трагедии, предостеречь их, не дать забыть о ней.

— Вдруг наступила почти непроглядная тьма, хотя было утро... — рассказывал участникам фестиваля 57-летний Акира Исиды. В сорок пятом ему было семнадцать. Он ехал в трамвае вместе с братом, который вскоре умер от лучевой болезни. Акира увидел ослепительную вспышку и в тот же миг потерял сознание. Он очнулся среди мертвых тел — мертвые, приняв на себя смертельную дозу радиации, спасли ему жизнь.

Перед глазами другого свидетеля трагедии Хиросимы, Юдзи Эгусо, и по сей день стоит эта картина: бегущая девушка в белоснежном платье, которое стало красным от крови...

Затаив дыхание, слушали делегаты рассказы очевидцев. А потом посыпались вопросы. Почти всех интересовало, как народ, переживший ужасы атомной бомбардировки, борется за мир, как воспитывается миролюбие в новых поколениях японцев. И надо сказать, что вопросы эти не случайны: ведь сегодня лишь 10 процентов японских школьников знают, кто сбросил на Хиросиму и Нагасаки атомную смерть.

— Да, — с горечью признался Исидан, — к сожалению, правительство Японии старается вытравить из памяти молодежи знания о пережитой трагедии.

Сведения об этом выбрасываются из школьных учебников. Однако в Японии создана ассоциация учителей, которые говорят детям правду о событиях тех августовских дней 1945 года.

Кстати, сам Акира Исиды был учителем истории, а Юдзи Эгусо преподавал музыку. В шеренгах борцов за мир, за запрещение ядерного оружия они идут вместе со своими воспитанниками.

Совесть и ответственность... Как же часто мы задумывались об этом, присутствуя на фестивальных дискуссиях...

Вторая мировая война принесла смерть пятидесяти миллионам человек. Конфликт, в который с чудовищной безответственностью пытается толкнуть мир американский военно-промышленный комплекс, привел бы совершенно к иным категориям жертв: обреченным на смерть оказалось бы все человечество.

Необходимо сделать так, чтобы этого не случилось. Понимают это и молодые американцы, пригласившие нас на свою пресс-конференцию.

Наши страны разделяет океан. Но если бы только это! Океан лжи и клеветы выплескивает буржуазная пропаганда, чтобы утопить доверие и стремление к сотрудничеству между нашими народами.

— В Москве я всего лишь шесть дней, — говорит Джулиан Эпштейн, один из руководителей американской делегации, — но уже имел возможность убедиться, что в США существует дезинформация о Советском Союзе.

Нас пугают «советской угрозой», — продолжает Джулиан, — но здесь, в Москве, я воочию увидел, что советский народ хочет мира. Об этом нам говорили и советские делегаты фестиваля, и просто прохожие на улицах. А заявление Михаила Сергеевича Горбачева о прекращении любых ядерных взрывов до 1 января будущего года — разве это не яркое свидетельство миролюбия Советского Союза? Очень жаль, что Бе-

НАДЕЖДА МИРА

пожатие в космосе символизирует альтернативу «звездным войнам», итогом которых могло бы стать лишь самоуничтожение человечества...

Значение всемирных фестивалей молодежи и студентов определяется еще и тем, что они создают коллективный портрет молодого поколения планеты, формулируют с предельной четкостью то, что молодежь волнует именно сегодня, нацеливают молодежь на единство действий в борьбе за мир и социальную справедливость. Конкретное воплощение этого стремления к единству — жизненный урок всех фестивалей.

Невозможно, по-видимому, создать некую универсальную пирамиду ценностей, действительную на все времена и для всех народов. Есть, однако, ценности непреходящие и всеобщие. Например, любовь и уважение к труду. Делегаты XII Всемирного, побывавшие на советских предприятиях, могли увидеть собственными глазами, что эта черта определяет облик и содержание жизни советской молодежи.

«Радость труда», — писал замечательный советский педагог Василий Сухомлинский, — ни с чем не сравнима, ни с чем не сопоставима. Она непохожа на радость, которую дают нам экскурсии, спорт, художествен-

ные ценности... Радость труда — трудная, как ребенок, рожденный в муках...

Человек совершенно иной судьбы, летчик, поэт, мечтатель, аристократ по рождению и труженик в жизни, написал строки, которые в главном совпадают с мыслью Сухомлинского: «Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком. Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму. И запираемся в одиночестве, и все наши богатства — прах и пепел, они бесцельны доставить нам то, ради чего стоит жить». Эти слова принадлежат Антуану де Сент-Экзюпери.

Сравним совпадение понятий. Совершенно очевидно, что оно не случайно. Но в их глубинной взаимосвязи есть нечто принципиально важное. Во все времена, во все эпохи истории создавали не сумма разрушений, а сумма содеянного, не число войн и сражений, а число построенных городов. Взлетами человеческого разума определялись великие вехи в биографии планеты.

Наши гости могли убедиться, определяя суть и смысл своей жизни: молодежь Советского государства руководствуется принципами, в сум-

му которых неизменно входит глубоко уважительное отношение к труду.

Повторю: мы никому не намеревались навязывать на фестивале наши нравственные и жизненные принципы. Но мы и не скрываем их. Это наши убеждения. Они для нас — руководство к действию. Их суть — социальная справедливость, гуманизм, миролюбие.

Молодой человек восьмидесятых годов... Фестиваль позволил с особой пристальностью взглянуть в лицо поколению, от которого зависит быть или не быть человеческой цивилизации, быть или не быть планете Земля.

В XII Всемирном участвовали посланцы молодежи 157 стран мира и делегация Западного Берлина, представители более 80 международных и региональных молодежных и студенческих организаций. Число делегатов составило более 20 тысяч человек.

Каждый день московского форума молодежи имел свою тематику, определяемую насущными проблемами современности: «Молодежь и студенты за мир, предотвращение ядерной войны, разоружение», «Молодежь и студенты за антиимпериалистическую солидарность», «Молодежь и студенты за свои права», «Молодежь и студенты за экономическое сотрудничество, развитие, новый междуна-

родный экономический порядок», «Молодежь и студенты за безопасность и сотрудничество». В 57 митингах солидарности участвовало более 1 миллиона юношей и девушек, на 130 различных дискуссиях выступили пять тысяч делегатов и гостей фестиваля.

Особое внимание в фестивальные дни привлекала работа Антиимпериалистического трибунала. Свидетели и жертвы преступлений империализма из 50 стран мира привали цифры и факты, доказывающие антигуманную, античеловеческую сущность империализма. Единодушно вынесен и обвинительный приговор империализму: «Виновен!»

...У каждого времени свои приметы. Примета нашего времени — высочайшая ответственность молодежи. Ответственность за день сегодняшний. Ответственность за день завтрашний. Ответственность за то, чтобы он вообще был, день завтрашний.

И это с неопровержимой убедительностью доказал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, прошедший под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Фестиваль завершился. Но ему предстоит жить и работать многие годы — во имя лучшего будущего нынешнего и грядущих поколений.

льный дом так быстро отверг предложение советского руководства.

Искреннее, горячее стремление советских людей к миру — именно такого открытия, как видно, и опасаются руководящие политики Америки, объявив молодых американцев, поехавших на фестиваль, «антипатриотами», а сам XII Всемирный — «чисто коммунистическим мероприятием». Но разве только коммунисты борются за мир, выступают против империализма, колониализма, расизма, против вмешательства США в дела других государств?

— Тони Ротшильд, — представился улыбающийся стройный молодой человек с копной кудрявых волос. Привычным движением протянул свою визитную карточку.

Тони — специальный помощник конгрессмена Джорджа Крокетта, одного из активных сторонников XII фестиваля. Как у истинно делового человека, каждый день Тони был расписан по минутам. Подтянутый, энергичный, он стремился постоянно быть в гуще событий. И все же какая фестивальная встреча ему особенно запомнилась?

— Мы прибыли в клуб вьетнамской делегации, — заметно волнуясь, рассказывал Тони. — Нас встретили аплодисментами. Это нужно было видеть... Десять лет прошло, а Вьетнам до сих пор остается болью и позором Америки. Я был среди тех, кто выступал против войны. И таких людей у нас немало, в том числе и среди тех, кто воевал. Об этом мы сказали вьетнамским друзьям. На нашей встрече были две молодые вьетнамки, обоженные американским напалмом. Им и поныне снятся кошмары — вот придут американцы и убьют их. «Теперь мы не будем бояться», — сказали они нам. Мы плакали. Да, мы плакали. А потом танцевали. Я пригласил одну из тех девушек...

Тони на секунду умолк, затем со свойственной ему живостью восторженно и показал семейное фото — он, жена и две очаровательные белокурые девочки.

— Моя старшая дочь, Линзи, обязательно поедет на следующий фестиваль, — сказал Тони. Сказал четко, уверенно, как о давно решенном...

Солидарность — это нежность народов, говорят в Никарагуа. Но большое складывается из малого. Можно ли представить себе солидарность народов без солидарности людей?

...Они познакомились в международном центре научной и творческой молодежи — ленинградский художник Александр Полозов и министр просвещения Никарагуа Фернандо Карденаль. Компаньеро Фернандо — почетный гость фестиваля — пришел в международную мастерскую молодых художников, и Саша попросил его позировать.

Художник разложил этюдник. За работой завязалась беседа.

Несколько лет назад Полозов работал над картиной «Школа декабриста Якушкина». Он кропотливо собирал материал, ездил в сибирский город Ялуторовск, где отбывал ссылку Якушкин, рылся в архивах.

Новые мазки ложатся на холст, а советский художник рассказывает министру просвещения далекой латиноамериканской страны о педагогических воззрениях революционеров-декабристов.

Лицо Карденалья оживает, чувствуется, что ему интересно то, что говорит Саша.

— Вы знаете, а ведь эта педагогическая концепция близка той, которую проповедуем мы. Без участия народных учителей вряд ли возможно решить проблему ликвидации неграмотности в нашей стране. Те, кто знает больше, учат тех, кто знает меньше, — в общем, так же, как в школе декабриста...

Совсем рядом бурлил праздничный проспект Мира, тот самый, что получил свое имя в дни VI Всемирного, а здесь, в зале конгрессов гостиницы «Космос», сотни делегатов, гостей и журналистов с напряженным вниманием вслушива-

лись в горькие свидетельства очевидцев — тех, для кого «империализм», «фашизм», «сегрегация» не просто слова. В течение трех дней с раннего утра и до поздней ночи здесь шли заседания международного Антиимпериалистического трибунала.

...Длинный, зеленого сукна стол, девять высоких резных кресел — по числу членов президиума, представлявших разные страны и континенты. Председатель Антиимпериалистического трибунала чилиец Мануэль Эрнандес вызывает очередного свидетеля.

— Меня зовут Сипхо Мила Питьяна, я из Южной Африки.

Впервые Сипхо арестовали, когда ему едва исполнилось шестнадцать. У него черный цвет кожи, и полицейские с ним не церемонились. Его били, требуя признания в преступлениях, которых он не совершал. Многие месяцы его держали в одиночке без суда и следствия. Выпустив на свободу, вскоре арестовали вновь. Так повторялось много раз. В тюрьме его то заставляли стоять в течение недели, не давая возможности спать, то бросали в ледяную купель, а чаще всего просто били, тупо и жестоко. Кормили отбросами. Как и других невольников, будили ночью для того, чтобы поприветствовать надзирателя.

Сипхо Мила Питьяна на себе испытал действие электрошока.

— Меня приковали к койке и подвели контакты к рукам и ногам. Следовательно особенно заботился о том, чтобы полтенце, к которому подводились контакты, было влажным, чтобы сильнее был удар...

Свидетель рассказал о своих товарищах, погибших под пытками.

— Южноафриканский режим утверждает, что в стране проводятся реформы. Согласны ли вы с этим? — задает вопрос один из членов президиума трибунала.

— Система апартеида — это система тотального гнета. Все рассуждения о реформах — миф. Разве можно реформировать фашизм?..

У всякой беды свое лицо...

Многие участники дискуссии запомнят эту малоулыбчивую, но по годам серьезную девушку. Петра Ян, учащаяся гимназии из ФРГ, вышла на трибуну, и в зал полетели исполненные живой, человеческой боли слова.

— По подсчетам профсоюзов, — говорила Петра, — у нас в стране миллион молодых людей не имеет работы. Две трети девушек потеряли надежду трудоустроиться. Я сама писала в сорок мест, но ответа не получила...

Петра рано начала интересоваться политикой. Скоро она поняла, что незавидное положение их семьи не какое-то исключение, а неизбежное следствие несправедливых социальных условий. Она вступила в Союз социалистической немецкой рабочей молодежи.

— Ты не боишься, что твое участие в молодежной организации принесет немалые осложнения при поступлении на работу? Не опасайся за себя?

— Нет, — ответила Петра. — Мириться с властью предпринимателей я не собираюсь. Кто хочет жить лучше, должен бороться, бороться за свои права, и в первую очередь за право на труд.

Вспоминается в связи с этим один короткий, но весьма характерный диалог, свидетелями которого мы были. Молодой итальянец, электромеханик по профессии, рассказывал чехословацкому железнодорожнику Рудольфу Вандре о том, как его выгнали с работы за активную профсоюзную деятельность.

— А у нас за участие в общественной жизни дают премии и повышают в должности, — сказал Рудольф.

Биография Рудольфа тому яркий пример. Еще в школе он не мыслил себя без общественных нагрузок. Сейчас он секретарь организации Союза социалистической молодежи на своем железнодорожном узле, член Восточно-Словацкого обкома ССМ. Недавно Рудольф получил квартиру. «Седьмой этаж — счастливый!» — улыбается он.

ВСТРЕТИЛИСЬ
ГЕРОИ
ДВУХ ВОЙН.

МАЛЕНЬКАЯ
ХУДОЖНИЦА.

«ВЕНСЕРЕМОС!
МЫ ПОБЕДИМ!»

ДИН РИД:
«Я ПОЮ ДЛЯ ВАС»

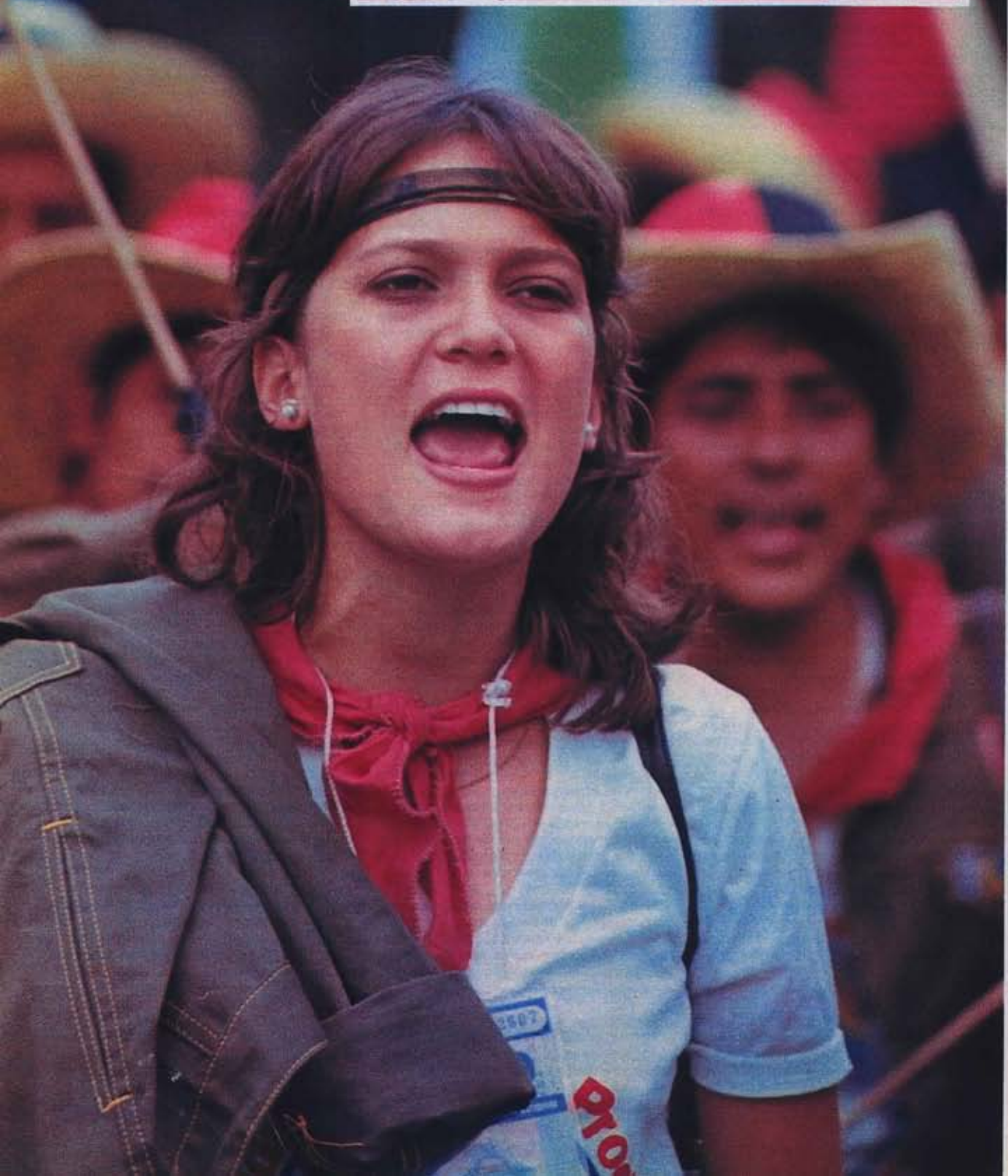

КУБИНСКИЙ КОСМОНАВТ
АРНАЛЬДО ТАМАЙО МЕНДЕС
В СТУДИИ МОЛОДЫХ
ХУДОЖНИКОВ.

Радости и огорчения, заботы и проблемы, которыми делились делегаты и гости фестиваля, не были, конечно же, соразмерны по уровню, значимости. Но, вероятно, в этом и состояла одна из лучших и привлекательнейших фестивальных черт: не было такого вопроса, большого или малого, который оказался бы неинтересен для собеседника.

Из космоса можно увидеть океаны и материки планеты Земля. А на фестивальных улицах особенно ясно ощущалось, что Земля — это планета людей. Четыре миллиарда людей... У них разный цвет кожи, разный язык, разные взгляды, но нам одинаково симпатичны и лицо юноши из Ганы, и

В КОЛОМЕНСКОМ —
ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПРАЗДНИК.

УЛИЧНАЯ СЦЕНКА.

УЧАСТНИК
ДЕТСКОЙ
ПРОГРАММЫ.

светлые глаза полячки, и дружеский возглас англичанина...

Да, в фестивальные дни с особым вниманием читали мы по утрам свежие газеты, смотрели телепередачи. И ни у кого не было ощущения, что события, которые происходят очень далеко от праздничной Москвы, лично тебя не касаются. Нет! Происки «контрас» в Никарагуа, карательные операции наемников в Африке, братоубийственная вражда на Ближнем Востоке... Все это происходит сейчас, сегодня, и не на какой-то чужой планете, а на родине твоих новых друзей, с кем ты сегодня или вчера был на митинге, в концертном зале, на стадионе. Запомнилась улыбка девушки из

Никарагуа, которую зовут Мариелус, сохранилось тепло дружеского рукопожатия с парнем из Намибии, помнится грусть в глазах ливанского мальчика, семья которого осталась без крова после одной из варварских израильских бомбардировок. Значит, все, чем живут они, эти новые твои друзья, касается и тебя.

Фестиваль дорог нам тем, что всего за одну неделю он удивительно легко, радостно и надежно сблизил разных людей, настроил их на доброе, сердечное, заинтересованное общение. За один фестивальный день у тебя появилось столько друзей и знакомых, сколько не появляется порой и за год. Улыбка, ответ на какой-

то вопрос, приятельская услуга гостю — вот и повод для общения, повод для знакомства. Робкие юноши, замкнутые девушки приходили в Парк искусств, когда там царил праздничный фейерверк, и тут же забывали о своей стеснительности. А стоило просто пройтись вместе с делегатами по улицам фестивальной Москвы — и вы что-то существенное открывали в себе и в других.

Дискуссии, встречи в национальных клубах, концерты, жаркие споры в творческих мастерских... Всего просто не перечислишь...

А самое главное, каждый фестиваль — это неповторимое разнообразие судеб и характеров. Мы рассказа-

УЛЫБКА — ДРУЗЬЯМ.

РАДОСТЬ — ОДНА НА ВСЕХ.

«КА-РА-ШО!»

ли всего лишь о некоторых встречах, которые запомнились нам. У любого из участников фестиваля по возвращении домой, вероятно, будет свой рассказ об этом событии, об этом удивительном празднике молодости.

Они, эти рассказы, будут разные, но будет в них и общее: в нынешнем мире нельзя оставаться равнодушным свидетелем происходящего. Обязанность человека — утверждать добро на этой Земле.

О, СПОРТ,
ТЫ — МИР!

ВОСКРЕСНИК
НА ПОКЛОННОЙ ГОРЕ.

ПРОЩАЛЬНЫЙ
САЛОТ.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

Я уже сидела на своем месте в вагоне дневного поезда Москва—Ленинград, когда вошли, вернее, вскочили перед самым отходом они. Он и она. И сразу все женские глаза обратились с одним и тем же выражением восхищения на ее спутника. Спутник был хорош по всем статьям. И замечательный рост, и широкие плечи, и золотая шапка волос, и решительный мужской нос, и «стальные» глаза. На вид ему было лет двадцать пять, а ей все «под сорок». Обычная работающая женщина с короткой стрижкой — лишь бы без забот утром, — в добротной одежде, с неумело покрашенным лицом. Он небрежно кинул спортивную сумку наверх, отметив все женские взгляды, и довольно громко сказал: «Ольга, пойду поищу вагон-ресторан, может, пиво есть». Она равнодушно кивнула. И снова все женские глаза проводили его. А «работающая женщина» посидела-посидела одна и перебралась на пустующее рядом со мной место. Она оказалась разговорчивой, и скоро я узнала довольно любопытную историю жизни близких родственников — ее, племянника Олеса (он — племянник) и ее старшей сестры Ирины, матери Олеса. Перескажу эту историю так, как я ее восприняла, словами Ольги.

Когда мне было лет пятнадцать, к нам снова водворилась моя старшая сестра Ирина с сыном Олесиком. Олесик уже ходил в школу и был чудо-мальчик: послушный, ласковый, понятливый. Не ребенок, а счастье. Ирина разошлась с мужем, он был намного старше ее, ученый сухарь. Мне он с самого начала не понравился. Я его боялась, уж очень он был строг и суров, да еще носил огромные очки. У него была длинная, прямая, как палка, фигура, и потому я считала, что он похож на Дуремара из сказки про Буратино. Я так и звала его про себя — Дуремар. А на самом деле его звали Александр Иосафатович Острогорский, и заведовал он кафедрой в институте, где училась Ирина.

Очень хорошо помню, как растерялась и расстроилась мама, когда Ирина с Олесиком заявили к нам (папа наш тогда уже умер). Меня выгнали из кухни, нашего конференц-зала, а сами так кричали за закрытой дверью, что только бы глухой не услышал, о чем они говорят. Я поняла, что мама осуждает Ирину. Что-то они кричали о нашей квартире — у нас двухкомнатная, совсем небольшая, — мама говорила, что ребенок без отца — это ужас... Потом я услышала мамин рыдания, а мама у нас не плакса. Я тоже заревела и выскочила на кухню. Они сидели рядом за столом и были очень похожи: обе с глазами на мокром месте, обе беленькие, маленькые, хорошенькие (это я в отца — рыжая, большая). Я кинулась к маме, она утерла щеки себе и мне и строго сказала: «Оля, тебе завтра рано в школу, иди немедленно спать. Все будет хорошо. У Ирки в квартире ремонт, и она поживет пока у нас». Я поверила маме, она никогда не обманывала. И еще мама сказала, что я, Олесик и она будем жить в большой комнате, а Ирина — одна, в маленькой.

«Ремонт» затянулся, и мы стали именно так жить. На меня «повесили» Олесика. Я проверяла его уроки, даже ходила на родительские собрания — мама и Ирина работали. Не дом у нас стал, а постоянный двор: то Оленька вьрывается со своими друзьями, то Ирина прибывает среди ночи, и мама тут же встает, зажигается свет на кухне, кипит чайник, и разговор между ними затягивается чуть не до утра. Я не сплю, а мне утром в школу, иду туда сонная, опухшая. Ни на меня, ни на Олеску тогда внимания никто не обращал, хорошо еще, что он был послушный, и мне на родительских собраниях стыдно за него не было. Александр Иосафатович Дуремар забирал иногда Олеску к себе. Возвращался оттуда Оленька увешанный подарками, но грустный, а мама и Ирина (если она была дома) усаживали его на кухне, пили чай с отцовыми сладостями и выспрашивали Олеску. А меня, конечно, как всегда, выгоняли. Но я научилась подслушивать. И узнавала многое: Олесика вовсе не отдаливали. У Дуремара живет «красивая тетя».

Ирина спрашивала: «Красивее мамы?» (то есть ее), — Олег отвечал: «Красивее». Мама и Ирина начинали возмущаться и говорить, что этого не может быть, Олеска молчал. Ирина злилась на него и кричала: «Дурак!» А мама снова спрашивала: «Кто еще живет там?» Оказалось — собака и кот. Тут Ирина совсем заходила: «Я же говорила, мама, что он в маразме! Завести новую жену, собаку и кота вместо родной жены и родного сына!»

Мама кричала на Ирину: «Не смей так говорить при ребенке!» Ирина наутро ушла из дома и пришла только через три дня, сказав, что тоже «будет устраивать свою жизнь». Что ей уже тридцать, а ничего не светит, кроме комнаты Ольги (моей). Мама притихла и спросила: «А как ты собираешься устраивать жизнь?» Ирина сказала: «Будем меняться». Мама снова спросила: «Как?» Ирина отрезала: «Как все. Я этим займусь. Ты не против?» — после паузы спросила Ирина маму. И после паузы мама сказала: «Конечно, нет».

Мне опять стало ее жалко, но вместе с тем я подумала, что Ирина права, в нашей «распашонке» всем нам жить просто трудно. Долго ли, коротко — все свершилось так, как хотелось Ирине. Мы с мамой и Олесем стали жить в однокомнатной, я окончила школу и пошла работать в библиотеку. А Ирина тоже жила в отдельной однокомнатной. Оленька ездила теперь в гости то к маме, то к папе. Он оставался таким же послушным, прилично учился, забот с ним никаких не было.

ГНЕЗДО

Дорожная история

Ирина устраивала свою судьбу в бешеном темпе. Она привела к нам знакомиться нового мужа, летчика гражданской авиации. Звали его Николай Константинович Шаров. Ирка рядом с ним прямо-таки куколка — маленькая, хорошенькая, миниатюрная. Вот тогда она стала красавицей, моя старшая сестра. Николай ее буквально носил на руках. Подхватит и таскает по комнате и кухне. Он и с Олесем старался подружиться. Оленька никак себя не проявляла — как всегда, послушный, милый. Наверное, он привык быть с нами, тетками... Коле этого вполне хватало — человек он был простой, незатейливый и в глубины не плывал. Ирина стала часто ходить к нам, меня и маму к себе приглашала, Олеску брала. В общем — все в лучшем виде. У них всегда были гости, всегда толпился народ, не то, что у нас — тишина: мама сидит за своими тетрадами (она преподавала в техникуме), я за своими — готовилась поступать в институт культуры, и поступила! — Оленька за своими. Тоска. Еще раз приезжал Дуремар, хотел Олесю забрать к себе жить насовсем, даже сказал, что «мальчик брошен», но мама так на него накочила, что я побежала за валерьянкой, а она все кричала, что если и «брошен», то им, Александром Иосафатовичем. Дуремар побелел, и мне пришлось давать валерьянку ему.

Олеска осталась с нами. Мама как-то вдруг сразу сдала, все говорила об Ирке, которая теперь бывала у нас редко. Работала как зверь в своем НИИ, карьеру делала, мужа холила, гостей принимала, разносолы готовила — некогда ей было, до нас ли. Коля купил «Жигули», и Ирка по городу на них гоняла.

Когда мамы не стало, я вышла замуж. Как? Оленька был уже взрослый, я училась в институте, к нам в группу перевелся парень из Ленинграда, серьезный такой, строгий, и почему-то обратил на меня внимание. Мы поженились. Но встала проблема: Оленька. Что же, жить нам втроем в одной комнате? Правда, Оленька перебрался на кухню. Я ему там диванчик поставила. Но ведь все-таки кухня и всего семь метров.

Я позвонила Дуремару — мне нужно было с кем-то посоветоваться насчет Олеса. Но А.И. был тяжело болен, еле говорил, и мне не захотелось его тревожить — пусть думает, что у нас все в порядке. Позвонила Ирине, сказала про все, она радостно кричала, почему мы с Виктором (мой муж) не едем к ним в гости, что они нас ждут чуть не каждый день, а об Олесе ни слова. Будто его вообще нет. Тогда я сказала, что мне надо с ней серьезно поговорить. Она

сكِсла и ответила, что до воскресенья не сможет (а был только понедельник). Ну, в воскресенье так в воскресенье. Мы встретились. Она подхватила на «Жигулях», на ней было светло-серое пальто, такие же сапоги и серые перчатки. Но разговор наш ни к чему не привел. Ирина отказалась брать Олеса. «Взрослый парень», — сказала она, — ты что, не понимаешь, что мы не можем с ним жить в одной комнате?» «А я?» — подумала я, но не сказала этого. Тут Ирина начала трещать про то, что Коле скоро дадут квартиру, и тогда она Олеску возьмет. «А ты не звонила его папаше?» — спросила Ирина. Я сказала, что звонила и что он очень болен. Ирина фыркнула: «Иосафатович всю жизнь болен, но уверяю тебя — нас переживет. Олесю год остался до армии, как-нибудь перекаптуется, а там видно будет, я же тебе говорю — у Коли все решится через полгода-год, ему дают квартиру. А пока, сама понимаешь, мне взрослый парень ни к чему. Вам легче — вы все почти одного возраста». Что я могла сказать на это? Ничего.

Скоро у нас с Витей родились наши двое, и мир совсем перевернулся. Оленька сам уехал к Ирине (Александр Иосафатович умер к тому времени). У Ирины сразу начались семейные драмы. Коля куда-то надолго пропал, говорил, что у него поломалась жизнь. Приехал как-то к нам, плакался, что «с Ирошкой он может быть только вдвоем, а с Олесем, взрослым парнем, жизнь стала невозможной, хотя он и спит на кухне...»

Оленька уехал и от Ирины. Женился на девчонке из

ККУ

класса, Люсе, и ушел в армию. А Коля оставил Ирину. Но моя сестра не из тех, кто опускает руки, она не мыслила себе жизни без мужчины в доме. Скоро появился полковник в отставке Алексей Петрович, вдовец. Не старый, но и не молодой, мне он показался несколько пришибленным, потертым. Ирина опять «на коне», занимается карьерой, она у нее как по маслу — вверх и вверх.

Вернулся из армии Олег. Пришел к нам. Посидел с часок и уехал к своей жене. Пока он был у нас, я с радостью смотрела на него — до чего же красивый парень и тихий. Мой Витька его спросил, куда он надумал идти, что будет делать. Оленька плечами пожал — в армии за рулем сидел, в такси могу. Он же английский знает, и вдруг — в такси! Я это ему и сказала. А он посмотрел на меня взрослыми, очень усталыми глазами и опять пожал плечами, ничего не ответил. Это у двадцатилетнего мальчишки такие глаза!

— У матери был? — спросила я, чтобы как-то перебить его настроение.

— Нет еще, — сказал он.

Тут я на него налетела: «Не стыдно, да как ты посмел, мать, наверное, уже по потолку ходит, что ты не являешься!»

Оленька усмехнулся: «Не ходит. Она знает, что я вернулся, жив, здоров».

...В институт Оленька поступил (тут мой Витька помог, просто на уши встал), но бросил со второго курса. Почему? Не знаю я. И учился ничего, и институт неплохой, но Олесю ничто не интересовало — ни учеба, ни студенческая жизнь.

И вот к чему все пришло. Мы с Витей и нашими

ребятами живем в Филях, нам дали квартиру. В одной комнате — ребята, в другой — кабинет Вити, а моя — общая со всеми, но я не жалуюсь, хватаю вполне. Живем дружно, просто замечательно. Олесь живет с Люсей, родили тоже парня, Стасиком назвали. Олесь поработал в такси, потом устроился на телевидение, ролики, пленки таскать, теперь выбился в «помощники режиссера» — мальчик на побегушках, но вид — будто он сам председатель или по крайней мере зам. А сам все такой же милый и... никакой. Люська Олесь обожает, все для него делает, — как же, он у нее на телевидении работает, устает, большой человек. Люська и вторую комнату себе пробила, старушка соседка умерла, теперь у них две большие светлые комнаты и один сосед. Так было до некоторого времени, и все казалось стабильным, устойчивым, сложившимся, хотя Олесь мне не нравился: красивый, огромный, но вялый, кислый, — то ли усталый, то ли от безделья.

Теперь об Ирине. С полковником у нее все оборвалось, но долго она не грустила. Как, впрочем, и об Иосафатовиче, и о Коле. Тут же стала носиться по гостям, знакомым, санаториям, пансионатам — в поисках. И строить планы. А планы она строит всегда грандиозные и... несбыточные. Не могла моя сестра, с десятком подчиненных на работе, оказаться одинокой женщиной. Красавица, умница, ангел — и на тебе, одна! И находила, представлять себе. Но вот странность. Все ее «ухажеры» исчезали быстро, видно, «факел» ее горел слишком уж сильно и синим огнем, а мужчины этого не любят. Они смотрели на нее с восхищением, но и с некоторым испугом.

Мой Виктор сказал: «Ей надо не тратить последние прекрасные годы на поиски мужа, а налаживать нормальную жизнь одинокой женщины. Квартира есть, работа, друзья, родственники, сын, внуки (и наши тоже). Устроила бы уютный уголок — я бы первый там от вас отдыхал. А ей хоть мухомора, но затащить к себе».

Я с ним поссорилась. Оправдывала Ирину и сказала, что каждой женщине нужна поддержка, защита, рука. Витька засмеялся: вовсе не каждой, так, традиция.

Прошло какое-то время. Привозит ко мне однажды днем Ирина. Полна энергии и, главное, с идеей. Какая же идея? Оказалось, Ирина решила съезжаться с детьми, как она выразилась, и с внуками. Ба-

нас с Люськой все сложилось давно, от Ирины (он так и сказал: «Ирина») все отвыкли, да и не привыкали, она совершенно другой человек, мы с ней в добрых отношениях, но как будто в разных городах живем. Я сказал Ирине об этом...»

— А она? — спросила я, сдерживаясь из последних сил (ну, что за мужик у меня племянник! Фигура, рост, все при нем, а внутри каша геркулесовая).

Но он будто меня и не слышал, тянул свое:

— Что я? Я ничего не решаю, пусть они решают, им сживаться, мне что — я ведь сын ее... («Не сын и не мужик», — подумала я).

Взял слово Витька:

— Давай я поговорю с Ириной. Вам нельзя съезжаться.

Я смотрела на них двоих и сравнивала. Разница у них в годах небольшая, но Виктор как-то стал стареть — поседел, морщины на лбу, а мужику всего 36. Олесик же как с рекламного плаката. Но Витька все равно лучше — и не потому, что мой муж, — у него жизнь в глазах и движениях, у него характер светится, воля. А Олесь... Манекен в костюме, кукла говорящая!

Олесь ушел, сказав, что Люся ни за что не согласится, а он уж как-нибудь сам Ирине скажет...

Но тут Ирина нашла потрясающий вариант обмена — четырехкомнатная квартира. Одна большая комната, зал, в нее выходят две маленькие (это для Стасика и для Люси с Олесиком) и одна с отдельным входом — для Ирины. И Люся сдавалась.

Наконец свершился переезд. На ящиках устроили стол — фрукты, торт (привезла Ирина), попили чаю, Ирина грохнула об пол фарфоровую чашку — на счастье, и мы с Виктором удалились.

Через несколько дней ко мне в библиотеку примчалась Ирина. Она опять пылала. Но уже праведным гневом. Оказалось, что Люся — деревенщина, ничего не понимает в интерьере, не знает, как обставлять детскую, и они чуть не поцарапали друг друга, как кошки, из-за какой-то полочки, которую Ирина хотела повесить в передней и расположить на ней свои маленькие кактусы, а Люся (Ирина никогда не опускалась до вульгарного: «Люська») полочку собиралась вывесить в гостиной, на видном месте, и угнездить на нее индийскую вазочку!

— Ты представляешь? — выдохнула мне в лицо

у Люси, депрессии у Олесь. «Движения» моей сестры примерно представляю. На одном маленьком пространстве сошлись две сильные, но совершенно несовместимые натуры, а между ними болталась бедная фигура моего племянника и маленький мальчик. Удары сыпались и на них.

Ирина снова пришла ко мне в библиотеку и рыдала у меня на плече. Она все поняла: Олесь несчастлив с этой упрямой «деревяшкой», «деревяшка» его не любит, ребенка она калечит, и все это Ирина видит, но связана по рукам и ногам. Олесь умоляет ее НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ.

— Ну, за что мне такое наказание! Почему у меня такой кошмарный сын! — воскликнула Ирина сквозь потоки слез. — Почему? — Она смотрела на меня своими красивыми заплаканными глазами с горестным недоумением.

— А ты не понимаешь — почему?

Она пожалала плечами, ничего не расслышав в моем вопросе:

— Я для него так старалась. А как он был всегда одет?

Тут Ирина как бы опомнилась и остро посмотрела на меня:

— Может быть, ты винишь меня в том, что он жил с вами? Но ты же сестра, родной, близкий человек, а я была всегда под боком, в любую минуту...

Драма нарастала как снежный ком. И докатилась до сегодняшнего дня. К вот этой несчастной поездке...

В один из вечеров Ирина приехала к нам с чемоданом и сказала, что будет размениваться. Она сидела состарившаяся, потухшая, и только один раз искорка мелькнула в ее глазах, когда Виктор сказал, что у него на работе есть замечательный жених — не пьет, не курит и ему нужна женщина «до сорока», а это как раз и есть Ирина. Но искорка та в ней лишь мелькнула.

Олесь ушел от Люси. Обвинил ее словами Ирины (своих-то у него не очень), сказал, что она — тупая «деревяшка» и очень хорошо, что он это узнал сейчас, пока Стасика маленький и для него уход отца не представит горя. Люся вспикела и сказала, чтобы он больше никогда сюда не являлся. Теперь Олесь болтается по приятелям, на работе его не поймает, а больше искать негде.

Как мне было их всех жаль! Ирина жила у нас, все такая же потухшая, загасшая. Даже интриги на работе больше ее не интересовали. А три дня назад она сообщила, что едет в Ленинград в командировку, и еще неделю взяла за свой счет. Решила съездить, посмотреть на Питер и, может быть, зайти к старым друзьям Иосафатовича. Уехала. А я все думаю, голову ломаю, откуда у нас в семье такой вот Олесь? Мы все не слабого рода. Отец был замечательный человек, строитель, ездил в молодости по всем стройкам, на фронте был. Дед из села, из кузнецов, конягу мог на плечи поднять, два раза помирал, два — воскресал, а умер в сто лет невзначай: соседу помогал крышу перекрывать, перегрелся на солнце. Три ведь войны прошел...

Когда наш поезд подошел к Калинин, в вагон вернулся Олесь. Я уже знала от Ольги, что в дороге Ирине стало плохо — сердце. Ее сняли с поезда и отправили в горбольницу, в реанимацию. Ольгу с Олесем вызвали туда. Они сошли в Калинин. Что их ждет там? Мне очень хотелось, чтобы с Ириной все обошлось. Тогда они, наверное, что-то поймут, что-то изменят в своих отношениях, в жизни. А если уже поздно? Тогда будут эти двое казнить, страдать, просить прощения. Но у кого? Кого уже нет?

Я смотрела в окно, видела, как медленно идут эти двое по перрону, и думала о том, что Олесь — это явление, какое-то большое явление в нашей жизни: оставшийся от популяции внешний вид сильного мужчины, инфантильная, малюсенькая душа и заливающая все пространство большого красивого тела слабина.

Да, Ирина — взбалмошная женщина, она виновата изначально, однако ведь Олесик превратился в Олега, главу, так сказать, семьи, отчего же он не подумает о себе, о своей семье, об отношениях с близкими? Ведь и в сорок, и в семьдесят можно изменить в себе то, что тебе не нравится, что мешает тебе стать порядочным человеком. Мне скажут: «Олесь порядочный». Да, в том смысле, что никого не обокрал, не посадил невинного, не убил... А может, и убил? Не знаю. Не хочу, как говорится, «колуном, да по голове».

Отдаю на суд читателей рассказ Ольги. На суд товарищеский, доброжелательный. Ждем ваших писем, друзья!

КМЛКМ

бушка Ирочка — в сапогах до коленей, в синем пальто с лампой, сумочка через плечо — объясняет мне с жаром, что это единственное, чего она хочет в жизни: сын живет с семьей в коммуналке, не вековать же им там, а она одинока и готова объединиться с ними, обменяться на трехкомнатную и стать, наконец, Олесик — матерью, внукам — бабушкой, Люсе — любящей свекровью. Я попыталась ее урезонить: «детям» она и так может стать матерью, и бабушкой, и прабабушкой, и... кем только ни захочет. Но зачем съезжаться? Смогут ли они ужиться? Там семья, какая-никакая, но семья же. Как она там будет жить — с ее идеями, неуемным характером? Ведь она еще не старушка, которая тихо шелестит в углу. А как с личной жизнью? Ведь она еще такая молодая и красивая. Как?

— Я все смогу! — закричала Ирина и закашлялась. — В конце концов, я мать или нет? Я бабушка или посторонний человек?

С этими фактами я согласилась, но еще раз напомнила ей о личной жизни. Но она и тут нашла, что возразить: если ее кто и полюбит, то пусть полюбит «черенкой», бабушкой без квартиры, с семьей и родственниками.

Вечером позвонил Олесь и пришел к нам. Один. Я увидела, что он не в себе. Говорить ни о чем не стал, и, только уже собираясь уходить, Олесь как-то весь съехался, стал будто меньше ростом и сказал: «Мать собирается с нами съезжаться. Люська рыдает и бьет посуду, а я ушел к вам. Вот».

— Ну, а ты что об этом думаешь? — спросил Витька.

Олесь пожал плечами: «Я думаю, это ни к чему. У

Ирина струю дыма. — Черная пластмасса в гостиной и на ней вазочка, а уникальные кактусы на подоконнике у меня в комнате. Я же хочу, как лучше, как эстетичнее, ведь ребенок должен воспитываться прежде всего дома, в семье! Это начало начал!

Я молчала (вот оно и началось! А как там Олесик, наш мямля?).

Ирина заглянула мне в глаза: «Ты же знаешь, что я человек мягкий и деликатный (ну-ну, никогда моя сестрица не отличалась ни скромностью, ни самокритичностью, подумала я), я ничего не сказала Люсе, только мягко, спокойно объяснила, что если она мать, то я, в конце концов, бабушка и на мальчика имею такие же права, как и она».

Я хотела было ей возразить, но Ирина ничего не желала слушать, продолжала рассказывать о домашних баталиях; как она купила Стасику джинсики, и как перевесила полочку и выставила на ней свои кактусы, и как Люся заперлась в своей комнате, и как пришел Олесь и сказал: «Мама, не трогай Люську, пусть она делает, как хочет». «Боже, — сказала ему Ирина, — но ведь я хочу, как лучше». А он на это ей ответил: «Да, но Люська привыкла быть хозяйкой». «А я-я-а-а!!! — закричала Ирина. — Я не привыкла быть хозяйкой?!» «Но тебя никто и не принуждает быть не хозяйкой», — сказал Олесь.

Кое-как я усмирила Ирину, поругав вместе с ней тупую и упрямую Люсю, тряпку Олесь и посетовав на то, что Стасик растет в такой неблагоприятной атмосфере.

Все у них пошло наперекосяк. Каждое движение Ирины вызвало бурный протест и приступ отчаяния

800 лет назад неизвестный русский поэт написал «Слово о полку Игореве». Сколько творений, как стрелы, едва перелетели свое столетие и застряли в тишине академических библиотек! А «Слово о полку» летит сквозь века, и чем дальше, тем мощнее его полет. Стрела-звезда-спутник «Слово» стало достоянием всечеловеческой культуры.

СЛОВО ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Предлагаю читателям «Смены» отрывки из великого древнерусского творения в своем переводе.

После опубликования перевода я продолжал над ним работу, сближаясь с оригиналом. Перед вами перевод, который отличается от всех публиковавшихся ранее.

Сила притяжения «Слова», его энергия и символика вдохновили меня на рисунки. Никогда в жизни я не рисовал, и эти рисунки считаю любительскими. Как на полях рукописи.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

Князь вступил в золотое стремя
и поехал по темному полю.
Солнце мраком дорогу его заградил.
Ночь громовыми стопами
птиц пробудила.
Свист звериный поднялся.
Диво кличет с вершины древа,
велит по цепи послушать —
и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, на границе неизвестных стран,
идол каменный,
тмутараканский болван!

А половцы к Дону великому
побежали неезженными дорогами.
— Рци! Рци! —
кричат телеги в полночи,
будто лебеди всполошились...

Игорь воинов к Дону ведет!
А беда их пасет —
на дубах поджидают их птицы.
Волки воют в оврагах, грозу подзывают.
Лисицы на красные брешут щиты.
И орлы собирают на кости зверей.
Слышен клекот и гром.

О, Русская земля, уже ты за холмом.

Добыли чести, а князю славы —
в пятницу утром они потоптали
поганые полки половецкие.
И рассыпались стрелами в поле.
Красных девок помчали.
А с ними — золото и аксамиты
(бархат рытый)!
Покрывалами, кожухами, плащами
стали грязи гатить и мосты мостить.
По степи раскидали парчу.
Червлёный стяг, боевая хоругвь,
на серебряном древке
червлёный бундук —
храброму Святославичу!

А были века Трояновы,
лета Ярослава.
Двигал Олег походы, сын Святослава.
Мечом он ковал крамолу и
стрелы сеял.

В граде Тмутаракани
ступит в золотое стремя —
Всеволод звон услышит,
сын Ярослава,
а Владимир в Чернигове
уши с утра затыкает.
Бориса же Вячеславича
храбрость на смерть привела —
постелила зеленое ложе трава
молодому и храброму князю
за обиду Олегову...

С той же Каяль
Святополк вывез тело отца,
прилежав его меж угорскими
иноходцами
Тогда при Олеге, при Гориславиче, —
сеялись и прорастали усобицы.
Пожинали их внуки Даждьбожьи.
В княжьих раздорах
жизни людей сокращались.

Тогда на Русской земле
редко пахари перекликались,
часто вороны собирались,
трупы между собой делили,
а галки речь говорили —
куда лететь на поживу.
То были другие походы,
другие беды.

А такого и ворон не ведал!

Застонал, братья, Киев от горя,
от напасти — Чернигов.
Печаль потекла по Русской земле,
тоска по Русской земле разлилась
великая.

А князья всё раздоры куют.
А поганые снова приходят
с победами

на землю Русскую
и по белой монете дань берут
от двора.

Ибо храбрые два Святославича
спесью зло разбудили,
что уж было грозой усыпил
Святослав.

Прибил полками могучими,
наступил на поля половецкие
грозный киевский князь великий.
Притоптал он холмы и овраги.
Замутит и озера, и реки.
Из железных рядов половецких
вихрем выхватил Кобяка.
И в граде Кивее пал Кобяк!
Тут и немцы, и венецианцы,
И чехи, и греки
славу поют Святославу

и корят князя Игоря.
Растерял он дружину в поле.
Утопил нашу славу в Каяле.
Пересел из седла золотого
в седло неволи.
Города приуныли, веселье поникло.

А Святослав мутный видел сон
в Кивее на горах.
«С вечера покрывалом черным
на сосновой кровати меня накрывали.
Синим вином поили, —
горчило вино польною.
Из пустых половецких колчанов
сыпали жемчуг на грудь.
Величали.

И кровля была без князька
в моем златоверхом тереме.
И всю ночь на лугу вороны
возле Плеснеска грядли, —
снялись и полетели
из дебри Кисановой к синему
мору».

И прыснуло море в полночи.
Смерчи нагнали мглу.
Князю Игорю бог путь кажет
из земли Половецкой на землю
Русскую,

к отчему золотому столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию мерит поля —
от великого Дона к Донцу.
В полночь свистнул Овлур
за рекой коня.

Знак подал — наготове быть.
Велит Игорю выходить.
Застучала земля. Зашумела трава.
Половецкие вежи задвигались.
Горностаем князь в камышах
мелькнул.

Белым гоголем на воду пал.
Вскочил на коня борзого,
соскочил — босым волком
и к Донцу побежал лугами.
Прянул соколом под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
И когда Игорь соколом полетел,
тогда волком Овлур потек,
и трусил он росу студеную,
ведь коней борзых надорвали.

Говорил Боян величаво,
песнотворец дней Ярослава:
«Тяжко без плеч голове.
Худо телу без головы».
Так и Русской земле без Игоря.

«БОЯН». Художник Б. А. БЕЛОВ

Александр КУЗЬМИН,
доктор
филологических наук

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Весной 1185 года князь Новгород-Северский Игорь Святославич отправился в поход на половцев. Этот тюркоязычный народ обитал в южных степях между Волгой и Доном, занимался в основном кочевым скотоводством. Время от времени половцы совершали набеги на раздробленную феодальной усобицей Русь. Их легкая конница налетала на русские села и города, грабила население, увозила пленных.

Русские неоднократно наносили половцам поражения: в 1107 году их войско было разбито князем Мономахом, в 1183 и 1184 годах киевский князь Святослав Всеволодович, объединив нескольких русских князей, вновь одержал над половцами победу. Совместное выступление русских князей против исконных врагов Руси — степняков имело большое моральное значение. Русская земля была раздроблена на несколько феодальных княжеств, и все, кому были дороги ее интересы, мечтали об объединении. Князь Игорь Святославич не смог принять участия в походе 1183—1184 годов, ему сообщили об этом слишком поздно. Князь сожалел об этом и самостоятельно отправился в новый поход, лелея честолюбивые мечты не только нанести половцам поражение, но и воз-

вратить Руси отвоєванные ими земли.

О походе Игоря Святославича подробно рассказано в летописях: 23 апреля 1185 года, не сообщив главенствующему среди князей киевскому князю Святославу Всеволодовичу, Игорь двинулся в степь. Вместе с ним в походе приняли участие его брат Всеволод, сын Владимир — князь Путивльский, племянник Святослав Ольгович Рильский вместе с дружиной ковуев (союзных Руси кочевников, осевших на русских землях) во главе с Ольстином Олексичем. Эту ковуев прислал черниговский князь Ярослав Всеволодович. С самого начала поход не предвещал ничего хорошего; двигались с остановками: Игорь поджидал союзников, застрявшие за зиму откормленные кони шли тихо. 1 мая у берегов Донца войско застигло солнечное затмение. В Древней Руси это считалось предвестием беды. Войско двинулось навстречу своей судьбе в поход, из которого суждено было вернуться немногим. Трагизм героического подвига выразился не в покорности року, а в стойкости, с какой человек встречает опасность и следует долгу.

Игорь переправился через Донец. У Оскола опять задержался, поджидая своего брата Всеволода, шедшего из Курска. Через два дня они соединились и дальше к реке Сальнице пошли вме-

Борис ЗОТОВ,
кандидат военных наук

ЗАГАДОЧНЫЙ МИР

Феноменальность «Слова о полку Игореве», помимо всего прочего, заключается в его загадочности. С ростом числа исследований внутренний мир «Слова» не теряет прелести неведомого; напротив, новые гипотезы и версии, новые исторические материалы и логические выводы, вовлеченные в слововедение, дают новую степень свободы поискам истины, как все время отодвигающийся от путника горизонт. Среди тайн «Слова» — и автор, и время создания поэмы. Не решен окончательно вопрос и о месте битвы Игоревой рати с половцами.

Автор — чернигово-северянин? Да, есть тому веские подтверждения. Киевлянин? Пожалуйста, это не противоречит данным научного анализа. Еще больше разногласий вызывает и словесная принадлежность автора. Большинство исследователей считают, что автор — кто бы он ни был: князь, боярин или рядовой воин — непременно участник майского похода 1185 года, ибо он блестяще знает детали военной стороны дела, все тонкости обстановки тех дней. Но ведь с не меньшим блеском и знаниями автор описывает события вековой давности, не говоря уже о сие Святослава и глече Ярославны. Ну, не мог же этот участник похода побывать везде: и с Игорем, и в Киеве, и в Путивле на городской стене? Пушкин описал полтавский бой, а Лермонтов — бординский лучше, чем кто-либо из непосредственных участников: у гениев свои способы приближения к сущности вещей, их провидения реалистичнее любых протоколов и свидетельств очевидцев.

Совершенно ясно, что методология поиска кандидатур в авторы поэмы, основанная на анализе немногих ча-

стных признаков, которыми он должен обладать, неплодотворна. В XII веке было немало разносторонне образованных людей, впитавших все основные достижения своей и предшествующих эпох, и нет доказательств, что все они принадлежали типу книжника-затворника. Скорее всего, среди них попадались и эрудиты с большим жизненным опытом, хорошо знавшие людей, повидавшие мир.

Вот почему более перспективным представляется системный подход, при котором рассматривается вся совокупность основных черт и признаков, которым должен соответствовать предполагаемый автор «Слова», с последующим выбором наиболее вероятной кандидатуры.

Личность создателя «Слова» ярче всего проявляется в центральных идеях произведения, в отношении к главным героям и второстепенным персонажам, в жизненной позиции и, разумеется, в художественной форме выражения элементов своего мировоззрения. Все идеи автор погрузил в готовую, веками отшлифованную форму хвалебной застольной песни, прекрасно отдавая отчет в том, что голая публицистика, проповедь, до сердец не дойдет, душ глубоко не затронет. Князья, к которым обращена поэма, крепко держались в XII веке языческих бытовых обычаев, даже христианскими именами, полученными при крещении, практически не пользовались, предпочитая им языческие. В поэме, особенно в ее начальной части, четко выделяются два слоя: откровенное восхваление в духе «вещего Бояна» князей и их ратных дел, мужества и подвигов перемежается острейшей критикой и разоблачениями княжеской эгоистической морали, княжеского сепаратизма и наглядными уроками его последствий.

сте. Лазутчики донесли, что половцы узнали о движении войска и готовятся к сражению. Эффект внезапности нападения был утерян. Игорю посоветовали возвратиться. Князь не пожелал отступить: это покрывало бы его позором. Русское войско двинулось всю ночь; на следующий день к полудню были замечены половецкие полки. Половцы стояли в боевых порядках на берегу реки Суюрля. Обозы свои они отравили глубоко в тыл. Русское войско построилось в шесть полков: посреди — полк Игоря, направо — брата Всеволода, налево — Игоревы племянника Святослава Рыльского. Впереди расположения были выведены лучники, за ними полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев Ольстина Олексича. Начался бой: половцы пустили «по стреле». Русские не дрогнули. Черниговские ковуи и дружина Владимира Игоревича теснили врагов. Дружинники Игоря и Всеволода не спешили за ними, сохраняя боевой порядок. Русский авангард достиг обоза половцев, захватил их жилища на телегах — вежи.

Игорь хотел продолжить преследование наполовину разгромленного противника, но, как это часто случалось в феодальном войске, не встретил поддержки. Князь Святослав Рыльский беспечно заметил, что половцев отогнали далеко, кони приустали, можно отдохнуть... Половцы между тем не поддались панике, у них было еще много свежего, неуставшего войска. Под покровом ночи они перестроили свои полки и с рассветом в громадной силе двину-

лись на русских. Разгорелось новое сражение; казалось, сама природа была настроена против войска Игоря: в лицо подул встречный южный ветер, он затруднял действия русских лучников. Все больше воинов падало под ударами кривой половецкой сабли или стрелы. Надежда на победу стала меркнуть. Скоро русские князья поняли, что нужно отходить, спасти хотя бы часть войска. Игорь приказал всадникам сойти с коней и сражаться в одном строю с пехотой. Нежданно палило солнце, воины изнывали от жажды, из-за отсутствия воды падали кони. Трое суток истекающие кровью дружинники пробивались сквозь тесные ряды врагов. Игоря ранили в левую руку. На рассвете третьего дня дрогнули черниговские ковуи. Игорь бросился к ним, хотел остановить; чтобы его узнали, снял шлем, но тщетно. — бросая оружие, эти бывшие союзники русских бежали. Половцы рубили их. Игорь сделал попытку пробиться к своей дружине, его схватили, сплели... Последним, кого увидел князь, — брата Всеволода, который неистово бился с врагами. Всеволода тоже взяли в плен; из всего русского войска уцелело 15 человек. Половецкие ханы делили пленных, захваченную добычу.

Киевский князь Святослав Всеволодович в это время тоже собирал войско, чтобы идти на половцев. Его потрясла весть о поражении Игоря. В «Слове о полку Игореве» упоминается его «злато слово», которое в летописи звучит так: «О любя моя, братья и сынове и муже земле Руско! — скорбно упрекнул

Святослав Игоря и своих двоюродных братьев. — Дал ми бог притомити поганья, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю... Да како жаль ми бяшет на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую болми (так теперь еще больше жалею) по Игорю брате моему».

Неудачный поход Игоря действительно отворил половцам ворота на Русь; вскоре хан Кончак осадил город Переяславль Южный, хан Гзак опустошил землю вокруг Путивля (сами города взять половцы не смогли). Опустошительному нашествию подверглась Черниговская земля. Среди русских князей не было единодушия (в «Слове» образно сказано, что полотно княжеских стягов развеваются в разные стороны), чтобы дать степнякам отпор. Находившийся в половецком плену Игорь задумал побег (он пользовался у половцев относительной свободой) и в один из дней, перед заходом солнца, осуществил свое намерение. Одиннадцать дней и ночей бежал он по степи; днем прятался в оврагах и кустарниках, ночью продвигался к рубежам родной земли, наконец достиг города Донца.

В 1187 году возвратился из плена сын Игоря — Владимир. Приехал не один: у половцев женился на дочери хана Кончака, привез жену и «дитятю».

Автор «Слова» не ставил себе задачи воспроизвести поход Игоря, как это сделал летописец. «Слово» — памятник поэтический. В нем два плана: картина событий и персонажей реального похода и изображение полумифического ми-

ра, в котором приходится жить и действовать милым его сердцу «русичам». В этот план включены силы природы: звери, птицы, реки, фантастические Див и Дива-Обида и т. п. Некоторые сцены имеют символический смысл. «Слово» является произведением эпическим и лирическим одновременно. Это письменный памятник торжественного красноречия и в то же время «песня о подвигах», которые слагались в средневековой Европе во времена феодализма. Композиция «Слова» напоминает построение музыкального произведения. В нем выражены сложнейшие чувства и переживания: тяжелые предчувствия по поводу поражения русского войска, скорбь по погибшим, патетический призыв к объединению сил, продолжению борьбы и к победе, радостное ощущение красоты родной земли, гордости за ее героическое прошлое. Текст прерывается авторскими отступлениями: в кульминационный момент рассказа о битве Игоря вспоминаются полки Ольговы, после повествования о падении стягов Игоря пространно говорится о последствиях, которые будет иметь это поражение для Руси.

Главной же темой сочинения является тема вечной, неиссякающей любви к родине, которая проходит в различных вариантах на протяжении «Слова» от начала и до конца. Что и дало Карлу Марксу право написать: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ».

Понимая, что этот второй слой может быть воспринят князьями — читателями и слушателями — настроенно, как нечто непривычно инородное, создатель с самых первых слов поэмы поясняет, что нелегко в наше время начинать в духе старых Бояновых песен печальную повесть о полку Игореве, что повесть эту нужно вести по-новому, в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, ибо Боян в своих восхвалениях слишком отрывался от земли с ее заботами и парил где-то уж очень высоко.

Все помыслы создателя «Слова», его истинная привязанность, его боль — Русь, Русская земля. Он не приверженец ни одной из соперничавших княжеских группировок — Ольговичей, Мономашичей или Ростиславичей. Он не против Игоря и не за него. Автор «Слова» даже не вне княжеских интересов, он над ними в опережающей свое время расширительной трактовке самого понятия Русь и в попытке выразить важнейшую идею национального единства. Автор на примере похода Игоря убедительно показывает, как пагубно отражается на Руси отсутствие единства, для него сложившееся положение — модель великопленно предвидимых несчастий, обрушившихся на страну несколько десятилетий спустя.

Написавший «Слово» — за сильную центральную власть, без которой чаяния и надежды создать единую могучую Русь представляются неосуществимыми. Личность носителя этой власти кажется автору делом второстепенным, слабозначимым великий князь киевский Святослав вне нападков; важно лишь то, что он носитель объединительной политики, а это на пользу Руси.

Здесь, в главной позиции автора, лежит ключ к расшифровке времени написания «Слова», без чего переход к выявлению его имени затруднителен.

Поэма не могла быть написана до возвращения Игоря из плена, то есть раньше второй половины 1185 года, и позже смерти князя в 1202 году (вспомним текст: «по былинам сего времени» и «до нынешнего Игоря»). Но временной диапазон почти в 17 лет для бурного XII века — огромный исторический срок, насыщенный крупными политическими и военными событиями, исчезновением с политической арены великих и не великих князей, руководителей церкви и

появлением на этой арене новых имен.

Мог ли автор написать «Слово», допустим, после 1194 года, когда умер Святослав? Сомнительно: эффект «Слова» был бы минимальным, ибо основная объединительная идея автора начисто потеряла бы опору в историческом материале. Прославление «великого грозного» князя в ту пору не могло быть воспринято современниками иначе, как неуместная и неумная шутка. Ведь Святослав не сумел решить ни одну из задач центральной власти: устранить или хотя бы ослабить усобицы, уменьшить внешнюю военную опасность. Конец его правления был омрачен жесточайшими княжескими распрями и крупными военными неудачами, и даже сторонники великого князя разочаровались в нем.

Автор «Слова», радеть общерусских интересов, прощает Святославу его ранние неблагоприятные дела; о поздних просто не знает — он пишет на злобу дня, будучи потрясенным неудачей майского похода Игоря, и спешит доступными ему средствами прогнать князей и предостеречь их, призвать к самоограничению феодальных аппетитов и умерению стяжаний.

Уточнение замысла, особенностей структуры и времени появления поэмы позволяет перейти к разработке портрета ее создателя. Наиболее вероятными, характерными штрихами этого портрета должны быть:

— литературная одаренность высочайшей степени;

— политическое лицо определяется формальным прославлением князей, истинная же слава всем, кто против внешнего врага, истинная боль за землю Русскую, опережающая свое время идея государства с сильной центральной властью;

— полная независимость от родовых княжеских симпатий и антипатий, от проявлений княжеской сепаратистской психологии, говорящая о сомнительности сословной принадлежности к князьям;

— блестящее знание истории, политики, культуры, фольклора, географии, княжеского быта, совершенно определенно указывающее на принадлежность к интеллектуальной элите и на информационные связи с правящими кругами, на близость к ним;

— метод решения задач в интересах Руси видит в нравственной перестройке, в добровольном самоограничении княжеских стяжаний, во взаимной военной помощи на опыте походов 1184—1185 гг. и всеобщем умерении феодальных аппетитов;

— использует словарный фонд не только южнорусского, но и других диалектов;

— заканчивает свою деятельность не раньше конца 1185 года.

Абсолютно всем этим (подчеркиваю — вероятностным) характеристикам, требованиям и штрихам соответствует, например, Кирилл Туровский. Он оставил блестящее, признанное лучшим в XII веке, литературное наследие, родился и творил в Турове, занимающем промежуточное географическое положение относительно южных, северных, восточных и западных княжеств тогдашней Руси, умер не ранее конца 80-х годов, был образован и занимал видное общественное положение, в то же время не принадлежал к боярско-княжеской среде, поскольку был в Турове епископом.

Для нас, атеистов, все, связанное с религией, подчас автоматически представляется идейно ущербным, и приходится делать усилие, чтобы взглянуть на дело в историческом плане; не стоит забывать слова К. Маркса о том, что религия на определенных этапах познания мира была «общей теорией этого мира, его энциклопедическим компендиумом, его логикой, его моральной санкцией». Каждая эпоха порождает свой тип человеческой личности, неотделимый от этой эпохи.

Однако все, написанное К. Туровским, существенно отличается от «Слова» и строим, и языком. Но ведь иначе и быть не может: форма определяется целью произведения, его содержанием. От Кирилла до нас дошли, к сожалению, только проповеди — тексты официальные, не имеющие отношения к своеобразному поэтическому стилю «Слова». Возьмите какую-нибудь публицистическую статью любого известного поэта и сделайте анализ, взяв для идентификации поэтическое произведение того же автора, к тому же написанное на совершенно иную тему. Думается, «узнать руку» будет чрезвычайно трудно. А если к тому же автор не хотел афишировать

себя?.. Единственное, что можно привлечь для установления авторства в таком случае, — общую характеристику сличаемых текстов: есть ли проявления поэтического видения мира, склонности к использованию прямой речи, заметно ли использование иносказаний, намеков, образных сравнений и того, что называется подтекстом?

Воспользуемся той оценкой, которую дал творчеству Туровского историк С. М. Соловьев, причем дал безотносительно к задаче сравнения с текстом поэмы: «... слова Кирилла Туровского большею частью представляют красноречивые представления священных событий, ... цель слов его показать народу важность, величие празднуемого события, пригласить народ к его празднованию, ... отсюда сходство слов Кирилловых с церковными песнями, от которых он заимствует иногда не только форму, но и целые выражения; как и в тех, так и в других видим одинаковое распространение, оживление события разговорами действующих лиц; в сочинениях Кирилла замечаем также особенную любовь к иносказаниям, притчам, стремление давать событиям преобразовательный характер, особенное искусство в сравнениях, сближениях событий, явлений».

Такое и творческий почерк автора «Слова», тут каждый штрих может быть соотнесен с поэмой. Однако уточнить все вопросы, возникающие при переходе от тезиса «авторство Кирилла Туровского возможно» к выводу «более подходящей фигуры нет», еще рано. Главное, что препятствует отождествлению Кирилла Туровского с автором «Слова», — это различие их идеологий. «Слово» — светское воинское произведение. Кирилл Туровский хотя и был выдающимся писателем, но другого, церковного, направления. Написать «Слово» означало бы для него взяться за пропаганду чуждых ему взглядов. Следует серьезно подумать о применении математической логики, других современных формальных методов и ЭВМ для окончательного решения вопроса: кто же он, написавший «Слово»?

«Слово», наша национальная гордость, того стоит.

Савва ДАНГУЛОВ

Что самое интересное в откликах, поступивших на рассказ «Мальчики» («Смена» № 8)? Понимание того, как серьезна опасность накопительства.

«Вопросы, поставленные в рассказе, касаются как юных, так и взрослых,— пишет Александр Сухомлин из Херсона.— Увы, немало подобных накопителей среди нас, взрослых. Конечно, ситуация обострена писателем «до предела» (думаю, что автор преследовал этим вполне определенную цель: обнажить всю убогость и нравственную несостоятельность данного явления), но суть ясна».

В письмах есть попытка добраться до корней явления, проследить, как оно возникло и приняло нынешние формы.

«Неодушевленные вещи не нейтральны, увы, в жизни человека,— отмечает К. Лозовский из Орши.— К сожалению, мальчикам не пришлось проникнуться пониманием того, что назначение самой желаемой, самой красивой, самой необходимой вещи является прикладным, что вещи служат создающему их человеку, а не человек вещам. Пользоваться атрибутами материальной

ное— это учить детей трудиться. Этому надо учить неустанно: в школе и дома».

Но в реплике Е. Лисицкой труд возникает не сам по себе, а как черта социальной позиции нашего современника— труд как категория духовных достоинств личности, его нравственности. И в этой связи есть смысл утвердить принципиальную истину: накопительство как социальное зло побеждается духовно активным человеком.

Читатель М. Замтарадзе пишет: «Человек рожден для дерзаний, счастья, продления рода. У каждого из нас по-своему складывается жизненный путь. Наша жизнь— это воспитание других и воспитание самого себя. Даже смерть человека воспитывает нас. Чем человек больше отдает, тем он счастливее, тем он великодушнее... Бескорыстие возвышает человека, облагораживает его. Лишь добро остается вечно в памяти и в делах людей».

Накопительство— есть ли тут влияние моды? Очевидно, есть. Но не той моды, которая, по определению некоторых социологов, возникает стихийно под влиянием доминирующих в данный период и в данном обществе настроений, вкусов, увлечений и по сути своей ничем не отличается от манеры говорить, ходить, смеяться. Нет, речь идет о другой

хозяйка только на сервант с хрусталем тратит четыре часа... Задаю вопрос: «Зачем нужны вам эти двадцать пять ваз?»

Прочел это письмо и подумал: у той, что холит и лелеет эти двадцать пять ваз, не возникло же все это случайно, тем более что она наверняка не одинока? У нее род недуга— эти вазы, у другого— пианино, на котором никто не играет, у третьего— ковры, которыми только потолки не облеплены. Надо ли это человеку, его духовно целостной жизни, его интеллекту, его представлению об идеале? Нет, разумеется. Все это не имеет ровно никакого отношения к нашему представлению о том, каким должен быть новый человек. Явление, о котором идет речь, хочю думать, возникло не просто потому, что рост благосостояния вырвался вперед в сравнении с духовным мужанием человека. Речь идет об идол, который нашему образу жизни враждебен. Сказать, что он, этот идол, дегуманизирует человека, не все сказать. Он разрушает человека, превращает гражданина, каким мы хотели бы видеть его в новом обществе, в обывателя, равнодушного и циничного.

ний.— тем светлее и чище станет наша жизнь. Тем лучше станем мы сами».

Среди читателей журнала есть такие, кто считает, что в борьбе со злом, накопительства нас ждет своя противоречивая диалектика. Ветеран войны А. Теряев из армянского поселка Шамлуг пишет: «Вещей красивых, привлекательных, удобных выпускается все больше и больше. На эти цели направлены все усилия общества, и как тут устоять перед соблазнами не только Грикам и Вовкам, но и людям куда посolidнее, подкованнее! Как можно понять автора письма из Воронежа, скрывшегося под инициалами Ш. Е., в борьбе со злом, о котором идет речь, нравочениями не отделаешься. «Таким мальчикам не помогут нравочения, это пустой номер»,— считает он. Очевидно, каждый из читателей по-своему прав. Время не упростит, а усложнит проблему, тем больших усилий это потребует от общества— тут действительно нужны не нравочения, а последовательная борьба, в которой есть и целеустремленность, и мысль».

ФАЛЬШИВЫЙ

Автор рассказа «Мальчики» («Смена» № 8) размышляет над письмами читателей, которых не оставили равнодушными проблемы нравственных катаклизмов, взрывающих души юных персонажей рассказа, неспособных преодолеть растлевающее влияние накопительства, жажды приобретательства, зависти.

БЛЕСЕК

культуры общества не достоинство, а жизненная необходимость. Эта простая истина неизвестна не только ребятам, но и их родителям, смотрящим на накопительство как на что-то естественное, само собой разумеющееся...»

Автор письма, как мне кажется, проник в существо проблемы: накопительство является производным от того, что мы понимаем под столь значительным явлением, как образ жизни. Новый мир предъявляет к человеку иные требования, чем когда-то предъявлял ему мир старый. Главное из этих требований— труд. Именно труд как призвание человека имеется в виду, когда мы говорим о совместной деятельности людей, идущих к одной цели. Именно труд такого рода является обязательной предпосылкой освобождения человека от психологии, в первосути которой индивидуализм, а следовательно, узость, замкнутость, эгоизм, потребительство, разновидностью которого и является инфекция вещиизма. Да, я не оговорился: инфекция. О вещизме как о заразной болезни говорит автор письма, которого я только что цитировал:

«Вещизм— тяжелый недуг, уродующий личность. И в этом плане нашей школе на всех ее уровнях надо придать стерильности инфекционного отделения современной больницы».

Но вернемся к тому, что следует назвать миссией труда, миссией трудового воспитания. Читательница Е. Лисицкая из Харьковска, отмечая, что лучшие остальных в смысл создавшейся ситуации проник именно Николай Касаткин, объясняет это его ответственностью перед домом и близкими, в основе которой лежит труд. «Самое глав-

моде, которая волнами накатывается на наш берег извне и при самых беспристрастных оценках не может быть признана эталоном духовности и красоты. Не несет ли страсть накопителей влияния такого рода моды? Не очень хочется отвечать на этот вопрос положительно, но справедлив тут именно положительный ответ. Как ни разномастно барахло, что копится в такого рода домах, ему свойственна позолота, у которой недвусмысленно западное происхождение. Полагаю, что и без этой позолоты накопителям есть чем заняться. Но их страсть ко всему западному обнаруживает родственность инстинктов, берущих начало от одного истока— собственности».

В письме Е. Лисицкой, отрывок из которого я приводил, есть такой факт: «...Откуда взялась тяга к хрусталю? Здесь не жизненная необходимость, а предмет роскоши. Скажете, красиво? Не спорю. А нужно ли? Какую воспитательную нагрузку несут двадцать пять хрустальных ваз различного калибра в квартире одной знакомой семьи, где в придачу к вазам воспитывается один ребенок? Во время уборки квартиры

Говоря обо всем этом, я ничуть не драматизирую обстоятельства. Убежден, что накопительство не столь безобидное явление, каким оно представляется некоторым,— речь идет о способности нашего человека выполнить гражданские обязанности перед Отечеством».

Признаться, я испытал великое удовольствие, когда некоторые из этих мыслей нашел в письмах читателей.

«Что может и должна противопоставить всему этому наша жизнь?— спрашивает тот же А. Сухомлин.— Прежде всего сознательность, высокую культуру понимания нужности вещей как предметов, а не «престижных» атрибутов, кои определяют положение и показывают «умение жить», не «идолов», ради которых «на карту» жизни человеческой ставятся здоровье, сила и такие святые для каждого нормального человека ценности, как честь, порядочность, совесть. Чувство здравого смысла— вот что в большом дефиците, чего так не хватает современным плюшкиным... Борьба с такими явлениями необходимо. И чем сильнее будет понята всеми нами необходимость такой борьбы, тем больше и лучше научимся мы понимать всю отвратительность подобных, я бы сказал, полностью аморальных явле-

Накопительство— одна из тех категорий нашего бытия, которая зовется мещанством. Наши словари определяют мещанство как образ жизни и мышления, для которого характерны ограниченность жизненных идеалов узкими интересами, проявлением трусости и приспособленчества в политическом отношении, ханжества в морали, вульгарности во вкусах. Тот, кто стремился постичь природу накопительства, наверно, заметил, что безумству обогащения сопутствует рой темных страстей и страстишек. Зависть— одна из этих страстей. Да, зависть, затмевающая солнце, деформирующая видение, побуждающая к проступкам, если не преступлениям, которые человек никогда бы не совершил в иных обстоятельствах. Если есть соперничество накопителей, соперничество, рождающее единоборство амбиций, то первопричиной будет именно зависть, родная сестра обывателя. Как ни далеко отстоит от нас знаменитое определение мещанства, данное Виссарионом Белинским, следует признать это определение классическим, а следовательно, не подверженным влиянию времени. Как известно, Белинский видел в мещанстве сословие, «которое на низшее смотрит с благородным презрением и чувством собственного достоинства, а на высшее с благоволением». Накопительство— это и есть некое выражение взглядов мещанина, который вообразил, что с помощью нехитрой «машины вещей» возвысился над себе подобными».

Очевидно, призвание коммунистической нравственности состоит в том, чтобы развенчание мещанина и его убогих представлений о жизни явилось бы результатом постижения истины, которую исповедует общество».

Редакция благодарит всех читателей, откликнувшихся письмами на публикацию рассказа «Мальчики», и выражает надежду, что и впредь литературные страницы «Смены» побудят вас, дорогие читатели, присылать нам свои соображения.

КАК ВОЗДУХ НЕВЕСОМ

Маргарита
МАКСИМОВА

Россия издавна славилась своими замечательными рукодельницами. Фантазия и великолепная техника исполнения отличают вещи, созданные мастерами прошлого. На особом месте — оренбургский пуховязальный промысел. Связанный тонкими спицами из тончайших нитей, спряденных вручную, оренбургский платок как кружевная пена нежен и невесом.

Было время, когда вязали платки не только из козьего пуха, но и из кипрейного, который с большим трудом добывали из созревших стручков кипрея. Потом от него отказались и стали использовать только козий.

У калмыков и казахов вязка была плотной, грубоватой, уральские же казачки, знакомые с кружевоплетением и вышиванием, стали в вязании использовать русские мотивы. Платков вязали много, а двух одинаковых не найти. Всякая мастерица свой узор придумывала и название ему ласковое давала: «окошки», «снежинка», «дождик», «самовар», «гармошка».

Более двухсот пятидесяти часов — столько времени дотрагиваются спицы до нежной и тонкой пуховой нити, похожей на паутинку, успевая за это время связать триста тысяч петель и накидов! И тогда выходит из рук мастерицы долгожданный платок. Каким он получится? Вязка платка не терпит нервозности, неряшливости, суеты, здесь требуются добрый настрой души и особое радение — вот тогда и рождается из маленького, неприметного клубочка чудо.

Техника вязания платков разнообразна. Сначала можно связать середину без узора, затем узорную кайму и затем их сшить или привязать друг к другу. Вязка середины — работа несложная: сиди и вяжи лицевые петли, лишь бы они были ровные да одинаковые (отсюда и название у этой вязки — платочная). С каймой посложнее. Красота платка в кайме. Здесь-то

ЛЮБОВЬ К РЕМЕСЛУ,
БОЛЬШОЕ ТРУДОЛЮБИЕ
И ОТТОЧЕННОЕ МАСТЕРСТВО —
В КАЖДОМ ПЛАТКЕ.

Фото
Сергея КОНОПЛИНА
и Валентина ПИГАНОВА

и проявляются вкус и выдумка исполнительницы. Сразу виден почерк мастера. Как правило, такие платки всей семьей вяжут: девочки — середину, кайму — молодухи и женщины постарше, а совсем старые — нити для него готовят.

Труднее с платком, в котором середину и кайму вяжут одновременно, ни разу не оборвав нити, но и

эта работа легко осваивается, если ей поучиться у опытной рукодельницы.

Не только платки из пуховой нити могут быть легкими, кружевными и красивыми. Московская умелица Елена Кондратьюк из стограммового клубочка тонких монинских нитей связала белоснежный квадратный платок.

А теперь несколько практических советов тем, кто вяжет.

Козий пух вычесывают дважды: в феврале и марте. Февральский пух ценнее, так как в нем мало жестких волос («козины») и других примесей. Нить, спряденная для ажурного платка, бывает настолько тонкой, что вязать из нее можно, лишь соединив с хлопчатобумажной или шелковой нитью такого же цвета. Сдвоенную (строженную) пряжу необходимо скрутить на веретене (приблизительно 180 витков на метр). Платок намного красивее, если он не перегружен узором, прост по композиции. Чем сложнее узор каймы, тем проще должна быть середина платка.

Что можно ответить на такой «наивный» вопрос? Да еще если слышишь его от врача. Разве что растопырить свою пятерню, взглянуть на нее и сказать: «Ну, конечно, знаю...»

— Не торопитесь. Давайте посмотрим вместе,— говорит доктор медицинских наук, заведующий кафедрой анатомии человека Гродненского медицинского института Сергей Сергеевич Усоев.— Что ж, думаю, вы практически здоровы и наследственные болезни вашим детям не угрожают. Но утверждаю это только на уровне сегодняшних знаний о дерматоглифике.

Что же такое дерматоглифика? Загадочная паутина морщин на ладонях интересовала людей с незапамятных времен. Предполагали, что эти узоры не случайные, своего рода запись сведений о человеке. Чтобы прочитать эту информацию, ученым не хватало знаний. «Помогли» шарлатаны. Возникла хиромантия, ее бойкие служители и по сей день «разгадывают судьбу и предсказывают будущее».

Когда обнаружилось, что рисунок на ладонях у каждого человека неповторим и неизменен с возрастом, этим поначалу заинтересовались только криминалисты. И лишь в нашем веке дерматоглифика (в переводе с греческого — гравюра на коже) стала помогать изучению генетики человека. Выяснилось, что рисунок как на ладонях, так и на ступнях ног зависит от генетического кода и полностью формируется в первые месяцы развития эмбриона. Кожный рисунок неповторим, потому что генетический код у каждого индивидуален. Но есть и общие закономерности. Этот определенный тип узора принято считать своеобразным эталоном. У каждого народа он свой. В этом трудность изучения дерматоглифики. В то же время еще одна немаловажная область ее применения — антропология. Особенности рельефа ладоней у жителей разных стран помогают проследить пути миграции и расселения народов.

Научной темой для клинического ординатора Минского медицинского института Сергея Усоева дерматоглифика стала давно. Его интерес к ней был подогрет открытием хромосомных болезней. Оказалось, повреждение хромосомы ведет к нарушениям анатомического строения человека и часто становится врожденным пороком, проявляющимся и в завитках узора ладоней.

Начинать Усоеву пришлось, по сути, с нуля. В Минске был создан первый в республике кабинет медицинской генетики, и его заведующим стал Усоев. Обследовались тысячи родителей и их дети с наследственными заболеваниями. И мало-помалу складывалась картина взаимосвязи линий ладоней со строением организма.

В нашем генетическом алфавите наследственности около ста тысяч генов. Сочетание их достаточно прочное, и нарушается оно только под сильным воздействием внешней среды: физическим, биологическим или химическим. Пример самого распространенного химического — алкоголь. Стоит измениться хотя бы одному гену в организме, как при определенных условиях развивается заболевание. И проявляется оно не только у хозяина «вредного» гена, но и у его детей, внуков... Природа подает наглядный сигнал грядущей беды на ладонях. Вовремя принять и расшифровать эти сведения — значит предупредить рождение детей с наследственной патологией или вылечить болезнь в ее зачаточном состоянии.

Усоев и его коллеги не только собирали приметы болезней, но и разрабатывали практические рекомендации врачам для ответа на главный вопрос: родится ли ребенок здоровым? В минской лаборатории выделили три группы болезней, которые распознаются с помощью дерматоглифики. Среди них — некоторые хромосомные, а также те, что вызывают анатомические изменения на теле, например, расщелина

губы или косопалость. Наконец, выяснилось, что узор на коже сообщает и о болезнях, к которым человек лишь предрасположен. Так, чаще других рискуют заболеть инфарктом миокарда и ишемическим инсультом люди с обилием завитков узора на пальцах. Рисунок показывает особенности ветвления кровеносных сосудов.

Результаты исследований подтвердили, что врожденные пороки влияют на расположение линий ладони. Все другие болезни, которые «замыкаются» на биохимическом и клеточном уровне, в том числе раковая опухоль, на узор кожи не влияют. А вот при наследственной патологии характерный рисунок виден не только у самих больных, но и у ближайших их родственников. Усоев считает, что родственники больных тоже являются носителями дефектных генов, причём гены эти накапливаются. Поэтому прежде чем поставить диагноз, он детально выясняет, какие расстройства и хвори случались в роду пациента.

За десятилетний срок работы в минской лаборатории были найдены надежные методы диагностики многих наследственных болезней. Выросли здесь и кадры медиков-генетиков, которые стали организовывать специальные консультационные пункты в республике. С приездом Усоева появилась такая служба и в Гродно.

Многие посетители уходят из этого кабинета со вздохом облегчения. Генетики их успокаивают: риск родить больного ребенка — минимальный. Но нередко тут звучат и слова: «риск — повышен-

Гродно, Витебске, Могилеве. Сегодня врачи-генетики республики могут принять лишь седьмую часть тех будущих родителей, которые нуждаются в помощи. Но обращается к генетикам около двух тысяч семей ежегодно. Одни не знают о существовании консультаций, у других сказывается инерция психики — «пока гром не грянет». Итог: около семи процентов детей появляются на свет с явной наследственной патологией.

Стоит ли говорить, насколько важна работа Усоева и его коллег? Медико-генетическая профилактика может снизить процент наследственных заболеваний в несколько раз. И эта победа высвободит немалые средства для борьбы с остальными болезнями.

Разумеется, диагноз наследственных заболеваний можно ставить не только с помощью дерматоглифики. Количество болезней, что распознаются по рисунку ладони и ступни, пока сравнительно невелико. В арсенале медицинской генетики немало других методов диагностики — тут и внешний осмотр формы головы, лица, рта, ушных раковин, глаз, анализ крови, сведения о родословной пациента... Заслуга дерматоглифики в том, что ее линии и «завитки» оказались своего рода общей картой — схемой, которая выводит ученых из лабиринта незнания сразу на многие направления борьбы с наследственной патологией. Усоев изучает сейчас микропризнаки ряда врожденных пороков, рассуждая при этом так: организм — единое целое, и если какой-то информации нет на

Каким бы «гением» в задатке ни был новорожденный, если его с детства изолировать от общества, он останется неразумным существом. И тот факт, что по наследству передаются особенности темперамента и биологический ритм — «сова» или «жаворонок», еще не основание «сшивать» биологическую и социальную материю. Целостной ткани научных знаний из «лоскутов» не получится.

Усоев получает письма со словами благодарности: он помог многочисленным семьям. Но поступает почта и неожиданная, особенно из скандинавских стран и Латинской Америки. Усоева благодарят... хироманты. Появление научных трудов по дерматоглифике они восприняли как поддержку, рассудив, вероятно, так, что в медицинских тонкостях разберутся немногие, а вот о том, что в предсказаниях по ладони «что-то есть», поверят все.

На дверях дома одного известного ученого была прибита подкова. «Зачем?» — спросили у него. И тот ответил: «Я не верю, что подкова приносит счастье, но чтобы убедиться в этом, прибил ее».

Усоев не верит в хиромантию, но однажды он встретился с человеком, который «предсказывал» судьбу по ладоням. Первое, на что обратил внимание Усоев: хиромант — опытный психолог, он как хороший врач начинает ставить диагноз уже тогда, когда больной появляется на пороге. На ладонь он только бегло взглянул. Куда больше его занимала манера держаться, одежда, настроение клиента. Быстро и непринужденно он заставил Усоева разговаривать и наводящими вопросами начал определять, какого «прогноза» от него ждут. Но как только Усоев попросил его быть ближе к делу — к рельефу ладони, хиромант сразу полаг враспек. Чтение по ладони оказалось просто детским лепетом: «складка жизни» — длинная, и жизнь будет такой же, «складка ума» — глубокая — умный человек... Но Усоев знал, что эти складки ладони в течение жизни могут изменяться. И предложил поговорить о «дугах», «гребешках» и «завитках», которые несут постоянную информацию. Хиромант замолчал, с подозрением посмотрел на неожиданного клиента и быстро свернул сеанс...

Генетики могут поставить диагноз некоторых болезней даже по отпечаткам пальцев. А что могут в таких случаях хироманты? Известен опыт английских ученых. Нескольким знаменитым хиромантам показали сделанные в разное время отпечатки ладоней живых людей и тех, что уже умерли, а также — ладоней шимпанзе. Гадалки перепутали пол и возраст людей, посулили долгие лета покойникам, определили наклонность к живописи и поэзии у обезьян.

Доверие к хиромантам в древности можно отчасти объяснить тем, что среди них изредка встречались люди, способные к диагностике наиболее явных наследственных болезней. Но почему хиромантия столь живуча и сегодня? Тут, конечно, сказывается извечный человеческий интерес: что готовит день грядущий? Тут и доверчивость — сами того не замечая, люди выкладывают гадалке все, что хотят от нее услышать. Сказывается и особенность нашей психики — запоминается лишь то, что хиромант отгадывает.

Для Усоева письма от гадалок как упрек. Значит, очень мало знают люди о дерматоглифике, если «золотят» руки хиромантов. А подлинное свидетельство о себе самом — на руке собственной.

...Заканчивалась наша встреча. — Аномалий развития, свидетельствующих о генетической отягощенности в вашем роду, я по-прежнему не замечаю,— сказал напоследок Усоев.

— Вы это не из вежливости, Сергей Сергеевич?

— В таких случаях она неуместна... Впрочем... Приходите через годик. Может, что-нибудь и найдете. То, что мы знаем о человеке сегодня,—ничто в сравнении с тем, чего пока не знаем...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ СВОИ ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ?

Виктор ЖУК

ный». В таких случаях во время беременности врачи следят за первоначальным развитием эмбриона. И если проявляется патология, рожать не рекомендуют. Хотя, конечно, и запретить этого не могут. Окончательное решение принимают сами родители.

В некоторых странах принята уже суровая мера: если в первые месяцы беременности проявляется аномалия, родителей обязывают избавиться от ребенка. Обсуждается там и финансовая форма ответственности для тех, кто сознательно дает жизнь дефектным детям,—оплата за уход, необходимый хроническим больным.

Надо позаботиться, чтобы решение о рождении ребенка принималось с полным осознанием возможного исхода. А для этого необходима своевременная консультация с врачами-генетиками. Но вот в Белоруссии на десять миллионов жителей медико-генетических кабинетов пока только четыре — в Минске,

ладонях, она должна где-то быть. Дерматоглифика перспективна. В

Московском институте физкультуры на кафедре анатомии и спортивной морфологии под руководством доктора медицинских наук Б. А. Никитюка ведутся новые исследования. Здесь заметили связи между особенностями рисунка (количеством «гребешков» на пальцах) и необходимыми в спорте качествами, среди которых — реакция и выносливость. Многими видами спорта дети начинают теперь заниматься очень рано. И тренерам важно знать, где их воспитанники могут добиться наилучших результатов. Многие прогнозы ученых сбываются. Объяснить это можно тем, что биохимические процессы так или иначе отражаются на кожном рисунке. Велик соблазн допустить, что наши ладони несут информацию и об особенностях психики, характера человека... Что думает об этом доктор Усоев?

— Человек — существо социальное.

МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОДЛОЖИТЬСЯ

Она опять смотрела на меня настороженно, мой тон ей не нравился. Я понял, что меня, пожалуй, действительно чересчур заносит, и постарался придать лицу выражение серьезно-внимания.

— Откуда же я знаю,— наконец, вздохнула она.
— Даже не догадываешься?
Она покачала головой.
— Когда, значит, ты его последний раз видела?
— Позавчера, в школе.
— А говоришь, пропал он вчера утром. Может, он позавчера вечером пропал?
— Его ребята видели. Вчера после второго урока он приходил в школу, принес эту самую газету, которую мы делаем. Он к ней рисовал заголовок и всякое там оформление. Отдал и сразу ушел, не хотел, наверное, чтоб его учителя видели.

— И к тебе даже не подходил?
— Нет.
Что-то мне не понравилось в том, как она это произнесла.
— А накануне вечером вы тоже не общались?
Она снова покачала головой. И тут я, кажется, догадался.
— Ты вообще-то когда с ним последний раз разговаривала?
Дина молча изучала остатки компота на дне своего стакана.

— Поссорились,— констатировал я, и она кивнула.— Давно?
— Две недели назад. Если хотите точно—сегодня шестнадцатый день.
— А из-за чего—секрет?
— Да ну, какой секрет! То есть был бы секрет, конечно, но раз уж вы теперь знаете... Понимаете, Латынин в последнее время стал очень странный. Перестал мне все рассказывать. Раньше таскал меня всюду за собой, а тут вдруг, как ни позвонишь, он занят, у него дела. Дела, дела! Прямо смурной стал от этих дел!

Дина обиженно поджала губы.
— Короче, лопнуло мое терпение. Это после того, как я узнала, что он без меня стал ходить вечером на дискотеку. Я его напрямик об этом спросила, а он мне опять свое: «У меня там дела!» У него там дела, а я должна весь вечер сидеть дома одна! Мы поругались страшно, он на меня накричал, что я не имею права лезть в его личную жизнь, что все мы такие, только дай нам волю, а я в ответ тоже на него накричала, что никакой воли мне от него не надо и что если мне нельзя лезть в его личную жизнь, тогда пусть он тоже не лезет в мою! И... и с тех самых пор мы не разговариваем...

У нее опять тряслись губы, а я слушал почти с мистическим ужасом: до того это напоминало мои скандалы с Ниной. Мы вышли из кафе, и я направился к машине. Дина молча шла рядом.

— А почему, собственно, ты так взволновалась, что Саша пропал?—спросил я.—Взрослый мужик, что с ним сделается? Поругался с родителями, вот и смылся куда-нибудь. Через день ему надоеет, и он вернется, а?

Она резко замотала головой.
— Во-первых, Латынин тысячу раз ругался с родителями и никуда не убежал. Во-вторых, в этот раз он с ними и не ругался: я звонила сегодня днем Елене Сергеевне на работу, они ничего не понимают, сами в жуткой панике. В-третьих, Латынин не такой дурак, чтобы ни с того ни с сего перестать ходить в школу перед самыми экзаменами. Вы не думайте, у него, между прочим, средний балл не ниже четырех с половиной будет, ему еще в институт поступать. Я уж все это обдумала—незачем ему просто так сейчас дурака валять. Что-то случилось. Я чувствую.

Я вспомнил Сухова. Очень трудно искать, когда даже не

знаешь, что искать. Так и тут: хорошо бы понять хотя бы, что могло случиться.

И тут меня осенило.
Я даже остановился. Дина тоже остановилась. Я схватил ее за плечи.

— Так ты думаешь...—сказал я,—ты думаешь, что...
Она опять заплакала.

— Да прекрати ты реветь,—рассердился я.—У них что, были плохие отношения?

— Нет, что вы,—проговорила она, глотая слезы.—Сашка страшно любил его и уважал. И Эрнст Теодорович его любил...

— Тогда с какой же ему стати его убивать?
— Не знаю...—Она совершенно не могла сдержаться.—Но он пропал в то самое у-у-утро...

— А как ты считаешь, вообще-то Латынин мог бы убить человека?

Мне не следовало задавать ей этот вопрос. Вероятно, он мучил ее вторые сутки.

— Нет!—вскричала она в сильнейшем волнении.—Нет! Дальше мы какое-то время шли молча. Она как будто начала успокаиваться. Я спросил:

— Скажи, твой Саша стихи пишет?
— Никакой он не мой,—вздохнула она скорее автоматически.—Пишет. Плохие, кажется. А вы почему спросили?

— «За что же мне такая мука
И долго ли ее терпеть?»—

продекламировал я. У меня удивительная память на всякую чушь.—Это не его?

— Его,—удивилась Дина.—А откуда вы это взяли? Он их никому не показывал, стеснялся. Только самым близким людям.

Ну что ж, подумал я, значит, Кригер был Латынину самым близким человеком.

Мы подошли к машине.
— Дина, последний вопрос. Если бы Саше понадобилось от всех спрятаться, к кому бы он обратился за помощью?

Она ответила сразу:
— Я уж сама над этим думала. Из наших школьных—ни к кому. У нас стоящих парней почти что и нет, да и к тому же у них у всех полон дом родичей. Разве только... Есть у него один дружок детства, как же я про него забыла! Сын каких-то друзей его родителей, что ли. Витя Жильцов. Но он живет где-то у черта на куличках, мы к нему ни разу не ездили, только он к Латынину приезжал. Он тоже в школе учится, но в какой, не знаю. Только вряд ли он к нему поехал, там ведь тоже предки имеются, тут же позвонили бы латынинским. А больше не к кому.

Я занес в блокнот Витю, Динин телефон, дал ей свои координаты.

— Если что узнаешь—звони,—сказал я ей на прощание дежурную фразу нынешнего дня.

Потом я минут пять сидел в машине, откинув назад кресло, и прислушивался к собственным ощущениям. Есть у меня сейчас силы идти к Латынину или нет? Я посмотрел в блокноте адрес. И вдруг понял, что сижу прямо перед их подъездом. Оказывается, Кригер с Латыниным жили в одном доме! Это почему-то решило дело.

— На каком этаже сто шестнадцатая?—спросил я у старушек, поднимаясь по ступенькам.

— На пятнадцатом,—ответили мне сразу и чуть не хором две или три их них.

После переговоров через дверь, разглядывая меня в глазок, к которому я подносил свое удостоверение, мне открыла высокая, статная женщина лет сорока в бигуди. Я извинился за свой неожиданный визит, и меня впустили в прихожую, где предложили снять ботинки и надеть тапочки. Потом проводили в гостиную, усадили в кресло и попросили подождать.

Я огляделся. Уже в прихожей у меня зародилась некая мысль, которая в гостини окончателно созрела и сформировалась. К тому времени, когда Елена Сергеевна, сняв бигуди, снова вышла ко мне, я имел четкую версию по крайней мере в отношении одной части событий.

На следующий день были похороны Кригера.
Накануне вечером мне к Феликсу позвонила Марина Костина. Сто лет назад она была у нас старостой класса, но до сих пор, когда надо что-то организовать, собрать нас на вечер встречи или вот на похороны, инициатива всегда у нее в руках. Марина сообщила, что все взяла на себя роно, будет два автобуса, в двенадцать часов у морга Второго медицинского.

— Слушай,—сказала она,—говорят, ты был чуть ли не свидетелем. Как это могло случиться?

— Вот именно, что «чуть»,—ответил я.—Машина, которую я переставлял с места на место, женщина с сумками, юные энтомологи, проскочившие у меня под рукой... Я знаю не больше, чем ты.

— Жалко-то как старика. А тебя я регулярно читаю. Молодец! Последний раз здорово ты этих подонков разнес!

— Спасибо,—сказал я.—А как ты меня здесь нашла?

— Твоя благоверная дала телефончик.
Да, Нина, конечно, знала, где меня искать.

— Ничего при этом не сказала?

— А что говорить? Все ясно. Так ты теперь у нас жених?

— Вроде того.

— Жаль. Ты мне нравился. В седьмом классе.

— Ну, давай вперед,—сказал я шутливо.—Вспомним молодость.

— Нет, годы не те. Муж, детей двое, да и растолстела я. Ищи себе кто помоложе. Значит, понял: завтра в двенадцать.

Но в двенадцать к моргу я приехать не сумел. Застрел в редакции, а когда освободился, часы показывали четверть первого. Я прикинул, что к моргу мне уже все равно не успеть, а если ехать прямо сейчас на кладбище, то, пожалуй, всех обгоню. Я решил использовать это время для одной небольшой реконструкровки.

По будним дням в такой час возле пивных баров очереди не бывает. Одиноким привратник скупал за своим деревянным прилавком. Он был грустен, потому что на улице ведро и за его спиной совсем мало одежды висит на вешалках, а в жестянке звенит и того меньше. Швейцар—это такой человек, который радуется плохой погоде.

— Отец,—сказал я ему задумчиво,—Сергея сегодня работает?

— Смотря какой,—ответил он лениво.

— Официант.

— У нас три Сереги. И все официанты. На выбор!—Он засмеялся жиденьким смехом.

Я растерялся. Почему-то такая простая возможность не пришла мне в голову.

— Ну-у...—начал я, судорожно пытаюсь что-нибудь придумать.—У него еще такой чемоданчик с цифровым замком!

— Это Горелов,—сказал швейцар и тут же посмотрел на меня подозрительно:—А он тебе зачем?

Я уже врал совершенно вдохновенно:

— Киряли у него позавчера, а калупсы не хватило, так я ему часы свои отдал. Вот привез теперь, надо получить.

Взгляд швейцара потеплел.

— Иди на второй этаж, он там сегодня работает.

Я пошел к лестнице, стараясь повернуться к нему так, чтобы он не увидел у меня на руке часы.

В зале я постоял минуту при входе, ориентируясь в обстановке, а потом выбрал себе официанта постарше, чтоб наверняка не ошибиться, и спросил деловито:

— Серега Горелов тут?

— Вон он!—показал официант на высокого рыжего парня с подносом, который в этот момент заходил за перегородку, отделяющую зал от кухни.

— Ага, спасибо,—поблагодарил я и направился туда же.

Постояв там с полминуты среди пивной суеты, наблюдав за Гореловым, ловко подхватившим в одну руку целый поднос с пивом, а в другую сразу четыре металлических тарелки с шашлычком, я вышел обратно и спустился вниз.

— Ну что, отдал?—спросил швейцар.

— А как же!—Я гордо показал ему свою левую руку, в то же время правой кладя на прилавок полтинник.

Он ловко смахнул монету и понимающе кивнул:

— Заходите еще.

— Обязательно!—сказал я.

У ворот Введенского кладбища стояло несколько пустых автобусов, но из наших никого не было видно, так что я не мог определить, опоздал я или приехал раньше всех. Поэтому я захватил из машины цветы и пошел прямо на место: мне случилось возить Кригера на могилу Марты Ивановны.

Когда-то кладбище это называлось Немецким, хотя на старинных памятниках, которых становится все меньше по мере удаления от входа, можно увидеть надписи на самых разных европейских языках. Вероятно, это дань традиции: немцами у нас в старину звали поголовно всех иностранцев, не умевших говорить по-русски. Без языка—значит, немой, короче, немец. По иронии судьбы рассказывал нам об этом Эрнст Теодорович.

Он похоронил жену здесь, и в ограде имелось место,

Рисунок
Игоря
СУСЛОВА

отведенное для него. Поразительно, до чего этот человек, страстно любивший русскую историю и великолепно понимающий русскую культуру, особенно в мелочах старался не потерять связь со всем немецким. Даже вот так, посмертно. Бреда по кладбищенской дорожке; я раздумывал над тем, что, пожалуй, эта пожизненная раздвоенность Кримера на самом деле никакой раздвоенностью не была. Наоборот, она-то и позволяла ему по-настоящему глубоко ценить и то, и другое.

Я все-таки опоздал. Вокруг могилы стояла большая толпа, человек шестьдесят, не меньше. Подойдя ближе, я услышал, что кто-то произносит речь, и даже, кажется, узнал голос. Да, это был Андрей Елин, кому же еще!

— Иногда я думаю, — говорил Андрей, — стал бы я таким, какой я есть, не будь в нашей школе учителя истории Эрнста Теодоровича Кримера? Вот сейчас, здесь, задайте и вы себе такой вопрос... Я отвечаю на него: нет! Я мог быть хуже, мог быть лучше, но другим. А потом я спрашиваю себя: как это у него получалось? И ответа не нахожу. Эрнст Теодорович никогда не учил нас жить в традиционном смысле этого слова. Он просто был среди нас, был с нами, и как-то так само получалось, что мы впитывали в себя все, чем обладал этот человек. Вот такой он имел дар...

Молодец, Андрей, подумал я. Хотя я тебя и недолюбливаю, сегодня ты говоришь хорошо. А Елин продолжал:

— Вся жизнь Кримера была отдана детям. Да, я знаю, это звучит банально. Вернее, так: звучало бы банально. Если бы Эрнст Теодорович умер в своей постели, а не погиб трагически и безвременно. Я верю, что убийца будет найден и понесет наказание. Тогда, наконец, мы узнаем всю правду. Но даже сейчас я уверен: смерть Кримера не была нелепой случайностью. Его убили потому, что он помешал кому-то. Помешал потому, что был честен и благороден, помешал благодаря всем тем качествам, за которые мы, его ученики, навеки останемся ему признательны. Да, вся его жизнь была отдана детям. Всем нам, кого он называл своими детьми. И я не удивлюсь, если когда-нибудь мы с вами узнаем, что он и отдал жизнь за кого-то из этих детей. Ведь Эрнсту Теодоровичу Кримеру больше не за кого было ее отдавать...

Андрей помолчал несколько секунд, отпустив голову, а потом отошел от могилы, уступив место дородной даме, то ли учительнице из школы, то ли представителю роно. Она заговорила о трудолюбии Кримера.

Пробравшись сквозь плотную толпу, я подошел к гробу, чтобы положить цветы. Кругом были почти сплошь молодые лица. Ах, как обрадовался бы старик, увидев нас всех вместе! Впрочем, он всегда был реалистом и знал, наверное, что ему-то как раз этого увидеть не придется.

Речи кончились. Гроб забили несколькими символическими гвоздями, и два молодца, перепачканных рыжей глиной,

не слишком торжественно опустили его в землю. Через несколько минут здесь вырос небольшой, крепко сбитый лопатами холмик. Мы укрыли его цветами и, поняв наконец, что больше ничего для Кримера сделать не можем, потянулись к выходу.

Быстротечность похоронной процедуры, как последнего аккорда насыщенной многими событиями жизни, всегда смущает меня. Но сегодня этого не было. Я знал, что кое-какие земные дела Эрнста Теодоровича остались незавершенными. И уже догадывался, что доделывать их придется именно мне.

В аллее я догнал Елина. Мы сдержанно поздоровались, как того требовала обстановка. Хотя при других условиях между нами тоже не бывало особой сердечности. Андрей Елин был в нашем классе первым учеником. Еще он был сыном членкора, известного литературоведа, автора множества специальных и популярных книг. И, как будто всего этого мало, он был также спортсменом и красавцем. Сейчас, конечно, уже можно признать честно, что поэтому я его и не любил. Он пришел к нам в девятом классе, и буквально через неделю всем стало ясно, какой он блистательный. Вот тогда я и пустил по классу выражение, после которого мне назад пути быть не могло. Я сказал: «Елин подружиться ни с кем не может. Елин может осчастливить своей дружбой». Андрей на мои насмешки отвечал презрительной холодностью. Со временем это переросло в скрытое соперничество, в котором я чаще проигрывал, чем выигрывал. Такое положение не прибавляло мне любви. Кример несколько раз пытался сломать лед — мы оба были у него любимыми учениками, — но ему не удалось. Он переживал, говорил, что мы когда-нибудь об этом пожалеем, и называл наши отношения «великой несостоявшейся дружбой».

После школы пути наши разошлись окончательно. Мы виделись разве что на традиционных встречах класса да случайно на улице. От Кримера я знал, что Андрей всех удивил: пошел не в гуманитарии, как ожидалось, а поступил на геофак в университет, окончил его с красным дипломом и стал ездить куда-то на Дальний Восток в геологические партии. Блистал он и здесь: разработал теоретически новый способ поиска запасов олова, подтвердил его на собственной практике и уже в двадцать шесть лет защитил кандидатскую. Теперь, я слышал, подбирается к докторской.

— Андрей, — спросил я, — насчет того, за что убили Кримера, у тебя есть какие-нибудь мысли или так, общие предположения?

Он посмотрел на меня искоса. Спросил насмешливо: — Хочешь написать судебный очерк?

Я почувствовал, как во мне поднимается давняя неприязнь. Но сдержался.

— А почему бы нет? Считаю, что я уже собираю материал.

Так у тебя есть какие-то подозрения?

Андрей хмыкнул. — Подозрения бывают у милиции, — сказал он, не сбавляя насмешливого тона. — Вот у них и поинтересуйся.

Однако я уже решил сдерживаться. Я знал отношение Елина к милиции. Кример рассказывал мне о той истории, которая приключилась с Андреем, еще когда он учился в университете. Летом в выходной день они с компанией поехали за город, на пляж. Андрей взялся сходить к ларьку купить воды и бутербродов. Очередь была огромная, но он упорно выстоял ее — так же он кончал школу с золотой медалью, потом университет с красным дипломом, находил свое слово и писал диссертации. В этом был весь Елин. Когда до окошка оставалось два человека, какой-то шустрый парень попытался влезть, но женщина впереди Андрея подняла шум, широкой спиной стала заграживать от наглеца прилавок. Отстоявшим очередь никогда не понять тех, кто лезет без очереди. И наоборот. Парень толкнул женщину, сбил с нее очки.

Через сорок минут Андрея забрали прямо из воды и отвели в местное отделение, где уже сидел давешний парень в синяках и с вывихнутой рукой, охал и злобно обзывал Елина бандитом. У Андрея были только поцарапаны кулаки. Это, видимо, определило отношение к происшествию дежурного лейтенанта. И Андрей замкнулся. Надо знать Елина — Кример великолепно изобразил мне его состояние в тот момент. Ах, вот вы как! Я вступился за общественный порядок, защитил женщину, унял хулигана, и теперь меня за это в каталажку, а его домой? Ну что ж, давайте! Чувство оскорбленной справедливости молодого глупца. Пока составлялся протокол, он сидел нога на ногу, в гордом молчании, как будто не понимая, что сейчас висят на волоске все его медали, дипломы и будущие оловянные диссертации. Да что там, вся жизнь! Его вид должен был, вероятно, говорить: вы милиция, вот и ищите истину.

Через неделю, когда пришла первая повестка с вызовом к следователю, открылся весь кошмар происходящего. Подключился папа-членкор, но было поздно. Как считал знаковый адвокат, поздно было уже на следующий день, даже тем же вечером. Как найти теперь всех этих покупателей из очереди, случайных пляжников, через несколько часов разъехавшихся по домам? Продавщица, конечно, ничего не видела и не помнит, зато у потерпевшего, как именовался отныне парень с вывихнутой рукой, имелся свидетель — пенсионер, стоявший в самом конце длинного хвоста к ларьку. Он видел только, как один человек бил другого, и сам явился в отделение, чтобы исполнить, как он выразился, свой гражданский долг. Машина следствия крутилась медленно, но неутомимо. Запоздалым объяснениям не то чтобы никто не верил, но ведь и проверить их было невозможно. Попросту говоря, Андрею грозил солидный срок.

Случилось чудо. Пляжный художник по горячим следам изобразил распоясавшегося хулигана на доске «Не проходите мимо!», и через три недели в милицию пришла женщина в очках и с широкой спиной. Кошмар кончился, но Елин так ничего, кажется, и не понял. Вернее, не захотел понять. Он ни за что не желал хотя бы отчасти объяснить свои неприятности собственным глупым упрямством.

Так вот, он сказал:

— Подозрения бывают у милиции. У них и поинтересуйся.

А я решил не заводиться. Потому что вспомнил про эту историю и про все елинское упрямство. Я спросил:

— Ладно, а вообще-то ты давно был у старика?

Андрей снова взглянул на меня искоса и ответил неопределенно:

— Не так чтоб очень.

— Он тебе ничего не рассказывал?

— А что он мне должен был рассказывать?

И тут я наконец разозлился. Что же ты, скотина упрямая, хочешь все из меня вытащить, а сам молчок? Не буду я ничего тебе говорить ни про Латинина, ни про пистолет в конфетной коробке. С какой стати?

— Да так, ничего, — сказал я. Мы уже подошли к выходу. — Бывай здоров.

И я пошел от него прочь, спиной чувствуя, что он почему-то остался стоять на месте и смотрит мне вслед. Только выйдя на площадь перед воротами, я обернулся. Елин больше не смотрел на меня, он сидел в свою синюю «Волгу», палин подарок блестящему молодому кандидату...

Под руку с дородным представителем роно шла Светлана Николаевна. Я помахал рукой.

— Подвезти?

— Спасибо, — сказала она, — автобус идет прямо к школе.

В толпе ребят я заметил Дину. Она, кажется, не хотела показывать, что мы знакомы.

— А меня не подвезете? — спросил за моей спиной звонкий голос.

Я повернулся вокруг своей оси и увидел женщину-фотокора.

— Здравствуйте! — Это получилось у меня скорее восклицание, чем приветствие. — Какими судьбами?

— Что люди делают на кладбище? Хоронят своих старых учителей.

Она грустно улыбнулась. Я открыл дверцу машины.

— Садитесь. Конечно, подвезу. А я вас что-то не припомню.

— Немудрено, — сказала она. — Хотя я вас помню очень хорошо. Когда мы учились в четвертом классе, десятиклассник Игорь Максимов был у нас вожатым. Только тогда он говорил нам «ты»...

Я рассмеялся.

— Так это ваш класс взял Кригер после нас?
— Наш,— вздохнула она.— Бедный Эрнст Теодорович! Ее звали Лика Кривошеина.
Не знаю почему, но я по дороге рассказал ей все. Она слушала внимательно, только иногда задавая кое-какие вопросы. И тут мне пришла в голову замечательная мысль. Я остановился у ближайшего автомата.
— Скажи,— спросил я Лику,— время у тебя сейчас есть?
— Сколько угодно,— ответила она.— А в чем дело?
— А в том,— сказал я,— что тогда мы сейчас поедем справлять поминки по Кригеру.
Я набрал номер Феликса в конторе.
— Занят?
— Собираюсь сматываться,— ответил он.
— Спускайся вниз, сейчас мы подъедем,— сказал я.— Через десять минут.
— Кто «мы»?— спросил недоуменно Феликс, но я уже положил трубку.
Ровно через десять минут я подъехал к редакции и увидел Феликса с его неизменным репортерским саквояжем через плечо.
— Странная у вас компания,— пробормотал он, усаживаясь на заднее сиденье.
— А что, не нравится?— весело спросила его Лика, поврачиваясь.
Феликс фыркнул.
— Спокойно, дети мои,— сказал я.— Не ссорьтесь. Потому что сейчас все будет зависеть от нашей четкости и слаженных действий.
И тут я изложил им свой план.

12

На дверях пивного бара висела фундаментальная табличка «Свободных мест нет». Мой друг швейцар гоголем прохаживался за стеклом, высматривая добычу. Я приветливо сделал ему ручкой, и он тут же ринулся открывать.
— У них заказано,— прорычал он, пропуская нас внутрь. Мы поднялись на второй этаж.
— Свободных мест есть,— констатировал Феликс.— Невозможно понять это свойство нашего сервиса.
— Нам туда,— сказал я, показывая в ту часть зала, где в этот момент высокий рыжий официант как раз заканчивал протирать пустой стол.
— Здравствуйте!— кокетливо сказала ему Лика, плюхаясь на стул.— Что подают в вашем богоугодном заведении?
Горелов осклабилась. Я удивился, увидев, что у него даже зубы рыжие. Похоже, не в пример Феликсу, наша компания ему нравилась.
— Значит, так,— сказал он, принимая стойку.— Шашлык по-карски, на ребрышках, люля. Из закусок— ассорти рыбное, ассорти мясное, салатики, хлебцы, горошек моченый. Если желаете, есть лангусты.
Я небрежно махнул рукой.
— Давайте три по-карски, закуски всякой разной на ваш вкус. Для начала по паре пива...
Он уже повернулся, чтобы уходить, но я удержал его.
— Минуточку,— сказал я, понизив голос, и особенным образом глянул ему в глаза.— Еще три пустых стаканчика, ладно?
Он снова тускло блеснул своими зубами, понимающе кивнул и исчез.
— Иди, Феликс,— сказал я.— И постарайся, чтоб никто не видел.
Громов подхватил свой сак, ушел и вскоре вернулся.
— Порядок,— проворчал он,— если не считать, что на меня пялилось человек десять, пока я занимался этими глупостями.
— О черт,— скривился я,— предупреждал ведь тебя!
— Ну и шел бы тогда сам!— рассердился Феликс.— А еще лучше, раз ты такой умный, сделал бы все заранее. Тут, между прочим, люди пиво пьют, а тебе, видишь, надо, чтобы в туалете никого не было.
— Мальчишки,— сказала Лика,— по-моему, вы что-то заигрались в детективов. Посмотрите кругом— всем плевать на нас с высокой колокольни!
— Ладно,— махнул я рукой.— Глядишь, проскочит действительно. Давай ее сюда.
Феликс достал из сумки бутылку. Обычно она валялась у меня в багажнике, я хранил в ней дистиллированную воду для аккумулятора, у нее было горлышко с завинчивающейся пробкой. Что ценно— наклейка «Пшеничная» сохранилась до сих пор. Сейчас Феликс залил туда обычной воды из-под крана, и вся хитрость заключалась в том, что наш официант не должен был об этом догадываться.
Он примчался буквально через несколько минут и мгновенно заставил стол кружками, тарелками, блюдами с закуской. Не забыл и про стаканчики. Я немедленно стал разливать.
— Лей побольше,— ворчал Феликс.
— Мне хватит пока,— нежно прошептала Лика, когда перевернуло за полстакана.
Себе я налил почти под завязку.
Горелов крутился вокруг нас, раскладывая приборы, и бормотал:
— Поаккуратней, ребята, поаккуратней, не дай бог, метр увидит...
— Ничего,— успокоил я его,— мы ее сейчас обратно в сумочку... Ну, будем здоровы!
Как выразилась потом Лика, каждый выпил, актерствуя в меру своей испорченности. Феликс, например, крякнул и смачно заметил:

— Хорошо идет! Как вода.
— Приятного аппетита,— пожелал нам Горелов, подхватив свои подносы и испарился.
Мы взялись за еду. Громов ухаживал за Ликой.
— Ешьте, товарищ стажер, не беспокойтесь, это настоящее...
— Феликс,— сказал я,— налегай на пиво. Я за рулем, так что минимум пять кружек тебе, одну Лике.
— Понятно,— вздохнул он и оглядел стол.— Боюсь, редакция тебе не оплатит таких расходов на сбор материала.
— Не суть важно,— ответил я.— Тут дело пошло на принцип. Слушайте меня внимательно: через несколько минут мы с вами должны здорово начать пьянеть. Помните, главное— не переигрывать. Лика, считай внимательно все, что он принесит.
Они сыграли великолепно. Феликсу для этого много усилий не потребовалось: вылив несколько кружек, он действительно слегка окосел. Но Лика подыгрывала ему прекрасно. Он бормотал какие-то шуточки— когда удачно, когда нет, но она в любом случае заливалась чересчур громким смехом, откидываясь на спинку стула. Я дождался момента, когда Горелов будет пробегать рядом, и уронил на пол со стола тарелку, которая хоть и не разбилась, но шуму наделала.
«Вторую» мы разлили опять при официанте, когда он принес шашлыки. Ее заправила водрой Лика в дамском туалете и принесла в своей сумочке. Рука у Феликса, наполнявшего стаканы, убедительно дрожала.
Через два часа я решил, что момент настал. Дождавшись очередного появления Горелова в зале, я махнул ему. Он подошел.
— Кофе, мороженое и счет,— пробурчал Феликс.
— Посчитай нам, дорогуша,— сказал я ласково и даже показал рукой в воздухе, как именно нам надо посчитать.— Только быстро, а то мы торопимся...
Горелов вынул из кармана форменной куртки блокнот и карандаш. Я изо всех сил старался даже не глядеть на него, но все-таки краем глаза видел, что карандаш порхает, как ласточка перед дождем.
— Двадцать восемь сорок девять,— сообщил он.
— Угу,— сказал я как можно равнодушнее и вроде бы полез в карман за деньгами. Но остановился и спросил, прищурившись с хитрецей:— А не врешь? Ну-ка, покажь, чего у тебя там написано?
Горелов улыбнулся моей пьяной подозрительности и поднес к моим глазам счет, где в графе «итого» стояли, разумеется, цифры 28 и 49.
— Нормально?— спросил он весело.
— Нормально,— ответил я, отрывая листок с нашим счетом от блокнота.— Иди погуляй пока.
Несколько секунд он еще стоял у меня за спиной, не зная, как реагировать на мою наглость, но так, видимо, ничего не решил и отошел в сторону. Я отметил, что он не убрался на кухню, как обычно, а остался у стены, внимательно за нами наблюдая. Мы все втроем склонились над счетом.
— Ассорти рыбных было два,— быстро сказала Лика,— а не три.
— Горошек по тридцать четыре копейки четыре порции никак не может быть два тридцать шесть,— подсчитал Феликс.— И вот тут еще...
Я же занимался главным: проверкой готового результата.
— Все, ребята,— сказал я,— вот вам ключи от машины, идите вниз. Дальше я сам.
Они ушли. Горелов проводил их глазами и неуверенно двинулся ко мне.
— Садись,— сказал я ему.— Поговорим.

13

Итак, еще в прихожей квартиры Латыниных у меня зародилась некая мысль. А когда хозяйка, женщина в бигуди, похожая на Медузу Горгону, провела меня в гостиную, мысль моя обрела окончательную форму. Ибо квартира эта была скорее похожа на музей.
— Слушаю вас,— сказала Елена Сергеевна, а я все не мог оторваться от потрескавшихся бронзовых часов с амрами, психеями, панями и еще бог знает с чем. Даже мне, профану, было понятно, что они страшно старые и поразительно тонкой художественной работы.
Проследив за моим взглядом, Елена Сергеевна снисходительно улыбнулась.
— Виктор Васильевич всю жизнь собирает антиквариат, это его главная страсть. Он ведь чтец, ему часто приходится разъезжать с концертами по разным городам, и всюду он что-нибудь отыскивает. Правда, сейчас с этим стало так трудно... По-моему, у чтецов это профессиональная болезнь. Вы знаете, наверное, что Смирнов-Сокольский собирал книги, а Виктор Васильевич...
Она обвела комнату рукой.
— Вот эти часы, на которые вы обратили внимание, по некоторым сведениям, принадлежали самому Наполеону, их якобы отбили у арьергарда наполеоновской армии платовские казаки в двенадцатом году. Но я не верю! Про всякую приличную вещь говорят, что она была никак не меньше чем у Наполеона, Павла или Людовика. Виктор Васильевич купил их лет пятнадцать назад у какого-то забулдыги в Костроме, отмыл, подрастваривал... Да, так мы отлеклись. Вы говорите, что пришли насчет Саши?
Я рассеянно кивнул головой. Я еще все не мог отделаться от впечатления, которое произвело на меня мое открытие. Мы сидели напротив друг друга в музейных креслах с резными позолоченными подлокотниками, а между нами стоял

стол, который, вероятно, можно было бы назвать журнальным, если бы ему не было лет сто пятьдесят. Его крышка состояла из тщательно подобранных и подогнанных кусочков отполированного зеленого камня, образующих затейливую мозаику. Я готов был поклясться, что видел однажды подобный малахитовый столик в комиссионном магазине на Октябрьской площади, куда мы случайно забрели с Ниной. Он запомнился мне потому, что Нина восхищалась не столько столиком, сколько ценой на него: там была какая-то пятизначная цифра.
Столик украшала хрустальная ладья, помещенная в металлическую корзину тончайшей работы. Я уже понял, что в этом доме она не серебряной быть не может. И если даже на ней нет клейма поставщика двора его императорского величества, какого-нибудь Хлебникова или Фаберже, корзинка стоит столько, сколько я зарабатываю за целый год. Кругом висели на стенах картины в массивных рамах, стояли на полках статуэтки и вазы, а за фигурными створками шкафов тускло отсвечивал фарфор.
— Да,— сказал я,— совершенно верно. Насчет Саши.
— Ох,— вздохнула Елена Сергеевна,— он очень трудный мальчик. Отец так с ним мучается. А уж меня он просто ни во что не ставит! А что, собственно, случилось?— вдруг испугалась она.
— Как что, Елена Сергеевна? Разве Саша не пропал? Он уже два дня не ходит в школу!
Она посмотрела на меня удивленно.
— Вот вы о чем. А что, теперь, если ребенок два дня пропускает школу, сразу присылают корреспондента?
— Не так уж она простодушна, эта Медуза.
— Нет,— сказал я сухо,— не сразу. У меня есть еще основания интересоваться Сашей.
Она возвела очи горе.
— Я, конечно, всего лишь мачеха... Но раз уж вы пришли, расскажите, пожалуйста, в чем дело. Я хоть буду иметь возможность подготовить Виктора Васильевича. Он такой нервный...
Я рассказал ей о письме Кригера. Она всплеснула руками.
— Ах, ну, конечно, я знаю его! Его убили вчера, кажется, или позавчера. Это ужасная история, весь дом у нас только об этом и говорят! Да, он бывший Сашин учитель, Саша иногда бегал к нему наверх. Но почему он не обратился сначала к нам, а сразу в газету?
Понемногу мне становилось понятно почему.
— Не знаю,— сказал я.— Может быть, потому, что у вас ребенок, как вы его называете, вторые сутки пропадает неизвестно где, а вы...
— Но ведь он нашелся!— перебила она меня.
— Когда?— Я так подался вперед, что чуть не опрокинул столик вместе с вазой.
— Сегодня,— сказала она с испугом.— Я час назад пришла с работы и сразу увидела, что все в его комнате перевернуто, исчезла спортивная сумка, кое-что из одежды, его магнитофон.
— И это вы называете «нашелся»?— спросил я.
— А вы это называете «пропал»?— парировала она.— Он, между прочим, взрослый человек, ему семнадцать лет. К тому же у него постойно какие-то бзюки: то грозится пойти ночами вагоны разгружать, то перестает брать у нас деньги даже на завтраки. А теперь вот это. Правильно Виктор Васильевич говорит: он ему сроду ни в чем не отказывал, а надо было... Что вы хотите— переходный возраст... Но вообще-то вам надо с мужем поговорить, он занимается его воспитанием.
Из ее слов скорее можно было понять, что Сашиним воспитанием не занимается никто.
— Последний вопрос, Елена Сергеевна. А не мог Саша поехать к Жильцовым?
— К Жильцовым?— Она высоко подняла брови.— Ах, Витя Жильцов! Мы как-то об этом не думали.
— Но, может быть, имеет смысл им позвонить?
— Жильцовы— это знакомые Сашини матери. Она... умерла. Виктор Васильевич уже много лет не поддерживает с ними отношений. Но от Саши я слышала, что они сейчас живут где-то в новом районе, кажется, без телефона.
Она встала. Я понял, что меня выставляют.
— Вы не позволите мне взглянуть на его комнату?
Елена Сергеевна пожалала плечами.
— Пожалуйста.
В комнате Латынина-младшего никакого антиквариата не было. Обои изрисованы разноцветными фломастерами, надписями на английском. Над столом большой портрет Джона Леннона, вырезанный из журнала. Единственная картина висела над кроватью: репродукция Шишкина «Утро в сосновом лесу». Пол был усыян разбросанными вещами, шкаф распахнут настежь.
— А больше ничего не пропало?— спросил я.— Из ценностей, например?
В глазах у нее мелькнуло сначала сомнение, потом нечто большее. Она быстро прошла в гостиную, потом в другую комнату, вероятно, спальню или кабинет, и вернулась обратно.
— Нет, как вы могли такое подумать!..
Сама, небось, подумала, злорадно отметил я про себя. Ишь как кинулась!
В прихожей тоже висели по стенам старые картины и стояли две роскошные парные бронзовые лампы на резных деревянных тумбах. Когда я уже надевал ботинки, Елена Сергеевна сказала:
— Расстроили вы меня с этим письмом. А он не писал поконкретней, что за компания такая?

— Нет, он должен был рассказать мне это при встрече.
— Жаль, очень жаль. Виктор Васильевич сегодня утром уехал с концертами в Вологду дня на три. Я думаю, вам обязательно надо с ним встретиться.

Я тоже так думал.

Открыть латынинскую дверь самостоятельно я даже не стал пытаться: она была обита железом, вся в каких-то горизонтальных и вертикальных запорах, со множеством замков. Ступив за порог, я услышал, как они один за другим щелкают и поворачиваются.

Моя версия заключалась в том, что в течение последних двух месяцев кто-то исподволь и очень тщательно, не жалея сил и средств, подбирает ключик к этим замкам. И этот ключик — Саша Латынин.

14

Похоже, Горелов начал понимать. В лице у него появилось что-то жалкое.

— Ребята, давайте скорей рассчитаемся, мне надо со стола убирать, вон клиенты ждут...

Но я рассчитываться не торопился.

— В общей сложности шесть восемьдесят, — сказал я в раздумье. — А ведь, небось, хотел еще на чай получить. Не слышим жиро?

— Давайте пересчитаю, — сделал он последнюю попытку. — Я вас с другим столом перепутал.

— Ясное дело, — сказал я. — Значит, ты и другой стол хотел обжугить.

Он сел напротив меня. Я аккуратно сложил счет и спрятал во внутренний карман куртки.

— Значит, так. У меня есть несколько вопросов, на которые я очень хочу получить правдивые ответы. Правдивые! — подчеркнул я. — Иначе, милейший, вам меньше чем увольнением по статье не отделаться.

— Вы обхэзс, что ли? — спросил он, обмирая.

Я с сожалением посмотрел на него. Разве стал бы инспектор БХСС в такой ситуации задавать еще какие-то вопросы?

— Нет, — сказал я. — Итак, вопрос первый: почему ты покупал джинсы, которые продавал Латынину по сто рублей?

Вот тут я увидел в глазах у него настоящий страх.

— Из угро?

— Нет, — ответил я, начиная терять терпение. — Из другой организации.

Я достал удостоверение и показал его, повернув к нему той стороной, на которой большими буквами написано слово «ПРЕССА».

Несколько секунд он усваивал информацию, а потом глаза у него злобно сузились.

— Щелкоперы, — проговорил он с какой-то неожиданной яростью. — А знаете вы, щелкоперы, что у нас приносит и распивать запрещается? Нажрались тут водки с пивом, а теперь вопросы задают! Вот я сейчас сам милицию вызову, посмотрим, как ты заловишь!

Он сидел напротив меня, сжав зубы, но не делал при этом ни малейшей попытки действительно кого-то звать. Нет, эта дубина явно не могла быть главной фигурой во всей истории.

— Зови, — сказал я решительно, — сейчас составим акт, снимем кассу, заодно другие счета проверим. И кстати, — наклонившись, я дхнул Горелову прямо в лицо, — проведем экспертизу, кто тут у нас пьяный. Я, понимаешь ли, совсем не пью, печень у меня нездоровая.

Вся его ярость мигом куда-то делась. Теперь он смотрел на меня, как глухонемой на радиоприемник. У него даже нижняя губа отвалилась. Происходящее было явно выше уровня его понимания.

— Так почему были джинсы? И уж заодно: кто давал на них деньги? Да, забыл предупредить: все останется между нами. Ну?

Он молчал.

Я встал, застегнул куртку.

— Стой! — сказал он. — Я скажу, но чтобы точно между нами.

Я снова сел. Он протянул руку.

— Сначала отдайте счет.

Я рассмеялся ему в глаза. Он закончил:

— Ну хоть потом-то отдадите?

— Нет, — сказал я твердо, — счет не отдам до тех пор, пока не проверю, сохранил ты мне или нет. И если сохранил...

Он сцепил перед собой большие, как лопаты, руки и взглянул исподлобья. Я порадовался тому, что сейчас день и вокруг нас люди.

— Я его не знаю, — наконец процедил он.

На моем лице, вероятно, очень хорошо отразилось сомнение.

— Почти не знаю. Когда ему нужно, он приезжает сюда или домой мне звонит.

— И о чем вы беседуете?

— Вам что, все мои дела рассказать? — спросил он угрюмо. — Тогда уж лучше сразу стукните на меня ментам за это...

— Хорошо, — покладисто согласился я, — все не надо. Давай про Латынина.

— Про Латынина... — повторил он. — Месяца три назад или чуть меньше звонит он мне домой, я как раз выходной был. Говорит, повидаться надо. И назначает стрелку у телеграфа, под глобусом...

— Кто звонит-то? — спросил я.

— В каком смысле?

— Ну, как его зовут, знакомого твоего?

Горелов посмотрел на меня сумрачно.

— Слушай, отдай счет по-хорошему, нос к носу — и разбежались. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. Плачу две кати, а?

Я молча его изучал.

— Три!

— А пятьсот дашь? — спросил я.

— Да! — быстро сказал он. — Сейчас у ребят соберу. Я покачал головой.

— Почему ж ты его так боишься?

— Раз боюсь, значит, надо, — ответил он. — Так пошло?

— Не пошло. Я ж сказал тебе: все между нами. Он мне нужен, а как я его нашел — пусть гадают.

— Да не нужен он тебе! — взорвался вдруг Горелов. — Наживешь приключений на свою...

— Ты меня не жалий, — сказал я. — О себе лучше думай. Давай рассказывай.

— Ну гляди. Только не жалуйся потом, что я тебя не предупредил. Зовут его Марат.

— В центре крутится?

— Центровой. Но сурьезный товарищ. В общем, встретились мы. Посадил он меня в машину, и поехали мы куда-то на Колхозную, в переулки, встали там напротив какой-то школы.

Сейчас, говорит, покажу тебе парня, запомни его, потом познакомься с ним как хочешь и сделай так, чтоб он пристроился к делу. Подкинуть, значит, ему чего-нибудь сфарцевать или другую какую работенку, главное, чтоб нетрудную и денежную. И вообще, говорит, подружись с ним, а все расходы, говорит, принимаю на себя.

— А что у него за машина?

— У кого?

— Кончай придуриваться, — рассердился я. — Не у мальчишка же!

— «Жигули», синяя, «трешка», кажется.

— Номер?

— Да что ж я, чокутый, номера запоминать?!

— Слушай, Горелов, — сказал я мягко, — пойми наконец, чем скорее я его найду, тем скорее ты получишь счет. Ну, подумай.

Он действительно задумался.

— Кажется, три семерки там есть, но точно не помню.

— Так, хорошо. Что было дальше?

— Дальше я их свел. Познакомил, в общем...

— Когда это было?

— С месяц, наверное.

— А как ты это обставил?

— Как велели, так и обставил. Позвал мальчишку обедать в пиццерию напротив, а Марат туда зашел будто бы случайно. Ну я и говорю вашему Латынину: вот, говорю, настоящий деловой человек, хочешь познакомиться? И все: с тех пор ни того, ни другого ни разу не видал.

На этот раз было похоже, что Горелов не врет.

— Верю, — сказал я поощрительно. — А теперь опиши мне его. Как выглядит, в чем ходит.

Горелов в задумчивости почесал подбородок.

— Росту в нем примерно метр восемьдесят, волосы черные, очки такие затемненные. Что еще-то?

— Как одет?

— Да по-разному. Что у него, по-вашему, одни штаны, что ли? Я его последний раз видел — только снег стоял, а сейчас лето на дворе.

— Сколько ему лет?

— На вид к сорока. А так не знаю...

Я понял, что больше мне из него ничего не выжать. Пора уходить. Но напоследок я все-таки спросил:

— Кстати, а что было в этом чемоданчике, с которым ты его посылал?

— Ни черта. Пара пустых бутылок, тряпье какое-то. И адрес я ему давал то тебе, то тетки.

— И еще: почему, говоришь, были джинсы?

Он криво ухмыльнулся.

— У одного кента брал оптом по сто тридцать.

— А Марату говорил, что сто пятьдесят?

Горелов прямо вскинулся.

— Вы откуда знаете?

— Ладно, — успокоил я его, поднимаясь, — меня это не касается.

— Отдайте счет, — снова стал упрашивать он. — Всю правду ведь рассказал...

— Обождешь, — жестко сказал я. — А пока можешь получить с меня. Минус шесть восемьдесят...

По-моему, когда я отсчитывал ему деньги, он смотрел на меня, как на полного психа. Мы все-таки жили с ним в совершенно разных измерениях.

Феликс и Лика ждали меня в машине.

— А теперь поехали ко мне, — предложил Феликс.

...Поздно вечером, проводив Лиду до метро, мы возвращались по пустынным улицам домой, и Громов спросил меня:

— А тебе не кажется, что ты сейчас лезешь не совсем в свое дело? Если это шайка, пускай ее ловит уголовный розыск.

— Нет, — ответил я твердо, — не кажется. Сухову я, конечно, все передам, но вот задачи у нас с ним разные. Понимаешь, Латынин дружил с Кригером, а это для меня характеристика. Я тоже дружил с Кригером. И старик перед смертью попросил меня помочь вытащить парня. Пускай Сухов ловит шайку, если она, конечно, существует, а я буду искать Латынина. Я не верю, что он имеет отношение к убийству, по крайней мере прямое, но я не знаю, насколько он уже увяз в этом деле. Зато я знаю, чего хотел от меня Кригер: чтобы я не дал увязнуть еще больше. И я обещал ему, что он может на меня положиться.

— Хорошо, — сказал Феликс. — Тогда по-другому спрошу. А ты, часом, не боишься?

— Боюсь, — честно ответил я.

15

Свой следующий рабочий день я начал с того, что дозвонился Сухову и рассказал ему про официанта. Он поблагодарил, но сказал:

— Побаловался, и хватит. Давай кончай свою самостоятельность.

— Какую самостоятельность?! — возмутился я. — Это моя работа, мне, между прочим, за нее деньги платят!

— Не морочь мне голову, — ответил Сухов. — За то, чтобы ловить жуликов, деньги платят мне. А тебе платят за то, чтобы ты потом описывал, как я их ловлю.

Я обиделся.

— Пожалуйста, могу больше ничего тебе не сообщать. — А вот это зря, — сказал он. — Не лезь в бутылку, мы ж с тобой одно дело делаем в конце концов. Я тебе вот что предлагаю: ты ищешь Латынина и ищи. Найдешь — спасибо. А вот Марата оставь, пожалуйста, мне, я сам им займусь.

— Это почему же? — спросил я ревниво.

— Да потому, что ты можешь там напортчить и еще влипнуть во что-нибудь. Ну скажи, найдешь ты его, что будешь делать?

— Ну-у... — задумался я.

— Вот именно «ну-у», — передразнил меня Сухов. — Я чувствую, этого Марата, как того официанта, так просто не обведешь. А слугнуть можно. Если ты уже не слугнул, — добавил он.

Да, резон в его словах был. Но мне не хотелось так просто сдаваться.

— Как же я буду искать Латынина без Марата, если все на нем завязано?

— Обещаю, — сказал Сухов, — что узнаю — расскажу. Договорились?

— Договорились, — согласился я с сожалением. — Кстати, нашли вы потом что-нибудь в квартире?

— Нашли. Два автомата и ящик с гранатами.

— Понятно, — сказал я. — Вот, значит, какой у нас будет обмен информацией.

— А ты как думал? — засмеялся Сухов и добавил уже серьезно: — Ничего мы там не нашли. Хоть и сидели до самой ночи.

Потом я стал думать, как мне найти Витю Жильцова. Мосгорсправка вряд ли поможет. Про него мне было известно только, что он учится в школе где-то в новом районе. В Москве тысяча с лишним школ, и больше половины из них наверняка находится именно в новых районах. Неужели звонить по справочнику в каждую из них? А вдруг еще среди старшекласников окажется не один Витя Жильцов? Сколько времени у меня уйдет на проверку?

Я снял трубку и позвонил Воропаевой. Мне хотелось знать, не существует ли каких-нибудь сводных списков учащихся хотя бы по районам. Оказалось, таких списков нет.

— А вы попробуйте позвонить по райкомам комсомола, — сказала Светлана Николаевна. — Он ведь наверняка комсомолец, этот Жильцов. В Москве, не считая Зеленограда, тридцать один район, вычтите отсюда центральные, и вам останется совсем не так много работы.

Я был восхищен.

— Раз уж вы такая добрая фея, — сказал я, — просветите меня заодно, что за дискотека такая, куда ходил Латынин.

— Год назад у нас в районе открылось молодежное кафе, там устроили дискотеку.

— Туда легко попасть вечером?

— Я бы не сказала. А вам очень надо?

— Хотелось бы.

— Тогда я, пожалуй, могу вас провести.

— Вы?!

— Я, наверное, в вашем представлении совсем старая гримза, да? — засмеялась Воропаева. — Просто еще недавно я работала в райкоме комсомола, так что меня там знают. Когда вы хотите?

— Да хоть сегодня, — сказал я.

— Хорошо. Часов в восемь вас устроит? Сейчас объясню, как туда подъехать...

Витю Жильцова я нашел в девятом по счету районе. Он жил в Лианозове, на Абрамцевской улице. Раньше я даже не подозревал о ее существовании. Правда, оставалась опасность, что это совсем не тот Витя, который мне нужен, но я решил рискнуть.

Я уже совсем собрался уходить, когда раздался телефонный звонок.

— Приветик. — Это была Нина. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я мысленно чертыхнулся.

— Мне бежать надо. У тебя что-то срочное?

— Да, срочное, — сказала она настойчиво. — Я все утро пыталась тебе дозвониться, у тебя без конца занято. Теперь ты, как всегда, убегаешь. Если так пойдет дальше...

— Короче, — оборвал я ее поток, зная по опыту, что это может быть надолго. — Что ты хочешь?

В трубке буквально стало слышно, как она набирает воздух в легкие.

— Я хочу начать с тобой бракоразводный процесс.

Я рассмеялся. Меня развеселила такая напыщенность.

— Не вижу здесь ничего смешного, — оскорбилась Нина.

— Прости, пожалуйста, — сказал я. — Так что в связи с этим требуется от меня?

— Как что? Для начала пойти в загс и написать заявление.
— Эх, Ниночка,— проговорил я,— вспомни, как четыре года назад мы с тобой уже ходили в загс писать заявление. И что из этого вышло?

— Прекрати паясничать,— сердито сказала она.— Я говорю с тобой совершенно серьезно.

— Я с тобой тоже. В загсе придется долго ждать—целых три месяца. А ты собери необходимые бумаги и пойди в районный суд. Скажи, что я не даю тебе развода. Меня вызовут, я приду и соглашусь. Вся процедура займет четыре недели.

— Вот как.— В голосе Нины мне послышалась досада. Кажется, ее даже огорчила моя покладистость. А быть может, ей показалось, что таким образом я вырываю у нее инициативу в этом мероприятии. Для меня всегда оставалось загадкой, в каком неожиданном направлении могут двинуться ее амбиции.— Хорошо, я подумаю.

— Все?
— Нет, не все. Нам надо с тобой решить имущественные проблемы.

Меня снова стал разбирать смех. Откуда она набралась таких выражений?

— Что ты имеешь в виду, Нина? Нашего кота?
— При чем здесь кот! А квартира, а машина?
— Машина была моей и моей останется. Квартира как была твоя, так и будет.

— Так, значит, на квартиру ты не претендуешь,— констатировала она с явным облегчением.

— Нет, не претендую. Встану на очередь в редакции, глядишь, со временем дадут какую-нибудь комнату. А пока буду снимать. Что еще?

— Когда ты заберешь свои вещи?
— Они что, уже кому-то мешают?— спросил я не без сарказма.

— Нет, но...
— Но адвокат сказал тебе, что чем быстрее я их заберу, тем меньше у меня потом будет шансов отсудить у тебя квартиру.

Нина молчала. Врать с легкостью она так и не научилась.
— Ладно,— сказал я благородно.— Сложи их пока наверху, постараюсь что-нибудь придумать. Но ты хоть нашла наконец свое нелегкое счастье?

— Да,— ответила она.— О да!

— Ну, дай тебе бог,— сказал я совершенно искренне.
Была пятница, самая середина дня, когда количество машин на улицах почти достигает своего апогея. День стоял жаркий по-летнему, и мне оставалось только сожалеть, что приходится ехать к Жильцову именно в такое время. Но откладывать не хотелось: решил так решил.

В подобных случаях, когда час пик вынуждает то плестись еле-еле, то вообще стоять подолгу на светофорах и в пробках, чтобы потом проехать два квартала и снова встать, я почему-то всегда обращаю внимание на номера машин, иду среди них необычные (с несколькими нулями, с одинаковыми цифрами), складываю да вычитаю. Игра эта не отвлекает от езды, а скуку скрашивает.

Дорога до Савеловского вокзала заняла у меня тридцать пять минут по часам— раза в три больше, чем в обычное время. То впереди, то позади меня несколько раз оказывались «зеленые» «Жигули» 66-28, и я обнаружил, что если от 8 отнять 2, то получится еще одна шестерка.

Наконец, я выехал на Дмитровское шоссе. Здесь было посвободней, я перестал складывать номера. А если Жильцов ничего про Латынина не знает? У меня же тогда практически ничего не остается в запасе. Дискотека? Очень слабая надежда. И тут у меня замигала лампочка указателя уровня топлива. Я посмотрел на часы: шестой урок в школе все равно кончился через десять минут, шансов поспеть не было. Лианозово почти у самой кольцевой, и кто его знает, есть в этой деревне бензин или нет? Мне еще сегодня целый день ездить. Я свернул к знакомой заправке.

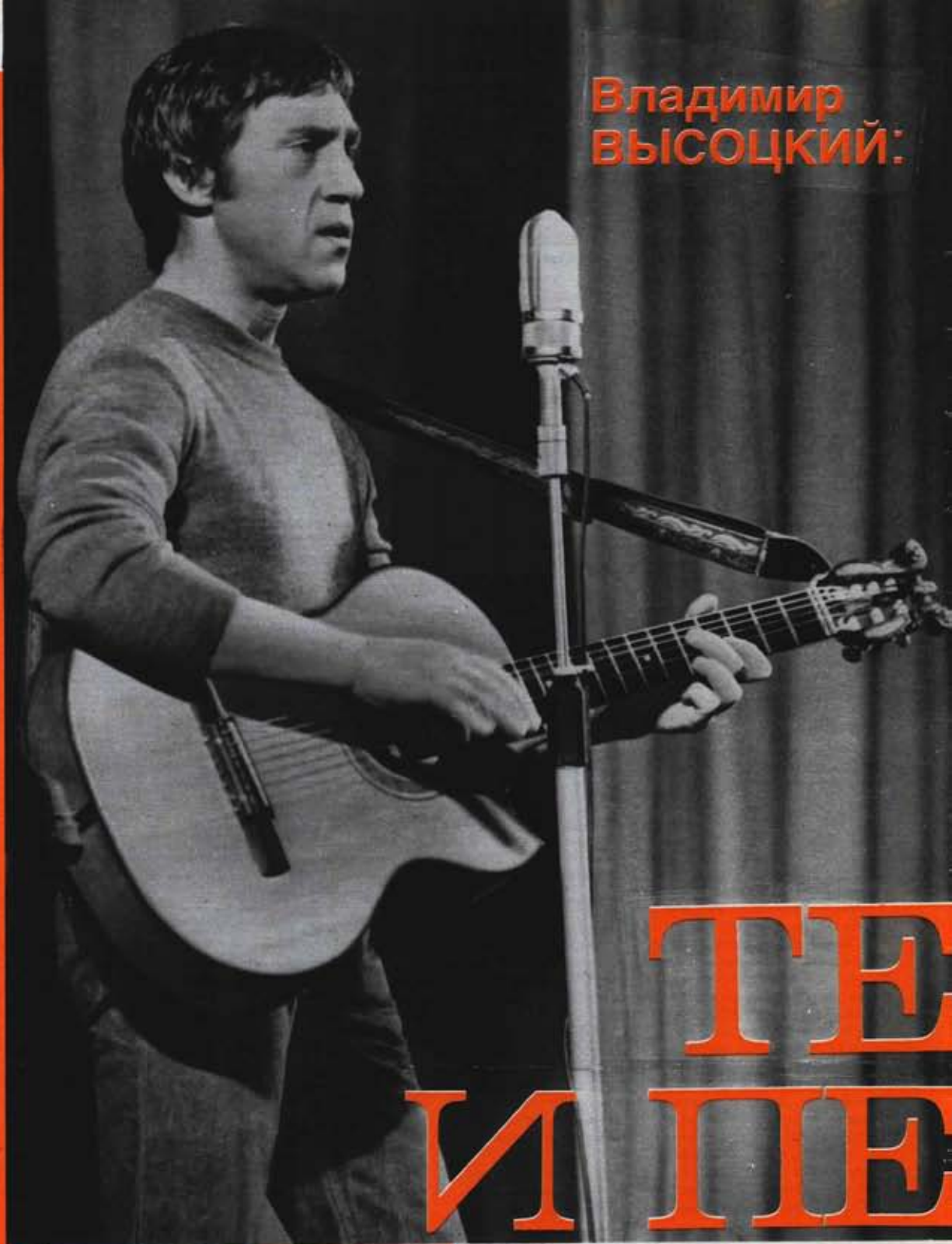
Вопреки ожиданиям машин оказалось немного, не больше десятка к каждой колонке. Минут через двадцать пять, залив полный бак, я снова выехал на Дмитровское шоссе. Остановившись на ближайшем светофоре, я скорее по инерции взглянул на номер стоящих передо мной «Жигулей»: 66-28.

Не знаю почему, но я ни на мгновение не подумал, что это случайность. Нет, я не был готов к такому повороту событий. Никогда в жизни никто за мной не следил вот таким вульгарным детективным способом и мне ни за кем следить не приходилось. Скорее, можно назвать это легким озарением, подготовленным, впрочем, предыдущим ходом событий. Но в тот момент мне было не до этих размышлений.

Не надо быть умудренным читателем детективов, чтобы сообразить, как быстро проверить такие подозрения. Я остановился у табачного ларька. Впервые в жизни меня порадовала небольшая очередь к окошку. Не торопясь купил я сигареты, распечатал пачку, со вкусом закурил и прогулочным шагом направился к машине. Все заняло у меня минуты три-четыре. Я сел за руль, пропустил поток машин и выехал на шоссе. Тормозя перед ближайшим светофором, я глянул в зеркало: зеленые «Жигули» ехали за мной чуть правее и через две машины. За рулем сидел пожилой седоволосый мужчина, коротко стриженный. Рядом с ним другой, помоложе, кажется, в кожаной куртке.

Теперь настало время для размышлений.

Продолжение следует.

Владимир
ВЫСОЦКИЙ:

ТЕ
И
ШЕ

Разговор о творчестве Владимира Высоцкого начали наши читатели:

«Мы любим Владимира Высоцкого. Не подумайте, что из-за моды. О нем ходит множество слухов, часто— нелепых. Очень и очень досадно это слушать...»

Н. Харькова, Е. Головина, М. Востокова, ученицы 10-го класса, Москва

«С детства увлекаюсь его песнями. Гнев вызывает клевета вокруг его имени, досаду— неумение с ней достойно бороться из-за недостатка информации.»

А. Коптелов, комсомольский работник, г. Тольятти

«Мои ученики нередко знакомятся с творчеством Высоцкого по каким-то листочкам сомнительного содержания. Такого рода материалов у нас предостаточно. Иногда бывает трудно противостоять их наглому напору.»

О. И. Козлова, учительница литературы, Одесса

«Мне приходится читать о Высоцком разное. При этом не отношу себя к числу его яростных почитателей. Но хотелось бы прочесть и объективную статью о нем...»

Г. А. Копылов, инженер, Москва

Не все равноценно в песенном творчестве Владимира Высоцкого. Были песни, несовершенные по форме, однотипные по содержанию, были и «однодневки», слишком окрашенные сиюминутностью, слишком «фельетонные». И все же о творчестве поэта судят по его вершинам, а их у Высоцкого немало. И потом его песни не просто песни, стихи не только стихи, мелодии не только мелодии. Песни его— некий синтетический жанр искусства, рожденный нашим временем, его ритмами, его заботами, песни его— вездливое осмысление человеческой психологии и, как правило, глубокое проникновение в душу героя, от имени которого Владимир Высоцкий ведет рассказ.

Вполне естественно, что его песенное, равно как и кинотеатральное, творчество имеет не только сторонников, но и противников. В конце концов однозначного восприятия произведений искусства не бывает. Например, драматург Виктор Розов, размышляя о литературе, в одном из интервью говорил, что ему не только в определенное время года, но даже в определенное время дня созвучен тот или иной писатель— многое зависит от настроения человека, его психики, даже от звуков музыки, которые он слышал в младенчестве.

Кстати сказать, на мой взгляд, и идейный, и эстетический пласт песен Высоцкого предполагает слушателя спорящего, но совсем не восторженно-пассивного, способного бездумно восхищаться, не утруждая себя желанием разобраться и понять. Нема-

ло, к сожалению, людей, особенно молодых (чему свидетельствует огромная редакционная почта), для которых личность и творчество Владимира Высоцкого — повод для домыслов, слухов, обывательского любопытства.

Вокруг меня смыкается кольцо — меня хватают, вовлекают в пляску: так-так, мое нормальное лицо все остальные приняли за маску.

Впрочем, при жизни Высоцкий защищался: «Я все вопросы освещу сполна, дам любопытству удовлетворенье...» или «Нет меня, я покинул Расею, мои девочки ходят в соглях... Я смеюсь — умираю от смеха: как поверили этому бреду?». В предисловии к вышедшему в издательстве «Современник» поэтическому сборнику «Нерв» его составитель Роберт Рождественский пишет: «Когда некоторые «весьма специфические» зарубежные доброхоты пробовали его «на излом», то Высоцкий, оставаясь самим собой, разговаривал с ними жестко и однозначно. Родину свою в обиду он не давал никому». Так было не раз — в США и Канаде, во Франции и Австралии, когда иные нечистоплотные репортеры домогались у него антисоветских интервью или хотя бы секундной жалобы, хотя бы насмешливого космополитизма... У одного это происходило из вульгарно-примитивного понимания его творчества, в котором есть открытое неприятие мещанства, ханжества, глупости, у других — из желания запутать, затемнить, вывернуть наизнанку суть его песен, стихов, а были и такие, кого раздражало его желание быть всегда честным перед собой и людьми. Высоцкий подчеркивал, что его место — в России и только в России, что именно здесь его голос, его песни будут поняты.

Так каким же он был, Владимир Семенович Высоцкий?

Родился 25 января 1938 года в Москве. Отец — кадровый военный, участник боев за Берлин, освобождения Праги. «По-моему, главное в нем то, — рассказывает Семен Владимирович, — что рос он, окруженный людьми простыми и честными, прошедшими через войну, — настоящими людьми».

А Т Р С Н Я

Первоклассник Вова Высоцкий на всю жизнь запомнит то время, когда «возвращались отцы наши, братья по домам...». Потом он будет заново переживать время трудной фронтовой работы, боевого братства, требовавшее от людей невиданной стойкости: «Этот глупый свинец всех ли сразу найдет? Где наступит — в упор или с тыла?»

...Большой Каретный переулок (ныне улица Ермоловой). Школа № 186. Десятый класс. 1955 год. Скуластый, невысокий паренек с темными задумчивыми глазами. Володя Высоцкий. Куда он идет после уроков? К друзьям — редактировать стенную газету. В драмкружок на улице Горького. Или домой, где его ждет только что подаренная родителями гитара и самоучитель. Или же — к книгам. Читал он много. Читал запоем.

Если, путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал, если в жарком бою испытал, что почем, — значит, нужные книги ты в детстве читал!..

Окончив школу, он поступает на механический факультет МИСИ. Но страсть к театру берет свое, и уже через полгода он уходит из института и сдает экзамены в театральное училище. Проходила «пора вступлений и прелюдий».

Для родителей было полной неожиданностью, что Володя принял в школу-студию МХАТа. Приняли, несмотря на пометку одного из экзаменаторов: «Чувством ритма владеет отлично, но голосовых данных не имеет...»

Педагогами Владимира Высоцкого в школе-студии

были П. В. Массальский и А. М. Комиссаров. Наступило время репетиций, бурных дискуссий об искусстве, поэзии, жизни. И все чаще студента Высоцкого видели с гитарой. «Незадолго до окончания школы-студии, — рассказывал он на одной из встреч со слушателями, — я услышал Окуджаву и вдруг понял, что такая манера — свои стихи излагать под ритмы гитарные, даже не под мелодию, а под ритмы именно, — что это более усиливает поэзию, которой я уже занимался к тому времени немножко... В то время я писал для своих друзей, для наших актерских «капустников» в студии». Сквозь подражательство этих ранних песен-стихов «пробивалось» и свое — своя образность, свое особое поэтическое видение мира. Появились первые сочинения «спортивного» и «сказочного» циклов, первые «бытовые» песни-зарисовки. Потом им будет написано более шестисот песен.

...1959 год. Режиссер В. Ордынский приглашает Высоцкого на роль студента Пети в фильме «Сверстницы». Это дебют в кино. В 1960 году Высоцкий оканчивает школу-студию и зачисляется в труппу театра имени А. С. Пушкина. Через три года переходит в Московский театр миниатюр.

...Апрель 1964 года. Высоцкий пришел в Театр драмы и комедии на Таганке. Актриса театра Алла Демидова вспоминает, что, когда в первый раз увидела Высоцкого, он стоял на лестнице в фойе театра и пел — не кому-то, а вообще всем. Осенью он уже играл в брехтовском «Добром человеке из Сезуана». Вперед было целых шестнадцать лет работы в театре. И всего шестнадцать лет жизни.

«Лексика песен Высоцкого, — как писал Александр Межиров, — принадлежит времени, наугадному пафосом, когда нарочитая грубоватость стихийно выполняла особую функцию: противостоять песенкам-конфеткам». Настоящий художник справедливо избегает фальшивой патетики, ибо нигде так не удобно прятаться и проявляться неискренности, корысти, как за ее поддельным блеском. Но без настоящей патетики искусство было бы неполноценным. Высоцкий как бы с двух сторон преодолевает поддельный пафос: «сверху» — подлинным могучим пафосом песен, например, военного цикла, и «снизу» — остроумной издевкой, после которой от лжепафоса не остается камня на камне.

А вот что говорит о творчестве Высоцкого Булат Окуджава: «Если отталкиваться от поговорки «Не выноси сор из избы», то я придерживаюсь точки зрения, согласно которой сор этот выносить нужно как можно раньше и как можно в больших количествах, потому что сора накопится слишком много... Я думаю, что Высоцкий относился к той категории людей, истинных патриотов, людей такого толка, которые считают, что нужно избу от сора очищать, не обращая внимания на то, что скажут соседи».

Несомненно, по природе своей талант Высоцкого глубоко народен. В его образной системе органически уживаются «современные» персонажи русских сказок, метафоры, построенные на фольклорной основе. Большинство стихов и песен прочно связано с верой в способность человека преодолеть, казалось бы, самые безнадежные ситуации: «Хоть какой — доберись, добреди, доползи...», «...конец мой — еще не конец: конец — это чье-то начало». При этом Владимир Высоцкий чужд псевдонародности. Точно сказала поэтесса Новелла Матвеева: «Мы — чего греха таить! — все-таки привыкли связывать народность в искусстве с кренделем, самоваром, сарафаном, с чем-то лебяжьим, дебельным и замедленным, да все это сверху пересыпать треньканьем, да ловизгиваниями, да грубыми прибаутками. Думаю, все это не относится ни к народности, ни к настоящему патриотизму. Владимир Высоцкий редко умилял и умилялся — чаще порицал и высмеивал... Его песни пригодились народу, который и сам ведь давно и неузнаваемо преобразился, образовался, осовременился».

Но, говоря о Владимире Высоцком, нельзя не сказать о таком явлении, которое условно можно было бы назвать «идолопоклонством». Как правило, оно исходит от тех, кто при отборе «культурной пищи» привык исходить исключительно из соображений моды. В конечном счете за таким отношением скрываются узость взглядов, невежество, демонстративное «ничего, кроме (в данном случае) Высоцкого». Мне доводилось видеть целые стеллажи пленок с записями его песен, груды многословных воспоминаний, достоверность которых проверить невозможно, слышать выпренивание речи, до абсурда превозносящее поэта, — и чаще всего все это лишь следование «голой моде», обезличивающей в конечном счете индивидуальность Высоцкого. Он гневно отвергал попытки слишком «любопытных» проникнуть в его личную жизнь, он чувствовал за этим оскорбительное желание создать вокруг его имени «скандальчики с деталями». Суммарный ответ на назойливое любопытство — его песня «Я все вопросы освещу сполна». Болью и беспокоемством пронизана песня «Ахиллес», где фантазия представила «посмертное»

предательство «идолопоклонников», не дававших ему покоя при жизни: «Мой отчаянный сорванный голос превратили в приятный фальцет...» Бросается в глаза разительное несоответствие между масштабом его личности и мелкостью паразитирующих на его имени «толкователей». Да, были в свое время и нарочитая у него экстравагантность, и юношески-тщеславные, нетерпеливые мечты об известности. Это было. Но — было. Высоцкий быстро мучал, ушли суетность, жажда популярности. Он серьезно, неправдоподобно много работал, и накопилось вокруг его имени все более тяготила его. Например, во время гастролей в Одессе он жил не в гостинице со всеми, а у знакомых, в цирке шапито. Он презирал суетливость, ненавидел людей, которые в своем эгоизме, чувстве мнимой причастности к артистической среде «отогревали» свои страсти, пытались за счет других заполнить собственную духовную пустоту. Современные мещане бурно веселились, слушая «Диалог у телевизора», «Сереги» умилялись со смеху при первых строчках «Милицейского протокола». Добродушно ухмылялись завистливые «соседи», у которых вечно «на водку не хватает», и даже казалось, что хохочут «козлы отпущения» и «жирафы, которым видней» только потому, что они большие. Самодовольные и высокомерные, «врубая» на всю мощь магнитофоны, не понимали, что сатира Высоцкого направлена на них. Они продолжали восторгаться, собирать записи, повторять строки, но Высоцкий, автор песен «Канатоходец», «Горизонт», «Чужая колея», «Кони привередливые», «Мы враждаем Землю», «Смерть истребителя», «Я не люблю», оставался, по сути, чужд им и даже враждебен.

Тема преодоления — одна из главнейших в его творчестве. Преодоления горной вершины, океана, глубины морской, собственного страха. В песнях Высоцкого заключена громадная энергия, которая с первых минут звучания переходит в слушателя. Эти песни действительно способны «расширить горизонты». И постыдная становится разнеженная прихоть, поиск бесконфликтности. Мчались его кони... Мчались «по-над пропастью». Он мог умолять коней скакать помедленнее, но сам же все сильнее их подхлестывал. Если взять последние шестнадцать лет его жизни, то на каждый месяц в среднем приходится по меньшей мере три-четыре песни (каждая из которых создавалась в течение нескольких дней непрерывного, напряженного труда, потом еще месяцами находилась в работе, «обрастая» вариантами текста и мелодии) и два-три стихотворения (друзья не знали, когда он успевал писать их даже при его четырех-пятичасовом сне). Кроме того, на каждый год из этих шестнадцати приходится в среднем один-два фильма, одна-две театральные роли. И это не считая работы над пластинками, радиопостановками, не считая многочисленных гастролей и концертов, не считая, наконец, главной работы — постоянных репетиций и спектаклей. «Ясен, конкретен и чрезвычайно талантлив», — сказал о Высоцком кинорежиссер Никита Михалков.

Роль Гамлета Владимир Высоцкий играл в театре на протяжении многих лет. И роль эта была для него чем-то большим, чем просто роль, как и многие песни его — нечто большее, чем просто песни. В Гамлете концентрировались его самые сокровенные раздумья: «Вечные проблемы добра и зла в таком очищенном виде, как они поставлены у Шекспира, звучат сегодня в нашем беспокойном, мятущемся мире особенно остро». А вот слова Высоцкого, которые он сказал на одном из своих выступлений: «Я вообще целью своего творчества ставлю человеческое волнение. Только оно сегодня может помочь нравственному совершенствованию...» Незадолго до смерти он дважды играет Гамлета, несмотря на категорические запреты врачей, в предынфарктном состоянии. Он сознательно выводил себя на такую пронзительную, головокружительную высоту нравственных критериев. Не мог иначе. Считал, что иначе — и не стоило бы. Легко заметить, как часто в творчестве он стремился к морю, в горы, в небо — к чистоте, на все обнажающий простор, где ни скрыть, ни спрятать маломальской подлости, а такие понятия, как «честь», «совесть», «верность», воспринимаются не как отвлеченные абстракции. Для Высоцкого-поэта первопродчество стало призванием. Потому так бережно он относился к тем, кто «наслаждался битвой жизни». Песни его слушали матросы в дальних плаваниях, альпинисты в снежных горах, их знали вулканологи и сплавщики леса, ветераны войны, космонавты, рабочие, стройотрядовцы и шоферы... Песни его дают силу, добрую силу, которая покоится в каждом. Владимир Высоцкий призывал нас в лучших своих песнях никогда не забывать о своей человеческой сути, чтобы в каждом человеке был силен Человек.

Игорь ДЬЯКОВ.

Фото Александра СТЕРНИНА

Я вышла к морю...

Я вышла к морю—было море мрачно
и тяжела вода, и холодна.
И все-таки сиял, светил прозрачно,
как слезка, лунный камешек со дна.
Я вышла в степь—катался ветер
в травах
и тощие цветы под корень гнул.
Но горюцвет все так же своенравно
навстречу солнцу голову тянул.
Я вышла к той горе, что возвышалась,
как горе отстрадавших близ нее,
и поняла: здесь места не осталось,
чтоб разделить страдание мое.
Я в дом вернулась. Было очевидно,
что от своих невыносимых бед
ждать избавленья—вне себя—

постыдно.
Все, что в тебе,—твое. Вот в чем
секрет.

Чтоб эта жизнь тебя опять любила,
все вынеси—не возведи в упрек.
Так из единства слез, терпенья, силы
явились море, камень и цветок.

Прибалтийская волна
лижет след и жжет подошвы...
— Милый, где ты? Как живешь ты?
Я тебе ли не нужна?

Милый—малый без затей,
весь отглажен и отточен:
— Все нормально. Но не очень.
Жди дальнейших новостей.

Прибалтийская волна
дыбит холку—вглубь не лезте.
— Милый, сердце не на месте,
как один ты... я—без сна.

Милый—малый не дурак,
он не выбьется из формы:
— Пульс сегодня выше нормы,
остальное—знаешь, как...

Прибалтийская волна,
как хмельная брага, бродит.
— Милый, вспомни: жизнь проходит.
Жду тебя—тебе верна.

Не будет хорошо, что было плохо.
Поступкам и словам дана цена.
Вы скажете: прошла эпоха вздохов,
другие наступили времена.
Мне б вашу веру—было б горя мало.
А я вздыхаю: нет назад пути.
Восторг, как торг, он любит зубоскалов
и сам готов вкруг пальца обвести.
Довольно! Отсмеялись. Отыгались.
Восторженности лопнула струна.
Но все ж пластинки старые остались
И старых чувств восходят семена.
Едва ли опыт возвратит героизм
словам, лишенным музыки страстей.
Одно навек достоинство и свойство:
надеяться, вздыхать, любить людей.

Зима любви

Не до лета теперь, не до лета.
Надо только успеть, ты пойми,
вышить имя морозного цвета
на холщовой рубахе любви.
Надо только суметь—в том все
дело:

спутать нити, что были поврозь,
чтоб от белой душа просветлела,
чтоб от черной аж сердце
зашлось.

Надо только увидеть—подумай,
погляди сквозь себя,
пораскинь,

чтоб в обычности самой угрюмой
проступала и зелень, и синь.
Это мы напридумали сами
серость будней, как норы, кроты...

Но как будто в насмешку
над нами
остаются цветами цветы.
И земля б не очнулась

от встрясок,
но сквозь громы ее и шумы
торжествует загадочность

красок,
чтобы стали задумчивей мы.
Мы и сами—загадка. И в этом
наше счастье. О чем же тужить...

Надо только помедлить
с ответом.

Надо зиму любви пережить.

Как долго сельское во мне живет!
И в городе на крохотном участке
Вскопал я, как в ауле, огород
И овощи взрастил там по-кавказски.

Семейный человек я, городской,
Мне дорог детский смех и голос
женский,
Но, окруженный доброю семьей,
Люблю я все ж ее по-деревенски.

И Родину великую люблю,
Как сеятель, как пахарь, по-земному.
В ней ощущаю плоть и кровь свою
И чую очага дымок знакомый.

Нет, я не тот мальчишка городской,
Что с детства средь машин, домов,
трамваев:
Гляжу на дом, на труд, на род людской
Глазами сельских вдумчивых хозяев.

И пусть «деревня» скажут обо мне,—
Да, я такой, я родом из аула...
И мне аул мерещится во сне
И даже днем, средь уличного гула...

И, может быть, я тоже, наконец,
Сбегу из городской своей квартиры
И стану жить в ауле, как отец,
Трудясь в полях и слыша песнь
фандыра.

Ухаживать я стану за землей,
За той, которая меня взрастила,
Ей, наделенный верой молодой,
Отдам я опыт свой и силы.

Отец мой и поныне, хоть и стар,
Ухаживает за землей любовно.
Его талант, его природный дар
Соседи превозносят многословно.

И он, на празднике подняв бокал,
Тост говорит за труд и изобилье,
Чтоб каждый, кто пахал, косил и жал,
Вознагражден был за свои усилия.

Три осетинских пышных пирога
Разрезавши, меня там люди вспомнят...
О, как мне эта память дорога,
Зоя в простор из тесных, душных
комнат!

Перевел с осетинского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Кем ты вырастешь, сын,
Путь какой изберешь,
Как с грядущим ты встретишься
веком?

Не о многом прошу—
Мысль у сердца ношу,
Чтобы добрым ты был человеком.
Чтобы бурь и невзгод
Мерный круговорот

Не лишал тебя мужества, силы,
Лишь бы чтил седину
И родную страну
С таким именем теплым—Россия.

Если будет душа
Отзываться твоя
На чужие страданья и боли—
Знать, не зря по ночам
Часто бродим с тобой
По бескрайнему русскому полю.

Там гремели бои.
Задыхаясь в пыли,
Рожь под ливнем свинцовым
стонала.

Там поют соловьи
О великой любви,
Зарождающей жизни начало.
Будь же счастлив, сынок,
Широтою дорог

И дыханьем вершин поднебесных.
Посади деревцо для России свое,
Сбереги в себе душу народа ее,
Подхвати, обогрей, пронеси, передай
Журавлину Родины песню.

Валентин ВИКТОРОВ

Знаешь ли, доченька, сколько дорог
Пройдено было?
Сколько солдат не вернулось домой,
Сколько погибло?
Знаешь ли, сколько земля приняла
Их, безымянных,
Чтобы счастливой родиться смогла
Девочка Яна?

Дыханье подснежников белых,
Прозрачные капельки рос,
Румянец черешен неспелых
Твой образ мне в сердце принес.
Мы встретились утром туманным,
Чуть слышно журчанье ручья,
Любовь твоя самой желанной
Наградой была для меня.
Блуждают оркестры галактик в ночи—
Свое бы им солнце найти.
Но только влюбленным Вселенной
ключи

Откроют к светилу пути.
И шлют мне созвездия искры огня
На крыльях высокой мечты.
Два солнца сияют теперь для меня:
И солнце на небе, и ты.

Ясный рассвет тебе был сохранен
Жизней ценою.
Сколько прекрасных и светлых имен
Стерто войною?
Помни: за правду, за мир, за тебя
Люди сражались,
Чтобы сегодня на нашей земле
Жизнь продолжалась.

Песня

Струится тропинка лесная,
Играет колдунья-луна.
Лечу на свиданье и знаю,
Что вечною будет весна.
Разносятся гамм переливы,
Поют нам с тобой соловьи,
О том, что я самый счастливый,
Глаза мне сказали твои.
Блуждают оркестры галактик в ночи—
Свое бы мне солнце найти.
Но только влюбленным Вселенной
ключи

Откроют к светилу пути.
И шлют мне созвездия искры огня
На крыльях высокой мечты.
Два солнца сияют теперь для меня:
И солнце на небе, и ты.

Алый парус

Словно рыжики в лесу,
На солнечной опушке,
Рассиялись на носу
Шалуны-веснушки.

Голубыми лучиками
Светятся глаза.
Набегают тучки—
Катится слеза.

Эх ты, доча-доченька,
Это ли беда?
Не быть горю горше бы,
Посмотри сюда:

Это жизнь и соль ее
В песне ручейка.
Из него раздольная
Вырастет река.

А по ней белесые,
Ясных дней краса,
Разбегутся плесами
Счастья паруса.

И под алым парусом
Сказочной мечты
К берегу приблизишься,
Доченька, и ты.

Рисунок В. ГОРЮНОВА, Рязань

Рисунок И. ЧЕЛМОДЕЕВА, Москва

Рисунок М. МАМИНА, Вильнюс

КРОССВОРД

Составил В. МАЙ
Душанбе

По горизонтали:

7. Самый первый в мире мощный ледокол. 11. Объем познаний, интересов. 12. «Цветочки ангельские, а когти кошачьи». 13. Сиденье в лодке. 16. Цирковой жанр, жонглирование ногами. 17. Порода собак, упоминаемая в рассказе А. И. Куприна «Собачье счастье». 18. Топливо. 19. Самая нарядная из певчих птиц. 24. Жестяная посуда. 26. Узбекская актриса, народная артистка СССР. 27. Вредная африканская муха. 28. «Пятеро волов одной сохой пашут». 29.

Транспортное предприятие. 30. Физик XIX—XX века, изобретатель электрического счетчика и частотомера. 33. Тригонометрическая функция. 37. Роман П. Лукницкого. 39. Устройство — посредник между человеком и ЭВМ. 40. Музыкальная пьеса на темы известных мелодий. 41. Народный певец и сказитель у таджиков и афганцев. 44. Гриб, растущий только вблизи берез. 45. Качество, необходимое воину. 46. Туристское путешествие.

По вертикали:

1. Отличительный знак города, государства. 2. Пряность. 3. Пристань на канале имени Москвы. 4. Столица, прежнее название которой Пишпек. 5. Сказка Х. К. Андерсена. 6. Военское подразделение. 8. Автор романов «Джунгли», «Король Уголь». 9. Древнеримский поэт-сатирик. 10. Стойка, замедляющая движение якорной цепи. 14. Система приемов земледелия. 15. Персонаж оперы Д. Пуччини «Тоска». 20. Кристаллический сланец. 21. Известный советский танцовщик. 22. Орган дыхания рыб. 23. Почет,

уважение. 24. Остров у берегов Египта, известный одним из семи чудес света. 25. Горный массив в Амурской области. 31. Русское название серебряного талера. 32. Снаряд для тренировки вестибулярного аппарата летчиков и космонавтов. 34. Водопад в Бразилии на одноименной реке. 35. Местное учреждение в старой России. 36. Старинное название белки. 38. Трос для страховки циркового артиста. 41. Сельский дом. 42. Место действия, часто упоминаемое в романах Ф. Купера. 43. Игрушка, бесполезная без ветра.

27-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Мы продолжаем знакомить читателей «Смены» с творчеством выдающихся шахматных композиторов.

ЧЕМПИОН МИРА ПО ЭТЮДАМ
В списке официальных титулов ФИДЕ такого звания нет. По шахматной композиции проводятся только командные первенства мира. Но, по всеобщему признанию, королем шахматного этюда является Генрих Каспарян. Когда в 1972 году ФИДЕ учредила звание международного гроссмейстера по шахматной композиции, Каспарян был первым из этюдистов, получивших его «гонорис кауза».

В начале своей шахматной карьеры Каспарян успешно делил свою привязанность между композицией и практической игрой. Первый шахматный мастер в Армении, десятикратный чемпион республики, Каспарян четырежды выходил в финал первенства СССР.

Приводим один из этюдов Каспаряна.

Конкурс памяти Л. Куббеля
1946 г. I приз

Выигрыш

1. Kg7! Белые расстанутся с проходной пешкой, но отвлекут черную ладью с линии «с». 1... Л:h6 2. Лс5+ Крd4. Черные отдадут фигуру, планируя атаку на неудачно расположенного коня белых. 3. Лс4+! Белые вынуждены подтолкнуть короля туда, куда он и сам стремится. На немедленное 3... Лс7 последует 3... Лh2+, и теряется последняя пешка. 3... Кре5 4. Л:с7 Крf6 5. Ке8+ Крf7 6. Лс8. Белые защитились, но их фигурам нелегко развязаться. Правда, черные не могут прямолинейно играть 6... Лh8 из-за 7. Кd6+. Но коварным ходом 6... Ле6+! они ставят перед белыми трудную задачу! 7. Крd1!! Достойный ответ! Смысл его раскроется позже. 7... Лg6! 8. Кс7. Белые уходят от связи по восьмой горизонтали, но она возникает по линии «с» — 8... Лс6! Чего же достигли белые? 9. Крd2!!, и черные в цугцванге! Будь здесь ход белых (в случае 7. Крd2?), они не смогли бы ликвидировать связь, например: 9... d4 Лс4 10. d5 Крg6! или 9. Крd1 Лс3 10. Крd2 Лс6. Теперь же ход черных, и это губит их. 9... Лс5 10. Лf8+! Кр:18 11. Ке6+; 9... e5 10. Кb5! Л:с8 11. Кd6+; 9... Крg6 10. Кd5, в каждом случае белые освобождаются с помощью коневой вилки.

Следующая позиция приводит к для самостоятельного решения.

Ничья

Решение будет напечатано в следующем номере.

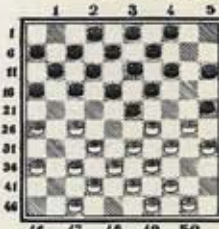
3-Я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

В Таллине прошел международный турнир по шашечным шашкам.

По просьбе читателей предлагаем фрагменты некоторых партий.

А. ГАНТВАРГ — Р. ПИСТ

Черные перешли в преждевременную атаку.

15... 23—28? 16. 32:23 19:28 17. 33:22 17:28.

Белые, используя комбинационные нюансы позиции, переходят в решительную контратаку, и игра заканчивается в несколько ходов.

18. 38—33! 18—22.

Нельзя 18... 12—17 19. 33:22 17:28 из-за 20. 27—21 16:27 21. 36—31 27:36 22. 47—41 36:38 23. 43:1. Сопротивляться еще можно было после 18... 18—23.

19. 27:18 13:22 20. 42—38 9—13 21. 30—24 3—9.

А сейчас следует комбинация.

22. 24—19 13:24 23. 29:20 15:24 24. 34—30 25:34 25. 39:10 28:48 26. 10—5 48:31 27. 36:18 12:23 28. 5:37. Черные сдались.

М. КОРЕНЕВСКИЙ — А. АБИДИН

42... 10—15?

Черные испугались призраков. 42... 10—14 43. 35—30 24:35 44. 33—29, но здесь неожиданность 44... 17—22! 45. 29:27 (45. 28:7 26:17! 46. 29:18 2:22x) 45... 26:17 с ничьей или 42... 7—11 43. 21—16 12—18 44. 16:7 2:11 45. 34—29 23:34 46. 28—22 17:39 47. 38—33 39:28 48. 32:5 24—30 49. 35:24 34—40 с хорошими шансами на ничью.

43. 34—30.

На 43. 48—43 Абидин заготовил красивую комбинацию 43... 24—30 44. 35:13 15—20 45. 28:19 2—8! 46. 13:22 26:48.

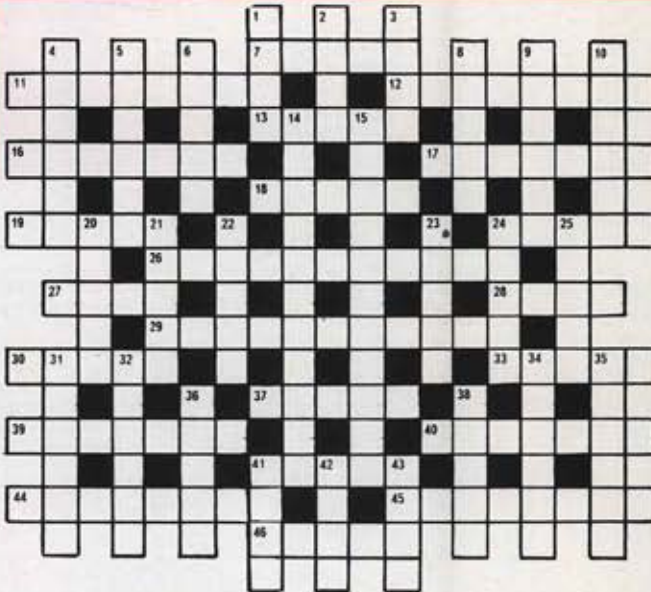
43. 2—8.

Плохой эндшпиль у черных после 43... 7—11 44. 21—16 2—7 45. 30—25 12—18 46. 35—30 24:35 47. 33—29 23:34 48. 28—22 17:28 49. 32:1.

44. 48—43 8—13 45. 43—39 13—18.

Другого нет. После 45... 7—11 46. 21—16 13—18 47. 16:7 12:1 выигрывает 48. 28—22.

46. 28—22 18:16 47. 37—31 26:28 48. 33:2 12—17 49. 39—34 17—21 50. 38—33 21—27 51. 2—8 15—20 52. 8—2 20—25 53. 2—8 24—29 54. 33:13 27—32 55. 8—26 32—38 56. 13—9 38—43 57. 9—4 43—48 58. 4—15 48—43 59. 26—37. Черные сдались.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

9. Ашхабад. 10. Чичагов. 11. Жбан. 12. Диаметр. 16. Чемерица. 20. Хорал. 21. Жерико. 22. «Ниагара». 23. Мина. 24. Волга. 25. Алтека. 26. Однодум. 28. Шнор. 29. Шапокляк. 31. Узус. 35. Экран. 36. Агат. 37. Катакт. 40. Ясло. 41. Артерия. 44. Турель. 45. Князь. 46. Клен. 47. ...Бартаг. 48. Иракец. 51. Иияма. 52. Шелкалов. 54. Ухватка. 57. Баул. 58. Беседка. 59. Надежда.

По вертикали:

1. Фанданго. 2. Яхта. 3. Аббе. 4. Удар. 5. Фидер. 6. Гашек. 7. «Зори». 8. «Обломов». 13. «Илиада». 14. Мегион. 15. Тиркушка. 16. Чемпион. 17. Мицелла. 18. Ромашка. 19. Цинхона. 27. Марка. 30. Патриарх. 32. Засилье. 33. Скотник. 34. Штурвал. 35. Эралийев. 38. Сестра. 39. Пикник. 42. Янгибад. 43. Изумруд. 49. Ранец. 50. Кошка. 53. Лжец. 54. Урна. 55. Веди. 56. ...Тежу.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 05.08.85. Подписано к печати 16.08.85. А 04614. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2357. Заказ № 1311. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

*Спорт - это труд,
а труд - это прекрасно!*
Ласта

Спортивный автограф

ОЛЬГА МОСТЕПАНОВА

В гимнастике официальные рекорды, как известно, не фиксируются. Но то, что сделала на прошлогодних крупнейших международных состязаниях «Дружба-84» московская школьница Ольга Мостепанова, можно по праву назвать рекордом, причем абсолютным. В финале она завоевала четыре высшие оценки по десять баллов во всех четырех видах многоборья! Тысячи зрителей на Зимнем стадионе в чехословацком городе Оломоуце бурно приветствовали пятнадцатилетнюю победительницу.

Впервые Мостепанова блеснула в 1980 году. Уже тогда она повергла в изумление смелыми сверхсложными комбинациями скудную на эмоции лондонскую публику. «Перед нами Нью-Оля, новая Ольга Корбут!» — восторженно писали английские газеты, полагая, очевидно, что для любой юной гимнастки это лучший комплимент. Между тем в детстве кумиром Мостепановой была не Корбут, как у большинства ее ровесниц, а Эльвира Саади — на редкость грациозная и поэтичная спортсменка, чемпионка мира и Олимпийских игр, которую подруги по команде называли Шахерезадой.

Нетрудно представить, как обрадовалась Оля, когда на нее вдруг обратил внимание тренер Саади Владимир Филиппович Аксенов!

В гимнастику Мостепанова попала в общем-то случайно. Олина мама услышала по радио объявление о наборе шестилетних девочек в динамовскую спортивную школу и наутро повела дочь на стадион — с той лишь целью, чтобы маленькая непоседа нашла наконец точку приложения своей энергии. К тому же они жили неподалеку от «Динамо», и родителям было удобно возить Олю на тренировки.

Вскоре Мостепановы переехали на другой конец столицы — в Текстильщики. И теперь маме часто не хватало времени возить дочь на стадион. Тогда Оля ехала одна, с несколькими пересадками. Однажды заблудилась в метро, расплакалась, и строгая дежурная по станции решила отправить ее домой. Но Оля упростила-таки показать ей дорогу на «Динамо». Она не представляла, как это можно пропустить занятия. Обязательность уже тогда была одной из главных черт характера юной гимнастки.

Владимир Филиппович Аксенов в то время только-только переехал из Ташкента в Москву и готовил Элю Саади к Монреальской Олимпиаде-76. К последней для нее — и это тренер знал. Надо было думать о новых ученицах. И вот кто-то из коллег посоветовал Аксенову присмотреться к Мостепановой.

— Выигрышной внешностью Оля не отличалась, — вспоминает тренер. — Но была резкой, подвижной, сильной. И не в меру озорной. Я задумался: как с ней разговаривать? Саади — та пришла ко мне в двенадцать лет, уже, по гимнастическим меркам, взрослой спортсменкой. А эта совсем малышка. Решил: попробую с ней поговорить по-взрослому, сразу настроить на серьезный труд. Поймет — хорошо, не поймет — буду искать другую ученицу. Оля поняла меня.

Это, однако, вовсе не означало, что под влиянием сурового тренера Оле

пришлось круто изменить характер, стать эталонной сверхправильной девочкой-послушницей. Нет, после занятий в кругу подруг она по-прежнему не прочь поозорничать и сплывет в сборной великой мастерицей на розыгрыши. Но в зале, на тренировках, Мостепанова совсем другая — спокойная, обстоятельная, сосредоточенная.

— Владимир Филиппович приучил меня с уважением относиться к любому делу, будь то гимнастика, учеба в школе или что-нибудь другое, — говорит Оля. — И я ему за это бесконечно благодарна. Когда есть настоящая, большая цель и твердое желание ее достичь, становится гораздо интереснее жить.

Даже тренер нередко изумлялся жадности маленькой Оли к работе. Обычно во время тренировки ей не хватает. До сих пор она, возвращаясь домой, стаскивает с кровати на пол матрац и крутит на нем салют. Неудивительно, что когда в «Динамо» учредили «Кубок Саади» для самых юных гимнасток, первой его обладательницей стала Мостепанова. В тот день Владимир Филиппович подумал: а ведь новая ученица, пожалуй, способна пойти дальше прежней. И предложил: «Давай попробуем соединить в твоей гимнастике сложность и риск, которыми отличалась Корбут, с поэтической красотой Саади. Ты представляешь, какой тут может получиться сплав!»

Они работали много и упорно. «Добивались, чтобы мое выступление вызывало ощущение полета», — поясняет Оля. И вот в октябре 1983 года в Будапеште она, дебютируя на чемпионате мира, сразу взлетела на пьедестал.

Тогда на помосте развернулся жаркий спор между лидером нашей сборной ростовчанкой Натальей Юрченко, знаменитой Макси Гнауком из ГДР и румынкой Екатериной Сабо. А Мостепанову никто в общем-то всерьез не принимал: в гимнастике, как и в фигурном катании,

арбитры не слишком благосклонны к новичкам и не спешат им выставлять высокие оценки. Но... На бревне — одном из коварнейших снарядов — споткнувшись, не справившись с волнением, и Гнаука, и Сабо. Перед Ольгой неожиданно сверкнула надежда на «серебро», но только в том случае, если ей удастся «пройти» бревно на 9,9 балла. Оля долго, очень долго настраивалась на выступление. И получила нужную оценку! Да к тому же первой в мире исполнила сверхсложную комбинацию, которая теперь официально именуется «соединением Мостепановой». Юрченко — первая, Мостепанова — вторая. Так закончился будапештский чемпионат. А через девять месяцев, на турнире в Оломоуце, Оля опередила и Наталью.

Аксенов утверждает, что у его воспитанницы математический склад ума. Ольга действительно предельно рационально расходует силы на трениров-

ках, быстро осваивает новые программы. Она добавляет, что это нередко выручает ее в трудных ситуациях.

— Так было, например, на «Дружбе-84», — говорит гимнастка. — На разминке перед состязаниями в многоборье я неожиданно сорвалась с бревна. А через пару минут выступать, и уже нет времени повторить упражнение, чтобы понять, в чем же допущен промах. Тогда я мысленно разобрала комбинацию по винтикам, обнаружила свою ошибку, а заодно сосредоточилась, успокоилась. И получила десять баллов!

Но математик в Оле соседствует с лириком. И оттого ее гимнастика не только удивительно сложна, но и одухотворенна. Многим болельщикам наверняка запомнились ее прекрасные вольные упражнения под «Гранату» в исполнении оркестра Джеймса Ласта, которые на «Дружбе-84» были оценены золотой медалью. А на представительном международном турнире в Барселоне местные зрители долго стоя рукоплескали Ольге и говорили, что до нее еще никому не удавалось так ярко выразить на гимнастическом ковре характер и колорит испанского танца.

Недавно за большие достижения в спорте пятнадцатилетняя гимнастка Ольга Мостепанова была награждена орденом «Знак Почета».

— Сложность в сегодняшней гимнастике, конечно же, играет большую роль, — замечает Оля. — Но ни в коем случае нельзя поступать в погоне за сногсшибательными трюками художественной стороной программ. Мы с тренером за красивую, вдохновенную гимнастику.

Именно такую гимнастику мы надеемся увидеть в исполнении Ольги на очередном чемпионате мира, который состоится в ноябре в Канаде.

Сергей ШАЧИН

Фото Владимира САФРОНОВА